

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2019

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21.01.2019 № 24) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

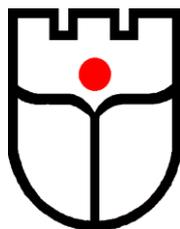
Мажэйка М.А. Сіндром Антэя: экалагічная свядомасць беларусаў у прастору дыялогу заходняй і ўсходняй культур	5
Лепешко Б.М. Роль личности в истории: метафизический аспект	11
Онупrienко С.П. Философско-исторические основания становления речевой культуры в контексте творческо-познавательных ориентиров учащихся	18
Наливайко И.М. Темпоральный статус повседневности	28
Иванчина О.Н. Методологические тренды современной криминологии	35
Финслер О.В. Философские основания художественного пространства в изобразительном искусстве ...	45
Люкевіч У.П. Крызіс філасофіі алімпізму ў перыяд 1972–1980 гг.: Прэзідэнт МАК Майкл Морыс Лорд Кіланін як абаронца ідэалаў спорту	52
Климович А.В., Жук С.А. Научно-технологические вызовы западной цивилизации в контексте концепции «Конца истории» Ф. Фукуямы	60
Петрушак В.Л., Мохамад Б.А. Мир-система капитализма как феномен исторического бытия человечества	69
Бльок Н.В. Глобализационные процессы и их влияние на внешнюю миграцию населения Украины	77
Ровбо М.В. Специфика критики спекулятивного разума в философии И. Канта и Ф. Ницше	84

ПАЛІТАЛОГІЯ

Лысюк А.И. Русская революция в концепции Николая Бердяева	90
Северин Э.Н. Теоцентрическая парадигма прав человека: политический аспект	99
Левчук Н.Н. Беларусь в условиях перехода к новому технологическому укладу: от инновационной эффективности – к инновационной безопасности	106
Венідзіктаў С.В. Інтэграцыйны рэсурс арабскага тэлебачання як суб’екта палітычнай камунікацыі	112
Король Е.В. Таможенная политика в процессе обеспечения экономической безопасности	119

САЦЫЯЛОГІЯ

Цыбульская Н.В. «Цифровое исключение» пожилых людей в современном обществе (по материалам публикаций польских социологов)	123
Скакун Е.В. Особенности формирования среднего класса в Брестской области: социологический аспект	129
Лученкова Е.С., Мядель А.П. Социальный интеллект переходного общества в гносеологическом дискурсе бихевиоризма	139
Тишкевич М.Я. Социальный капитал и связи с общественностью органов местной власти: социолого-управленческий подход	144
Столяров Д.В. Влияние патриархальных стереотипов на показатели уровня жизни мужчин в белорусском обществе	149
Соколовская М.Г. Кинизм и утопический социализм о преодолении гендерного неравенства	159

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromau (Russia)

A.N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanau

V.M. Vatyl

A.N. Grygarovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Rashednikau

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution

«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2019

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 21, 2019 № 24) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Majeiko M.A. Antey's Syndrome: Environmental Consciousness of Belarusians in the Space of Dialogue of Eastern and Western Cultures.....	5
Lepeshko B.M. The Role of Personality in History: the Metaphysical Aspect.....	11
Onuprienko S.P. Philosophical and Historical Base of Formation of Speech Culture in the Context of Creative-Educational Orientations of Students	18
Nalivaiko I.M. Temporal Status of the Everyday	28
Ivanchina O.N. Methodological Trends of Modern Criminology	35
Finsler O.V. Philosophical Basis of the Art Space in the Fine Arts.....	45
Lukievich U.P. Crisis of Philosophy of Olympism during 1972–1980 years: IOC President Michael Morris Lord Killanin as a Defender of Sports Ideals.....	52
Klimovich A.V., Zhuk S.A. Scientific and Technological Challenges of Western Civilization in the Context of the Concept of the «End of History» F. Fukuyama	60
Petrushak V.L., Mohamad B.A. Worldsystem of Capitalism as a Phenomenon of the Historical Being of Humanity	69
Blok N.V. The Impact of Globalization Processes on the Foreign Migration of Ukraine's Population	77
Rovbo M.V. Specificity of the Critique of Speculative Reason in I. Kant's and F. Nietzsche's Philosophy	84

POLITOLOGY

Lysiuk A.I. Russian Revolution in the Conception of Nikolai Berdyaev.....	90
Severin E.N. Theocentric Human Rights Paradigm: Political Aspects	99
Levchuk N.N. Belarus in the Conditions of Transition to New Technological Way: from Innovative Efficiency to Innovative Safety	106
Venidziktau S.V. Integration Resource of the Arab Television as the Political Communication Subject.....	112
Korol E.V. The Customs Policy in the Process of Providing Economic Security.....	119

SOCIOLOGY

Tsybul'skaya N.V. «Digital Exclusion» of Older People in Modern Society (Based on Publications by Polish Sociologists)	123
Skakun E.V. Features of the Formation of the Middle Class in the Brest Region: a Sociological Aspect	129
Luchenkova E.S., Myadel A.P. Social Intelligence Transition Society in Epistemological Discourse of Behaviorism	139
Tsishkevich M.Y. Social Capital and Public Relations of Local Government: Socio-Administrative Approach....	144
Stolyarov D.V. Influence of Patriarchal Stereotypes on the Indicators of the Living Standard of Men in Belarusian Society	149
Sokolovskaja M.G. Cynicism and Utopic Socialism on Gender Inequality Overcome	159

ФІЛАСОФІЯ

УДК 504.03

М.А. Мажэйка

*д-р філас. навук, праф., заг. каф. філасофіі і метадалогіі гуманітарных навук
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў
e-mail: marina-mojiko@yandex.by*

СІНДРОМ АНТЭЯ: ЭКАЛАГІЧНАЯ СВДОМАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ У ПРАСТОРЫ ДЫЯЛОГУ ЗАХОДНЯЙ І ЁСХОДНЯЙ КУЛЬТУР

Разглядаецца экалагічная свядомасць беларусаў як феномен экалагічнай культуры свету са спецыфічнымі рысамі, што адрозніваюць яго ад экасвядомасці як заходняй, так і ўсходняй традыцый.

Уводзіны

Асноўнай мэтай артыкула з'яўляецца доказ унікальнасці экалагічнай свядомасці беларусаў. Для дасягнення гэтай мэты неабходна вырашэнне наступных задач: выяўленне спецыфікі ўсходняй і заходняй экалагічных традыцый і вызначэнне адрозненняў беларускай экалагічнай свядомасці як ад адной, так і ад другой.

Гаворачы пра ўсходнеславянскую культуру, нярэдка адзначаюць, што яе духоўная прастора выступае месцам сустрэчы традыцый Усходу і Захаду. Але гэтую сустрэчу нельга разглядаць як простае спалучэнне: на самай справе іх узаемадзеянне – гэта складаны крэатыўны працэс, вынікам якога з'яўляецца самабытная свядомасць, у тым ліку экалагічная. Сітуацыя ўзаемага ўплыву заходніх і ўсходніх версій светаўспрымання, якія прыйшлі да ўзаемадзеяння з прычыны знешніх цывілізацыйных абставін, заўсёды адзначалася высокай крэатыўнасцю, задаючы ў гісторыі культуры новыя тэндэнцыі развіцця. У якасці прыкладаў, якія мадэлююць узаемадзеянне традыцый у маштабе *Захад – Усход*, можна прывесці ўзаемаўплыў антычнай і ўсходняй культур падчас паходаў Аляксандра Македонскага, што абумовіла багацце і разнастайнасць эліністычнай культуры, а таксама ўзаемадзеянне бліжнеўсходняга ірацыяналізму (іўдзейскага монатэізму) і заходнееўрапейскай рацыянальнасці (антычнай філасофіі), якое выступіла культурнай глебай фарміравання хрысціянства. У гэтым шэрагу можа быць разгледжана і экалагічная свядомасць у кантэксце беларускай культуры. І тут трэба мець на ўвазе наступныя абставіны.

Па-першае, гаворка ідзе ніяк не пра знешнія формы ўплыву заходняй ці ўсходняй традыцыі на нашу культуру. Гэта значыць не пра ўключэнне ў яе кантэкст тых ці іншых ідэй ды канцэпцый, экзатычных з пункту гледжання яе зместу, што застаюцца маргінальнымі, хаця і аказваюць на яе развіццё адпаведны ўплыў, а, наадварот, аб арганічным змястоўным спалучэнні на аксіялагічных падмурках беларускай экасвядомасці каштоўнасных аспектаў, якія генетычна ўзыходзяць як да заходняй, так і да ўсходняй традыцый, аб глыбокай інтэгральнасці беларускай экалагічнай культуры. Па-другое, гэта ўвогуле не ўспрыманне заходніх ці ўсходніх узораў светапогляду, але іх арганічны сінтэз, які дае арыгінальны вынік. Традыцыі беларускай нацыянальнай культуры, прааналізаваныя з пункту гледжання іх экалагічных арыенціраў, з поўным правам могуць быць ацэненыя як экафільныя. Перш за ўсё гэта звязана з тым, што беларуская экакультура ў значнай ступені захоўвае ў сваіх змястоўных падмурках традыцыйныя архетыпы антрапапрыроднай гармоніі, для якіх была характэрна сінтэтычная трактоўка адносінаў чалавека і прыроды. Істотную ролю ў фарміраванні гэтага экафільнага патэнцыялу адыграла таксама і тое, што экалагічная свядомасць беларусаў з'яўляецца вынікам узаемадзеяння фундаментальных каштоўнасцей, што генетычна ўзыходзяць да заходняй

і ўсходняй традыцыі, якія арыентаваны адпаведна на ідэал знешняга прыродапераўтварэння актывізму з аднаго боку і ідэал унутранай актыўнасці духоўнага самаўдасканалення з другога.

Менавіта наяўнасць у беларускай экалагічнай культуры традыцыйных каштоўнасцей антрапапрыроднай гармоніі выступае падмуркам крэатыўнасці гэтага ўзаемадзеяння і надае яму перспектывы напрамак. Чым больш багатай, арыгінальнай і разнастайнай з'яўляецца культура, у духоўнай прасторы якой адбываецца кантакт розных культурных традыцый, тым большую талерантнасць здольна яна прадэманстраваць у сутыкненні з каштоўнасцямі, якія здаюцца несумяшчальнымі. І чым больш самабытныя формы духоўнага жыцця развіваюцца ў межах этнацыянальнай культуры, тым больш крэатыўным можа з'явіцца крос-культурны дыялог, які разгортваецца ў яе духоўнай прасторы. Базавыя парадыгмы светапогляду Захаду і Усходу, здавалася б, несумяшчальныя ў семантычных і аксіялагічных адносінах. Пры ўзаемадзеянні ў духоўнай прасторы беларускай экакультуры, якая ад пачатку заснавана на ідэале антрапапрыроднай гармоніі, яны даюць унікальны вынік сінтэзу, фарміруючы спецыфічны тып экалагічнай свядомасці. Гэтая спецыфічнасць выяўляецца ў тым, што ў беларускай экасвядомасці заходняя мадэль прыродакарыстання і ўсходняя мадэль растварэння ў прыродзе (пры адначасовай дыстанцыраванасці ад прыроднай натуральнасці) ўзаемадзеючы ў сінтэтычнай версіі бачання зносінаў чалавека і прыроднага свету.

Так, з аднаго боку, у беларускай экакультуры, як і ў культурнай традыцыі многіх еўрапейскіх краін, афармляецца парадыгма актыўнага прыродакарыстання. Прынамсі, у паэме Янкі Купалы «Адвечная песня» ў маналогу Жыцця на хрэсьбінах гучыць менавіта гэты пафасны новаеўрапейскі матыв: «Усясільнай рукою тварэння / Даю яму права існавання, / На ўласнасць ваду і зямлю, / Душу яму такжа даю. / Пад уладай сваёй будзе меці / Як ёсць усё чыста на свеце / <...> І рэкі, і доли, і горы / Яго будуць слухаць з пакорай... / <...> І будзе цар гэты навек / Названне насіць – чалавек» [1, с. 7–8].

Аднак на самай справе спецыфіку экалагічнай культуры вызначае не факт існавання ці адсутнасці гэтых матываў, а іх аксіялагічны статус у культуры – дамінаванне ці перыферычнасць. Больш за тое, заходні актывізм прыродаўладкавання ў кантэксце беларускай экалагічнай культуры, якая захавала ў сваіх змястоўных падмурках традыцыйныя каштоўнасці антрапапрыроднай гармоніі, набывае зусім іншую афарбоўку: акцэнт робіцца на сугучнасці рытмаў жыцця чалавека і прыродных цыклаў.

Развіццё і пераасэнсаванне гэтага падыходу прыводзіць да таго, што ў беларускай экакультуры складаецца тэндэнцыя да трактоўкі прыроды як фундаментальнага фактару чалавечага існавання. У апавяданні Якуба Коласа «Нёманаў дар» гэтая парадыгма выяўляецца досыць яскрава: Нёман «для сяла быў як родны бацька: і паў, і карміў, і на сваіх плячах кожнага вынасіў, і кожнага за лета разоў тры ў Коўна і Гродна вазіў, ды яшчэ і на дарогу даваў грошы. <...> Нёман быў нервам сяла, які будзіў яго жыццё і прымушаў чутка прыслухоўвацца да таго, што робіцца навакол. І ўсе важнейшыя справы былі так ці іначай звязаны з Нёманам... Кожны... спад ці прыбыль вады ў ім не праходзілі незаўважнымі для сялян» [2, с. 71].

Чалавечая прыродапераўтваральная дзейнасць, арганізаваная рытмам сельскагаспадарчага цыкла, разумеецца як арганічна ўпісаная ў прыродны працэс: яна не толькі не парушае яго адвечных заканамернасцяў, але і садзейнічае іх ажыццяўленню. «Адна работа за другою / Ідзе-плыве сваёй чаргою / То ў агародзе, то на полі / І не спыняецца ніколі; / І так у клопаце, у рабоце... / Вясна мінецца, прыдзе лета...», – чытаем у паэме Якуба Коласа «Новая зямля» [3, с. 206]. І гэтая знітанасць чалавека з гаспадарчымі, праз іх з прыроднымі і касмічнымі працэсамі ацэньваецца ў беларускай экалагічнай культуры як максімальная каштоўнасць. «Шчасце раю, / Я шчасця большага не знаю, / Ці знаць яго ўжо не прышлося, / Як толькі тут, на сенакосе...», – знаходзім у тым жа коласаўскім творы [3, с. 211].

Такім чынам, сувязь чалавека з прыродным асяроддзем разумелася ў беларускай экакультуры як больш глыбокая, не абмежаваная толькі асэнсаваннем практычнай залежнасці чалавека ад прыродных з’яў і працэсаў: непарыўная сувязь з зямлёю, якая ўладкоўваецца яго намаганнямі, арганічная ўлітасць у кантэкст прыроднага жыцця і агульныя натуральныя заканамернасці сусвету – усё гэта дае чалавеку ні з чым не параўнальнае пачуццё сапраўднасці быцця, знаходжання свайго месца пад сонцам і выканання свайго наканавання, што з’яўляецца адвечным падмуркам пачуцця ўласнай годнасці. «Вецер абдымае / Стан яе дзявочы, / Сонца ёй цалуе / Шыю, твар і вочы <...> / Смела йдзе у сонца, / Уся сама як сонца, / Гэта жнейка наша / Ў нашаей старонцы», – пацвярджае Янка Купала ў вершы «Жняя» [4, с. 45–46].

У гэтым кантэксце індустрыялізм, урбаністычны кірунак развіцця грамадства ацэньваецца не толькі як негатыўная ў экалагічных адносінах тэндэнцыя («Глядзі! Горы паразрыты, / А чыгункай свет абвіты...») у Францішка Багушэвіча ў вершы «Дурны мужык, як варона» [5, с. 21]), але і значна глыбей – як шлях да страты чалавекам сваёй самастойнасці. Як ацэньвае Максім Багдановіч, гарадскі жыхар, у сваім вершы «Межы», «Завадаў коміны падняў у выш нябёс, / А сам даўно сляпы ад слёз...» [6, с. 275]. Фактычна ўрбаністычнае асяроддзе выступае як зона парушэння касмічных заканамернасцей – такое ўспрыманне горада носьбітам традыцыйнай экалагічнай свядомасці выразна апісана Якубам Коласам у той жа «Новай зямлі»: «Эх, божы люд! Якая сіла / Цябе віхрамі закруціла? / Куды ідзеш, чаго шукаеш? / Які ў сэрцы смутак маеш? <...> / І сам сабе ты чужаніца. / На камяніцы камяніца, / Не згледзець неба край за імі, / І ціснучь сценамі сваімі... » [3, с. 249].

Жыватворны кантакт з прыродай – вось адзінае ратаванне для вырванага з натуральнага кола быцця чалавека індустрыяльнага грамадства. Так, у Цішкі Гартнага: «Цэлы дзень я за брудным сталом / Цэлы дзень скуру цвёрдую скроб, / Стаючы укапаным сталбом, / Я задухай атрутную соп. <...> / Навакола чатыры сцяны, / А на іх запляснеўшая столь, / У сабе захавалі яны / Усю крыўду, жаданне і боль. / Вось і вечар... Цяпер я на міг – / На адзін – сваё шчасце знайду, / Кіну-рыну ўсё і ўсіх / Ды у поле я к лесу пайду» [7, с. 36].

Такім чынам, каштоўнасці актывізму прыродаўладкавання, якія ў заходняй культуры абарочваюцца ўстаноўкай на адносіны да прыроды толькі як да крыніцы неабходных для вытворчасці рэчыва і энергіі (парадыгма прыродакарыстання), у кантэксце ж беларускай экалагічнай культуры асэнсоўваюцца ў іншай, больш мяккай, танальнасці: акцэнт робіцца на сугучнасці рытмаў жыцця чалавека і прыродных цыклаў.

Гэтак жа сваеасабліва праяўляюцца ў беларускай экалагічнай культуры і ўстаноўкі, што характэрныя для ўсходняга тыпу экасвядомасці, якая грунтуецца на ідэі растварэння чалавечага духу ў касмічнай цэласнасці пры яго абавязковай адасобленасці ад цялесна-прыроднай натуральнасці. Яны набываюць новае гучанне, калі накладваюцца на традыцыйныя каштоўнасці беларускага асэнсавання прыроды: такім чынам беларуская экакультура фарміруе свой ідэал антрапапрыроднай гармоніі, пераасэнсоўваючы і развіваючы на новым падмурку традыцыйную ўстаноўку на ўвасабленне і адухоўліванне прыродных з’яў, да якіх чалавек звяртаецца з нязменным суадчуваннем і спачуваннем («Хмаркі цёмныя, моі братанькі...») у Францішка Багушэвіча [8, с. 76].

Аднак у беларускай экакультуры не толькі праяўляюцца тыповыя прынцыпы персаніфікацыі стыхій і сіл прыроды, але і развіваецца ідэя глыбіннай сакральнай сувязі паміж станам прыродных працэсаў і станам чалавечай душы: «Эй, ты, Сівер, не дзьмі!.. <...> / Хоць-бы раз без цябе зарунець-бы палям / Устрапянуўся-бы дух у чалавечай грудзі!..» (Янка Лучына) [9, с. 17]. Такім чынам, прырода выступае для беларускага селяніна не толькі ў якасці асяроддзя існавання, але і як непасрэдны выток яго жыццёвых і духоўных сіл.

Але ж значную ролю адыграў у беларускай эакультуры і сустрэчны вектар, які асэнсоўваў жыццё чалавека (як духоўнае, так і эмацыянальнае) як фактар жыцця прыроды. Душэўныя рухі і пачуцці чалавека не застаюцца знешнімі для прыродных праяў, знаходзячы ў жыцці прыроды гучны водгук. Так, менавіта на струнах дрэвесных ствалоў грае сваю песню нядолі скрыпач у паэме Францішка Багушэвіча «Смык»: «Каб бярозу раз / Пацягнуў смыком, / Яна вечны час / Раўла б з мужыком!..» [10, с. 66].

І як для беларускай эакультуры не ўласцівы жорсткі актывізм заходняй традыцыі, гэтак для яе не характэрна і крайнасць усходняй устаноўкі на безасабовае растварэнне ў прыродзе: прызначэнне чалавека асэнсоўваецца не ў катэгорыях знешняга пераўтварэння прыроды і не ў катэгорыях духоўнага дыстанцыравання ад яе натуральнасці, – чалавек успрымаецца беларускай культурай як уладкавальнік таго сусветнага асяродку, у які ён інтэгральна ўключаны неадрыўнай часткай, – у беларускай эакультуры яскрава акрэсліваецца тэма адзінства мікра- і макракосму: «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог, / Улажылі спаць мяне вы на зямлі... / Бачу я, з прыродай зліўшыся душой, / Як дрыжаць ад ветру зоркі нада мной, / Чую ў цішы, як расце трава...» ў Максіма Багдановіча [11, с. 62]. Менавіта на гэтым эмацыянальна афарбаваным падмурку – усведамленні непарыўнага адзінства патаемна-экзістэнцыяльнага ў чалавеку і патаемна-сакральнага ў прыродзе – грунтуецца гучная для беларускай эакультуры тэма аховы і захавання жывога. Гэтая традыцыя, атрыбутыўна характэрная для беларускай культуры, была асэнсавана яшчэ ў эпоху Адраджэння: так, у паэме Міколы Гусоўскага «Песня пра зубра», змест якой грунтаваўся на шматграннай гуманістычна-рэнесанснай філасофскай праграме гарманічных узаемадачынэнняў чалавека, грамадства і прыроды, адзначаецца даўні парадак – нязменная ахоўваць зямныя багаці: «Княжацкі ўказ пад пагрозай адказнасці строгай / <...> ашчажае <...> багаці лясныя» [12, с. 69].

Для беларускай мастацкай культуры характэрныя творы, якія прасягнуты пантэістычным пафасам і заклікам да чалавечага спачування ад імя шчымліва безабароннай і ўжо параненай чалавекам, знявечанай прыроды: «Плакала бяроза ды гаварыла: / “Ці ж у вас на гэта я заслужыла, / Штоб вы мяне парубалі / І кроў маю пасасалі? / Я вам пры дарозе, як дзяўчо, стаю... / За што ж вы сячэце мяне без віны?”» у Яна Чачота [13, с. 44]. Больш за тое, ад відавочных эафільных матываў беларуская эакультура ўздымаецца да філасофскага асэнсавання праблемы *чалавек – прырода*, фарміруючы фундаментальны светапоглядны ідэал антрапа-сацыя-прыроднай гармоніі, у межах якога каштоўнасці экалагічнага плана найцяснейшым чынам злучаюцца з каштоўнасцямі плана этнацыянальнага. У гэтым кантэксце асаблівы сэнс набывае тэма *свайёй зямлі*, артыкуляваная ў беларускай экалагічнай культуры як у канкрэтна-асабістым, так і ў агульнанацыянальным планах. Беларуская экалагічная культура захоўвае базавыя традыцыйныя архетыпы бачання адносінаў чалавека і прыроды, што характэрныя для аграрных культур і знаходзяць сваё праяўленне ў хтанічным гілазізме. Так, беларускі селянін адчувае сябе сынам зямлі («Дзеткі Маці-Зямлі нашай», – гаворыць аб беларусах Ф. Багушэвіч) [14]; зямля выступае як Маці – стваральніца жыцця, як жыватворная крыніца чалавечага быцця і гарант яго гармоніі з сусветам. Так, у паэме «Новая зямля» Якуба Коласа сустракаем звяртанне да зямлі: «Дзень добры, новая мясціна! / Спаткай мяне, як маці сына <...> / Узброй надзеямі нам грудзі, / Бо мы твае, зямелька, людзі!» [3, с. 47].

Гаспадарча-практычнае авалоданне зямлёю, яе аграрнае уладкаванне пераасэнсоўваецца беларускай эасвядомасцю ў катэгорыях эмацыянальна-асабістага і нават інтымнага: зямля выступае не проста вярхоўнай, але абсалютнай каштоўнасцю. Менавіта аб ёй гаворыць чалавек у самых патаемных імгненні свайго жыцця: і сам-насам з каханай жанчынай (Васіль Дзятлік у «Палескай хроніцы» Івана Мележа), і перад смерцю (Міхал у паэме Якуба Коласа «Новая зямля», які кажа: «Зямля... зямля... <...> / Будуй яе» [3, с. 280]; Базыль у Максіма Багдановіча: «Вы прашчайце, прашчайце, шнуры, / Вы прашчайце, негараныя! / Мне вас болі ўжо не гараць...» [15, с. 287].

У беларускай паэзіі распаўсюджаны матыў, што нават жменька роднай зямлі, як святы абярэг, ратуе беларуса на чужой старане: як піша Францішак Багушэвіч, «Умёр бы то мусіць я тут, / Каб не жменька той роднай зямлі...» [16, с. 92]. Увогуле, зямля для беларуса – не проста асяроддзе пражывання, не проста ўмова жыцця, яна – свайго роду субстрат быцця: «Зямля, зямля, / Свой пэўны кут, свая ралля: / То – наймацнейшая аснова / І жыцця першая умова. / Зямля не зменіць і не здрадзіць, / Зямля паможа і дарадзіць, / Зямля дасць волі, дасць і сілы, / Зямля паслужыць да магілы, / Зямля дзяцей сваіх не кіне...» ў Якуба Коласа [3, с. 223].

Такім чынам, беларуская экалагічная культура пераасэнсоўвае захаваную ў яе архетыпах традыцыйную тэндэнцыю сакралізацыі зямлі, якая праяўляецца ў атаясамліванні селянінам сябе з гэтым сакральным пачаткам. Беларуская экалагічная свядомасць мысліць канкрэтнае прыроднае асяроддзе жыцця індывіда ў якасці асаблівай, інтымна значнай для чалавека мікраландшафтнай зоны (менавіта *свая* зямля), якая залежыць у сваёй эвалюцыі ад яго намаганняў – як знешне-практычных, так і ўнутрана-душэўных. Менавіта гэтым глыбінным падмуркам асвятляецца непазбыўнае імкненне селяніна да набыцця сваёй зямлі, якое становіцца аксіялагічнай дамінантай сялянскага менталітэту. «Купіць зямлю, прыдбаць свой кут», – так лапідарна выказвае гэта матывацыйна-светапогляднае *сredo* Якуб Колас [3, с. 64]. Варта ўсвядоміць, што гаворка ў дадзеным выпадку ідзе не толькі і не столькі пра набыццё глебы дзеля пасеваў, колькі пра здабыццё менавіта свайго надзелу як *долі* – ва ўсёй шматсмантычнасці гэтага слова: і як знаходжання свайго месца ў свеце, што дае магчымасць прымаць *удзел* у яго сакральным руху (як *частка*, як яго неадрыўная *доля*), і як шчаслівай (менавіта па прычыне гэтага) *долі*, шчаслівага лёсу.

Змест мастацкіх тэкстаў беларускай культуры сведчыць аб тым, што для яе характэрна каштоўнасая ўстаноўка, якая можа быць абазначана як свайго роду *сіндром Антэя*: расстанне з роднай зямлёй успрымаецца як выпадзенне з суветнай гармоніі, якое па-антэўску небяспечнае і робіць чалавека безабаронным: «...О, край мой мілы! Усёй душою / Хачу злучыцца я з табою, / У тваіх палях пазычыць сілу...» у Якуба Коласа [3, с. 152]. У найбольш выразнай форме гэта светаподлядная парадыгма праяўляецца ў вершах Максіма Багдановіча: «Паломаны жыццём, чакаючы магілы, / Радзімая зямля, прынікнуў я к табе, / І бодрасць ты ўліла ў слабеючыя жылы, / Зварушыла маёй душы драмаўшай сілы, / І месца ў ёй з тых пор няма ўжо больш жалыбе» [17, с. 119].

У беларускай экалагічнай свядомасці непарыўна знітаваныя прыродныя, эстэтычныя, маральныя і рэлігійныя аксіялагічныя структуры. Надзвычай выразным у гэтым сэнсе з'яўляецца сюжэт Францішка Багушэвіча пра тое, як сяляне, якіх гвалтоўна зганялі ва ўніяцкую царкву, аддаюць перавагу не чужому храму, а роднаму лесу, вядучы размову з Богам у пушчы і молячыся дрэвам: «Кожны ў нядзелю раненька ўстане, / <...> І марш у лясы, <...>. / А там, у пушчы, <...> / Чытаюць малітвы...» [16, с. 91].

Беларуская экакультура трактуе прыроду не як абстрактнае асяроддзе, але менавіта як *родную* прыроду, зразумелую ў якасці і Богам дадзенага дабрадатнага дару, і ў якасці спадчыны продкаў, якую, як культуру і мову, належыць захоўваць, бо без яе немагчыма ні асабістая, ні этнічная самаідэнтыфікацыя. Зямля разумеецца ў беларускай экалагічнай свядомасці не толькі як нацыянальны здабытак, але як нацыянальная святыня: «Зямля – аснова ўсёй айчыне» [3, с. 223]. Гэтыя словы Якуба Коласа могуць служыць афарыстычным выказваннем арыентацыі беларускай экакультуры на сінтэз сацыяпрыродных і сацыякультурных каштоўнасцей.

Заклучэнне

Такім чынам, інтэгральнае ўспрыманне чалавека і яго прыроднага асяроддзя, якое ад пачатку ляжыць у фундаменце беларускай экалагічнай свядомасці, з'яўляецца падмуркам крэатыўнага сінтэзу ў яе прасторы каштоўнасцей заходняй і ўсходняй эка-

лагічных традыцый. У гэтым кантэксце чалавек асэнсоўвае сябе не ў якасці таго, хто стаіць *над* прыродай як яе ўладар і гаспадар (што ўласціва культуры Захаду), і не ў якасці вылучанага з яе носбіта духу (як гэта характэрна для культуры Усходу), – прычым і ў адным, і ў другім выпадку чалавек апынаецца *па-за* прыродай, – але ў якасці таго, хто, уладкоўваючы прыроду сваім намаганнем, з’яўляецца неад’емнай часткай сусветнага цэлага.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Купала, Я. Адвечная песня / Я. Купала // Зб. тв. : у 7 т. / рэдкал.: В. В. Барысенка [і інш.]. – Мінск, 1972–1976. – Т. 6. – 1975. – С. 7–40.
2. Колас, Я. Нёманаў дар / Я. Колас // Зб. тв. : у 14 т. / рэдкал.: В. Барысенка [і інш.]. – Мінск, 1972–1978. – Т. 4. – 1973. – С. 69–85.
3. Колас, Я. Новая зямля / Я. Колас // Зб. тв. : у 14 т. / рэдкал.: В. Барысенка [і інш.]. – Мінск, 1972–1978. – Т. 6. – 1974. – С. 7–280.
4. Купала, Я. Жняў / Я. Купала // Зб. тв. : у 7 т. / рэдкал.: В. В. Барысенка [і інш.]. – Мінск, 1972–1976. – Т. 3. – 1973. – С. 45–46.
5. Багушэвіч, Ф. К. Дурны мужык, як варона / Ф. К. Багушэвіч // Творы : вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты. – Мінск : Маст. літ., 1999. – С. 20–21.
6. Багдановіч, М. А. Мяжы / М. А. Багдановіч // Поўны зб. тв. : у 3 т. / рэдкал.: В. В. Зуёнак [і інш.]. – Мінск, 1992–1995. – Т. 1. – 1992. – С. 274–275.
7. Гартны, Ц. Песні гарбара / Ц. Гартны // Выбр. тв. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – С. 35–38.
8. Багушэвіч, Ф. К. Хмаркі / Ф. К. Багушэвіч // Творы : вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты. – Мінск : Маст. літ., 1999. – С. 76.
9. Лучына, Я. Сівер / Я. Лучына // Выбр. тв. – Мінск : Маст. літ., 1953. – С. 17.
10. Багушэвіч, Ф. К. Смык / Ф. К. Багушэвіч // Творы : вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты. – Мінск : Маст. літ., 1999. – С. 66–67.
11. Багдановіч, М. А. «Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог...» / М. А. Багдановіч // Поўны зб. тв. : у 3 т. / рэдкал.: В. В. Зуёнак [і інш.]. – Мінск, 1992–1995. – Т. 1. – 1992. – С. 62.
12. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 192 с.
13. Чачот, Я. «Плакала бяроза ды гаварыла...» / Я. Чачот // Навагрудскі замак : творы. – Мінск : Маст. літ., 1989. – С. 44–45.
14. Багушэвіч, Ф. К. Творы [Электронны рэсурс] / Ф. К. Багушэвіч. – Рэжым доступу: pdf.kamunikat.org/download.php?item=13655-1.pdf. – Дата доступу: 09.03.2019.
15. Багдановіч, М. А. «Як Базыль у паходзе канаў...» / М. А. Багдановіч // Поўны зб. тв. : у 3 т. / рэдкал.: В. В. Зуёнак [і інш.]. – Мінск, 1992–1995. – Т. 1. – 1992. – С. 287.
16. Багушэвіч, Ф. К. Свая зямля / Ф. К. Багушэвіч // Творы : вершы, паэма, аповяданні, артыкулы, лісты. – Мінск : Маст. літ., 1999. – С. 91–93.
17. Багдановіч, М. А. «Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя...» / М. А. Багдановіч // Поўны зб. тв. : у 3 т. / рэдкал.: В. В. Зуёнак [і інш.]. – Мінск, 1992–1995. – Т. 1. – 1992. – С. 119.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.03.2019

Majeiko M.A. Antey's Syndrome: Environmental Consciousness of Belarusians in the Space of Dialogue of Eastern and Western Cultures

The article examines the environmental consciousness of Belarusians as a unique phenomenon of the world ecological culture with the specific features that distinguish it from the environmental consciousness – both in Western and Eastern traditions.

УДК 930.1

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. філасофіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается роль личности в истории как теоретическая проблема философии истории. На широком философско-историческом материале обосновывается тезис об отсутствии ясных и приемлемых критериев величия того или иного человека в истории, необходимости конвенции между теоретиками и практиками в этой части размышлений. Доказывается эффективность как рациональных, так и иррациональных средств познания в процессе исторического исследования и оценки при этом фактора личности.

Несколько предварительных замечаний по поводу предмета статьи. Первое: данная проблематика в советский период рассматривалась в единстве двух сторон темы: роль личности и народных масс в истории. Сегодня налицо своего рода смысловое «обрезание»: вторая часть проблематики отпала, стали говорить исключительно о личности. С одной стороны, понять такой подход можно: это своего рода протест (чаще всего стихийный) против марксистской методологии и философии истории, поскольку достаточно распространено представление о том, что «массы давили личность», нужно реабилитировать личность и т.д. С другой стороны, здесь не принимается во внимание очевидная констатация: «массы» и «личность» вовсе не случайная пара категорий, тем более связанная исключительно с политическим контекстом. Это категории такого же порядка, как единичное и общее, необходимость и случайность и иные. Т.е. речь идет о диалектике, рассмотрении проблемы в ее связи, неразрывности, противоречивом единстве. На наш взгляд, нужно вернуться к таким образом понимаемой проблеме: массы – это сегодня кто? В дальнейшем мы намерены вернуться к рассмотрению вопроса в заявленном контексте: толпа и массы, элита и массы, национальные массы.

Второе: требует уточнения термин «личность». Мы ведем речь о личности великой, заметной, личности вообще? А реакционная личность: она ведь тоже не лишена черт величия. Или вот, например, феномен Герострата: чтобы лишить его величия, было принято специальное решение не упоминать его имени нигде, чтобы он не достиг своей цели. И что в итоге? Герострат живее всех живых.

И третье: что такое метафизический аспект проблемы? Заметим, что разговор о роли личности в истории – вообще сплошная метафизика. Это ведь не методология истории, которая все же проходит в основном по ведомству исторической науки. Это философия истории со всеми вытекающими частностями. Но мы рассматриваем метафизику не только как парафраз философского толкования предмета. Мы обращаемся к предмету более широко: это и попытка выйти за пределы рационального толкования предмета. Т.е. речь пойдет и об иррациональных практиках. Это и широкий междисциплинарный контекст: не только исторический, философский, но и психологический, литературоведческий. Это и анализ ряда непривычных для исторического уха терминов, например, историческая судьба.

Поясним данный подход на примере ряда широко известных фактов, процессов. Вот как, например, известнейший философ Владимир Соловьев оценивал роль личности Петра Великого: «Я не могу назвать Петра I великим человеком не потому, что он недостаточно велик, а потому, что он недостаточно человек» [1, т. 5, с. 159]. Перед нами типичный пример той метафизики, о которой мы вели речь: роль личности мыслитель

выводит за пределы реальных земных дел и показывает ее провиденциальный характер. Петр – фактически богочеловек по характеру совершенных деяний и их последствиям. Соловьев так и пишет: «Промысел Божий, несомненно, распоряжается своевременным порождением необходимых для ее целей провиденциальных людей» [1, т. 7, с. 10]. Но промысел Божий – категория не рациональная.

А вот еще пример. 1 марта 1881 г. народовольцы убивают монарха, и Соловьев, тогда профессор женских высших Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, с трибуны аудитории заявил, что новый монарх должен простить убийц своего отца. Помиловать цареубийц необходимо из соображений высокой христианской морали. Только тот царь может претендовать на статус великого руководителя, который может простить убийц из высших этических соображений. Обер-прокурор Святейшего Синода профессор Победоносцев по этому поводу пишет Александру III, что «Соловьев – сумасшедший», и добавляет: «Этого быть не может, чтобы вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует отмщения» [2, с. 38]. Обратим внимание, что критерием величия является следование христианским этическим заповедям, причем последовательное следование, невзирая на предмет разговора.

Здесь напрашивается параллель между позицией К.П. Победоносцева, главы духовного ведомства, и Н. Карамзина, писателя, историка, двух лиц высокой личной совестливости, которые требовали убийства известных преступников. Карамзин – декабристов, Победоносцев – народовольцев. Та нравственная планка, которую ставил Соловьев, оказалась для этих деятелей вторичной по отношению к величию статуса монарха, в целом монархическому принципу. Критерий величия далекий от нравственных заповедей, охранительный принцип становится определяющим. К слову, это касается, как очевидно, не только монархического принципа, но и иных подходов, связанных либо с идеологией, либо с национальным интересом.

И последний пример из этого ряда. Всем памятен выстрел Веры Засулич в петербургского губернатора Трепова. Генерал еле выжил, стал калекой, ушел со службы. Причины покушения были связаны с тем чувством негодования, которое посетило В. Засулич по поводу приказа губернатора высечь розгами студента, не снявшего перед чиновником шапку. Дальше суд, и присяжные стрелявшую оправдали. Вел процесс А.Ф. Кони, защищали ее выдающиеся адвокаты той поры. Общественное мнение было на стороне подсудимой, и она была оправдана. Ликующая толпа вынесла ее из зала суда на руках: свершилось великое событие, перед нами великий деятель освободительного движения, словом, идеалы, братство, справедливость и т.д. Это с одной стороны. С другой стороны, многие полагают до сих пор, что это событие знаменовало начало движения страны к 1917 году.

Что объединяет приведенные примеры? То, что о великой личности сложно говорить объективно, беспристрастно, статус личности определяют самые различные факторы (экономическая, политическая ситуация, «параллелограмм» общественных настроений и т.д.). То, что критерии величия строго не определены и каждый раз они, критерии, могут быть различными. То, что на первом плане могут быть характеристики рационального порядка, но могут быть и факторы иррационального характера, о чем мы будем ниже говорить. И все же: какие некоторые основные подходы можно наметить при обращении к концептуальной стороне проблемы? Т.е. какие критерии величия выдвигаются на первый план и как они, эти критерии, «работают» при обращении к рассмотрению конкретных исторических персонажей? Очевидно, что мы обратимся только к важнейшим из этих критериев. И начать, очевидно, надо с марксистского подхода (для большинства исследователей привычного), апробированного за достаточно длительное время.

Как писал выдающийся теоретик марксизма Г.В. Плеханов в известной статье «К вопросу о роли личности в истории», «влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» [3, с. 326]. Здесь следует известный пример о роли Наполеона Бонапарта во время итальянских походов. «То, что сделал Наполеон в итальянских и иных походах, мог бы сделать и другой генерал, – пишет Плеханов. – Они не одержали бы, возможно, таких блестящих побед, но французская республика вышла бы победительницей из этих столкновений» [3, с. 325]. Весь вопрос в общественных условиях, благодаря которым великая личность может стать таковой. Великие люди появляются вовсе не потому, что их приход обусловлен провиденциальными силами, марксизму такой подход был чужд в принципе. Есть некий объективный порог между возможностью и действительностью, и перешагнуть его может лишь тот человек, который действует в соответствии с магистральной линией развития общественных отношений. Отсюда и элемент случайности, который может иметь место в ходе того или иного развития событий. Но принципиально этот элемент случайности ничего не меняет.

Попутно заметим, что многие из этих положений сегодня воспринимаются критично. Это связано с иным пониманием роли субъекта в историческом процессе, несогласием с тем, что детерминизм данного порядка не дает личности возможностей для проявления «неконтролируемых» действий, упреками в том, что собственно «общественные отношения» наделяются особыми полномочиями. Но если это так, то чем они в это случае отличаются от провиденциальных решений? Вот Е. Тарле пишет книжку «Наполеон» и во введении к работе замечает: «Я пытался совершенно объективно подойти к этой сложной и многообразной фигуре и интересовался не только мотивацией его поступков, сколько их историческим значением. Наполеон, далее замечает выдающийся историк, это “явление природы” и “меня интересовал тут именно с точки зрения того, как выполнил он свою историческую роль”» [4, с. 8]. Заметим, что ученый не говорит прямо об «общественных отношениях», что Наполеон «встроен» в систему отношений экономического, политического порядка, не выпячивает прямых взаимосвязей между сложившимися отношениями в обществе и появлением великого человека. Обращает на себя внимание оценка великого человека как «явления природы» – ведь это, по сути, посыл объективистского порядка. Но сегодня, очевидно, могли последовать вопросы в части понимания термина «объективность», и кто мог бы сформулировать «историческую роль» для самого Наполеона и т.д. Впрочем, эти замечания уже из иной эпохи и вряд могут быть приемлемы. Таким образом, классический марксизм и, в определенной степени, позитивизм утверждают, что личность тогда велика, когда действует в соответствии с прогрессивным ходом истории (в основе формационная теория или теория стадий – метафизическая, позитивная и т.д.). Весь вопрос в том, как определить этот прогрессивный ход. Нынче этот подход приобрел ярко выраженный национальный контекст: та личность является великой, которая реализует крупнейшие общенациональные, прежде всего, задачи. И развитие нации (национального государства) является критерием величия. Смысл марксизма нами усвоен: личность – случайна и может проявить свои возможности только в рамках определенных общественных отношений.

Обратимся к иному подходу. Вот Э. Людвиг пишет книжку «Бисмарк». Методология здесь обусловлена приоритетом психологических мотивов в деятельности крупных личностей. Два показательных примера. Скажем, эпизод конца франко-прусской войны. Идет спор среди пруссаков относительно того, надо ли входить войскам в покоренный Париж. Долгий спор. Бисмарк против, а генералы и император желают реализовать право победителей. Заканчивается дискуссия тем, что Бисмарк падает на пол,

бьется в истерике и закликает не входить в Париж. Генералы на цыпочках удаляются, канцлер в итоге победил.

А вот второй эпизод. Бисмарк в деревне на отдыхе и пишет жене: «Я лежу на траве, читаю стихи и жду, пока поспеют вишни» [5, с. 89]. Если сопоставить эту фразу с известными оценками, вроде «грубый пруссак», «железный канцлер», стремление решать вопросы «железом и кровью», то легко замечается несоответствие. «Железный» и стихи, вишни – это как понимать? Получается, что величие не одномерно, характеристики величия не универсальны, но они легко объяснимы с точки зрения психологического развития личности. И здесь будут присутствовать оценки детского периода, роль семьи, родителей, особенности психического развития на разных этапах, родовые болезни и многое иное. Налицо приоритет динамики над статикой, текучесть событий и факты личной жизни становятся альфой и омегой исторического контекста, и вовсе не сам контекст эпохи играет здесь главную роль.

Кстати, Э. Людвиг называет Бисмарка великим учеником Макиавелли, великим прагматиком. Мы не будем останавливаться на этом акценте, это элемент новой темы разговора, лишь кратко упомянем вот о чем. Фигура Н. Макиавелли здесь возникает не случайно, как и его известная мысль о том, что «цель оправдывает средства». Если обратиться, например, к современной истории России и фигуре И. Сталина, то возникает вопрос такого порядка: почему генералиссимус фактически возглавляет и сегодня все национальные рейтинги самых великих и влиятельных фигур в истории? Один из ответов дает формула флорентийского мудреца. То есть люди все прощают Сталину за его вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Если обратимся к современным методологическим новациям (междисциплинарный подход, различные интегративные теории, феноменология и др.), то несложно заметить: для большинства историков они являются открытой книгой. Если, например, в праве мы можем говорить о появлении новых теорий, связанных с использованием достижений различных наук в последние десятилетия, то до исторической науки эти тенденции в концептуальном плане не дошли. Пример из сферы юриспруденции – феноменолого-коммуникативная теория права А.В. Полякова, профессора из Санкт-Петербурга. Интересующихся адресую к его работам, в частности «Общей теории права», и работам исследователей, обратившихся к этой теме [6]. Конспективно заметим (поскольку тема требует подробного анализа), что применительно к истории феноменология проявляется в трех основных аспектах: поиски сущности (эйдоса) исторического, выявление чистой сущности истории; интегративный подход; разработка вариантов эпистемологии, связанных с теорией истины.

Вообще попробуйте внятно объяснить механизм исторического дискурса на основе новейших теорий, главное, способы и формы его применения в практической деятельности историка – возникнут проблемы. Одна из немногих попыток решить эту сложную задачу принадлежит В.Н. Сидорцову и В.А. Латышевой [7]. Достаточно смело было заявлено, что авторы понимают историческую синергетику не просто как некий новый метод в исторической науке. «Историческая синергетика – это подход, теория и методы, модель для решения исследовательских задач в области историографии, требующего своего, необычного мышления» [7, с. 3]. Но специфика «необычного мышления» не разъяснена. Нужно вместе с тем отметить, что в центре внимания исследователей народ. Говорится и о роли личности в истории (глава 5 работы), однако понять, в чем суть нового синергетического подхода к этой философско-исторической проблеме, достаточно сложно.

Вместе с тем есть, на наш взгляд, очевидная заслуга ученых, работающих в области современных методологических поисков, концептуальных исканий, связанных с постмодернистскими теоретическими усилиями. На этой особенности стоит остано-

виться подробнее, так как она не находится в центре внимания. Это придание эвристического значения новым терминам и вовлечение в оборот таких теоретических конструкций, которые позволяют по-новому ставить и раскрывать важные темы. Чтобы быть более понятным, обратимся к некоторым теориям, категориям. И вначале хотелось бы обратить внимание на единство рациональных и иррациональных факторов при осмыслении феномена личности в истории. Заметим, что границы между рациональным и иррациональным вообще чрезвычайно размыты, смутны, неясны. Рациональное может быть иррациональным и наоборот. Примеров можно приводить несметное количество – из биографий героев и причин войн и революций, логики поступков и алогичности деяний. Чувствуя проблематичность бытия, не сумев объяснить происходящее с собой (родиной, страной, классом), человек стремится либо к рациональному объяснению, чтобы разложить все по понятным и ясным полочкам, классифицировать и типологизировать, либо же ищет некие потусторонние силы, ищет объяснений на метафизической стороне. Но на деле это единый процесс. Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на то, как Н.А. Бердяев рассуждает о категории «историческая судьба».

Вот мыслитель пишет работу «Судьба России», изданную в 1918 году [8]. Автор анализирует вполне рационалистически очень конкретные и актуальные проблемы. Никакой мистики и никакого пророчества. Более того, говорит и об аксиологии, и о важности изменения точки зрения исследователя применительно к изменяющимся историческим реалиям. И вместе с тем все время акцентирует внимание на теме судьбы (в частности). В работе говорится не только о «судьбе России», отдельная глава посвящена и «судьбе Парижа», судьбам иных исторических персонажей. В каком смысле ведется речь о судьбе? В том числе и мистическом, «темном», «вечном». Т.е. у города, страны есть «судьба». Вот Россия – она «непостижима для ума и не измерима никакими аршинами доктрин и учений», но найти разгадку ее существования можно, указав на «антиномичность ее истории», т.е. противоречивость, парадоксальность. А вот Париж – общемировой город, в котором чувствуется «усталость от собственной истории». Великие люди в этом контексте несут тот же смысл: здесь не только рациональная связь причин и явлений, но и непонятное, «темнота», которая касается и их появления, и их собственной судьбы.

И ведь очевидно, что эти констатации в полной мере касаются и национальной, белорусской истории. Очень конспективно, в назывном порядке их достаточно обозначить для того, чтобы понять: «темное» в нашей национальной истории столь велико и не объяснено, что исследователям не одного из последующих поколений придется ломать голову над проблемами. Например, такого порядка: почему у нас пишут многочисленные книги о «выходцах» из Беларуси, известных людях, прославившихся за пределами страны, но нет ни одной книги о тех, кто составил себе имя, приехав к нам? Хотя здесь есть предмет для размышлений, и это прежде всего выходцы из России, которые приехали к нам и в 30-е гг. прошлого века, и после войны, кто остался здесь после известных решений союзного правительства и кто внес заметный вклад в общее национальное дело. Почему – если брать более широкий контекст – мы толерантны до такой степени, что эта пресловутая толерантность распространяется и на другие сферы духа? Скажем, в качестве одного из основных «догматов» национального геополитического контекста выступает термин «промежуточность» (мы «промежуточны» между Западом и Востоком, конфессиями и т.д.). Но не кажется ли, что толерантность и промежуточность – явления одного порядка, и они многое объясняют и в нашей политике, и в практической деятельности? Почему мы вообще сохранились в истории, несмотря на то, что нас «гнобили» всеми доступными средствами и на всех направлениях? Словом, вопросов много и сказать, что на все из них существуют исчерпывающие ответы рациональ-

ного порядка, значит обманывать самих себя. Как говорил В. Розанов, «бездонность небес пока еще никто не отменял».

И некоторые выводы из сказанного. Первый: слово «философия» – существенный предикат по отношению к нашей теме. Ведь «роль личности в истории» – это проблематика философии истории, а не методологии истории. Но предикат «философский» означает, что абсолютных, универсальных, системных доктрин по поводу понимания сущности осмысления данного вопроса нет и быть не может. Есть только варианты. Пример с марксизмом: пока эта доктрина выглядела убедительной, понимание специфики личности в истории было таким же. Как только изменилось отношение к фундаментальным категориям (базис, надстройка), видоизменилось и содержание проблемы.

Второй: любая разработанная теоретическая концепция философского плана может стать основой особого понимания роли личности в истории. Дело в ином: многие теоретики просто считали данную проблему не основной, сосредотачиваясь на эпистемологии, теории познания и иных вопросах. Типичный пример – феноменология, которую нынче «додумывают», но не слишком плодотворно по отношению к предмету нашего разговора.

Третий: надо расширять познавательные границы, включая и иррациональные факторы; здесь, полагаю, постмодернисты правы. Возьмем известный слоган польской, да и европейской историографии – «чудо на Висле». Мы можем назвать причины поражения Красной армии в 1920 г., но ведь многие соглашаются: произошло чудо. А то, что многие полагают, что разгром немцев под Москвой зимой 1941 г. тоже чудо, разве случайно?

В этой связи констатируем, что ясной, общепризнанной концепции, связанной с пониманием роли личности в истории, нет. Есть варианты. Спасти ситуацию может приращение знания, прежде всего теоретического, и последующая конвенция между историками.

Надо учитывать и то, что называют «современной ситуацией». Мы переживаем период, который можно охарактеризовать словом «хаос». Хаос в международном праве, в политике, экономических отношениях. Рушатся вековые союзы, политики непредсказуемы в своих действиях. Когда-то следствием подобного состояния была война, судя по всему, сегодня нужны особые усилия, чтобы предотвратить ее. Причем здесь роль личности? Так ведь и эта роль выглядит хаотически, поскольку история действительно «очень человеческая наука», как говорил Ф. Ницше. Личности тяжело «встроиться» в хаос, она может либо создать «упорядоченный хаос», новый хаос, либо стать элементом имеющегося хаоса. Но в любом случае проявиться в полной мере личность не может. Разве случайно, к примеру, ушла прочь плеяда великих политиков XX в. (Рузвельт, Сталин, Черчилль, де Голль)? И дело тут не во времени: нынче политиков такого масштаба нет. Речь о другом: эпоха на первое место выдвинула борьбу не между личностями, а между транснациональными корпорациями и национальными государствами. Впрочем, это уж другая тема.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, В. С. Собрание сочинений : в 10 т. / В. С. Соловьев. – СПб. : Книгоизд. т-во «Просвещение», 1911–1914. – 10 т.
2. К. П. Победоносцев и его корреспонденты : переписка : в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. – Т. 1. – 448 с.
3. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956–1958. – Т. 2. – 1956. – 824 с.
4. Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – Минск : Беларусь, 1992. – 429 с.

5. Людвиг, Э. Бисмарк / Э. Людвиг. – М. : Захаров : АСТ, 1999. – 480 с.
6. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 184 с.
7. Сидорцов, В. Н. Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю / В. Н. Сидорцов, В. А. Латышева. – СПб. : Образование – культура, 2005. – 142 с.
8. Бердяев, Н. А. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 208 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.02.2019

Lepeshko B.M. The Role of Personality in History: the Metaphysical Aspect

The role of personality in history as a theoretical problem of the philosophy of history is considered in the article. The thesis that there are some obvious and acceptable criteria for the greatness of certain people in history and that there is a need to comply with the theoretical and practical aspects of this part of thinking are proved on broad philosophical and historical material. The effectiveness of both rational and irrational means of knowledge in the process of historical research and assessments with this factor of personality is discussed in the article.

УДК 165-053.6+81-25

С.П. Онуприенко*д-р филос. наук, ведущий науч. сотрудник Института философии НАН Беларуси**e-mail: centr.evrissl@yandex.by***ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ТВОРЧЕСКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ УЧАЩИХСЯ**

Предпринята попытка научного исследования теоретико-методологических, историко-этнографических характеристик становления речевой деятельности и речевой культуры в процессе формирования человеческой цивилизации на разных этапах в динамике социальных событий древнего мира. Отмеченная проблема рассматривается в контексте сензитивно-социального анализа становления творческо-познавательных ориентаций подростково-юношеской категории белорусской молодежи. Предложено авторское видение и соответствующие рекомендации совершенствования речевой практики учащихся, методы активизации творческого потенциала учащейся молодежи.

Введение

В первой четверти XXI столетия как никогда ранее активизируется динамизм многообразия тенденций социального развития, проявляющийся в обострении межнациональных, межклассовых, внутрисемейных и иных противоречий современного мира. Это наиболее отчетливо просматривается в сюжетах европейского и мирового в целом театра событий последнего десятилетия. Негативизм характеризуется, по моему мнению, не «злой природой» человека, как отмечал в свое время И. Кант, а, скорее, отсутствием, неразвитостью соответствующих методик изучения психофизиологических особенностей человека, несвоевременными и откровенно неконструктивными подходами в деле стабилизации и реализации лучших образцов познания, совершенствования внутреннего мира наших соотечественников.

В этой связи на повестке дня в работе современных ученых, педагогов, просветителей, специалистов многофункциональных социальных служб закономерно активизируются вопросы конструктивного психофизиологического развития наших детей и молодежи и прежде всего проблемы становления их творческого потенциала. Данный процесс органично связан с механизмами формирования и совершенствования речевых функций молодых людей в роли стимуляторов всего комплекса их интеллектуально-физического и духовного развития.

Нами предпринята попытка рассмотрения философско-исторических оснований становления речевой деятельности, речевой культуры в соответствии со спецификой психо-физиолого-интеллектуального развития (сензитивный аспект). Данный процесс имеет целью выявление стимулирующих философско-методологических и методико-педагогических способов активизации поисково-мыслительных операций в содержании творческо-познавательных подходов, что способствует последовательному формированию основ позитивных креативно-ценностных ориентаций молодых людей.

Цель исследования – рассмотреть диалектическую взаимосвязь специфики речевой деятельности молодежи и активизирующие факторы ее ориентации в области творческо-познавательной активности.

В рамках данной цели решаются следующие задачи:

- 1) рассмотрение философско-исторических оснований становления речевой деятельности в процессе эволюции цивилизационного развития;
- 2) анализ речевой практики в контексте специфики психофизиологической деятельности (сензитивный аспект);

3) характеристика активизирующего воздействия уровня развития речевой деятельности учащейся молодежи на становление творческо-познавательных ориентаций.

Речевая деятельность активно воздействует на биолого-социальную природу подрастающих поколений в контексте динамики возрастных, демографических, созидательно развивающих отношений. В процессе психоинтеллектуального и физического развития четко прослеживается баланс социально-биологических составляющих, нарушения которых чреваты необратимыми последствиями для нации, человечества в целом. Выдающийся психолог и философ XX в. Л.С. Выготский мудро предупреждал о сроках биопсихологического созревания организма юного человека, препятствуя непродуманным акциям ускоренного «взращивания» деятелей советской интеллигенции из рядов рабоче-крестьянской среды в первые пятилетки советской власти. По его мнению, потребуется не одно десятилетие, прежде чем малограмотные рабочие, крестьяне смогут серьезно осмыслить достижения отечественной и мировой культуры и вносить посильный вклад в развитие национальной экономики, образования, просвещения. Он считал определяющим фактором невозможность нормального овладения языком, а значит, и элементами интеллектуально-физического совершенства (т.е. творческого потенциала) вне учета естественно-природных, антрополого-физиологических и педагогико-воспитательных факторов развития организма ребенка [1, с. 235–251].

Известные зарубежные психологи (М. Монтессори, Р.Л. Солсо и др.) отмечают закономерное явление, которое характеризуется тем, что становление языковых навыков произношения, написания и др. имеет отличительную особенность детского восприятия, содержательно включающую творческий элемент, называемый в психологии и логопедии «контур интонации», характеризующий непосредственную связь языковой практики с моторикой. Научные наблюдения свидетельствуют: «дети начинают говорить не раньше и не позже, чем достигают определенной стадии физического созревания» [2, с. 355–356]. Фактически именно в переходный процесс от восприятия, т.е. созерцательно-чувственного познания окружающего мироздания, основанного на механизмах аналитического действия, к системно-целостным, логически увязанным представлениям обоснованно использовать разнообразные разговорно-звуковые ритмические упражнения. Особенно активизирующее значение данная методика приобретает в играх, отдыхе, учебной деятельности, в семье, способствуя становлению независимых суждений и собственных познавательных ориентаций детей и подростково-юношеской категории молодежи.

Впервые на эти обстоятельства обратил внимание еще в 20–30-х гг. XX в. известный психоаналитик и педагог В. Штерн, на основании многочисленных экспериментов и наблюдений выявивший периодизацию благоприятных и неблагоприятных временных отрезков [3, с. 97]. Ученый подметил интересный факт: после годовалого периода ребенку свойственны звукоподражание и преобладание звуковых двигательных реакций. В такой обстановке он уже пытается сообщить о своих впечатлениях об окружающем мире, т.е. реагирует на слова мамы, некоторых близких родственников, активно «обозначает» звуками игрушки, иные предметы, их цветовые гаммы, размеры и т.д. На следующем этапе жизненной практики, уже к двум годам и позднее, малыш отличается «внезапным нарастанием запаса слов, пробуждением осознания значения речи, окончанием стадии однословного предложения» [3, с. 97]. Такое состояние речевых функций В. Штерн сравнивал с результатами многочисленных, но, как правило, несистемных исследований педагогов и иных ученых XVIII–XIX вв., вычленив у всех общие устойчивые признаки развития познавательно-речевых показателей [3].

Кроме того, ребенок начинает все чаще вслух проговаривать отрывистыми фразами, т.е. речевой компонент помогает реализации творческих замыслов, простых ма-

нипуляций с предметами, как бы обосновывая, объясняя, комментируя себе самому необходимость выполняемой работы. Вне сомнений, первичные элементы творчества планируются, корректируются, имеют некоторые зачатки синтезирующих логических целевых установок именно благодаря речевой поддержке, стимулирующей приращение поисково-созидательных вариантов расширения кругозора ребенка.

Ученые разных поколений отмечают закономерные факты традиционности, преемственности в становлении и развитии функций речевой деятельности, в том числе и культуры, в контексте целенаправленного формирования творческих способностей людей. Краткий исторический экскурс позволяет проанализировать, каким образом искусственная среда обитания, создаваемая древними поколениями, не только преобразовывала природные ландшафты, акватории, рельеф и т.п., но и стимулировала развитие психоинтеллектуальных способностей, т.е. творческого потенциала самого человека. По мнению историков и этнографов, этот процесс начался примерно в 8 и продолжался до 3-го тысячелетия до н.э. – в эпоху неолита. «Решающую роль играло здесь творчество; оно осуществляется только субъектом, т.е. людьми (а не животными, не машинами; не Богом и т.д.)» [4].

Отмеченный начальный этап становления и развития человеческой цивилизации стал для наших предков своеобразным революционным вызовом устоям прежней жизни, требованием незамедлительного освоения иных видов деятельности, характеризующихся большей свободой в режиме временных, климатических, сезонных, территориальных и др. возможностей планирования предстоящих действий. Несомненно, данное обстоятельство нельзя назвать иначе, как грандиозный прорыв, продвижение, заставившее перестраивать весь комплекс жизненных традиций, целей, задач, сформулированных новой эпохой, эмоционально названной английским ученым Дж. Меллартом [5] неолитической революцией. Она способствовала в далекой древности созданию человеком дифференцированных сред обитания за счет природной среды – освоению целенаправленно организуемых новшеств в производственной деятельности на земле и с животными. Данный исторический период чрезвычайно важен был для племенных сообществ, а тем более и для нынешних людей, которые сейчас существуют именно благодаря формам и методам хозяйствования древних, отчего они смогли в те трудные времена не только выжить, но и оставить потомство, т.е. фактически нас, да еще предложить наиболее оптимальные способы пропитания. Между тем до них люди применяли так называемую присваивающую форму ведения хозяйства, что ограничивалось исключительно сбором того, что выросло в дикой природе, плюс к тому – охота, рыболовство. Новая эпоха позволила планомерно заготавливать семена, хранить, затем засеивать, ожидать всходов и, наконец, собирать урожай в определенные периоды годового цикла. Кроме того, возникла необходимость приручить животных – осуществлять ряд длительных по срокам операций «одомашнивания», тем самым обеспечивая себя пищевыми запасами на месяцы и годы (производящая форма хозяйства). Нетрудно догадаться, что переход на новые условия организации жизни позволял уже не слишком сильно зависеть от удачной охоты, а чередовать ее с более надежными способами добывания пищи. У людей того времени возникли своеобразные «форточки» в их основной занятости, что они стали использовать в качестве обращения к искусству, а значит, к возможности передавать информацию о той же охоте, приручении диких тварей, выделке шкур, разнообразии животного мира и т.п. вокруг их племенного очага. Именно свободное время и желание сообщить о себе, своем жизненном укладе однозначно и явилось той первоосновой письменной речи.

Вместе с тем необходимо напомнить о том, что возникновение письма явилось не первопричиной, а следствием формирования наиболее общих звуко-речевых признаков как таковых. Появление же речи, осмысливаемое в тесной связи с познанием антро-

погенеза, стало своеобразным критерием становления наших древних предков как существ мыслящих, характеризующих новую эру эволюционного развития. И хотя проблема возникновения речи и слова далеко не лишена «белых пятен», объективно время ее зарождения значительно отдалилось. Принято считать эту дату примерно в 40 тыс. лет тому назад, что фактически соответствует появлению *Homo sapiens*. Археологические и иные данные последнего десятилетия существенно скорректировали временной показатель, выдвинув инновационную концепцию так называемого акселерированного потомка кениантропа плосколицего (3,5–3,2 млн лет назад), по мнению мировых специалистов, впервые использовавшего звуковой тембр человекоподобного существа в качестве первозачатков речевой деятельности. «Судя по тому, что у кениантропа с озера Рудольфа (который появился около 2,6 млн лет назад) имелись развитые зоны Брока и Вернике в левом полушарии головного мозга, которые управляют членораздельной речью, он овладел вербальным (звуковым) языком современного человеческого типа» [6, с. 180]. Язык и речевые признаки этого кениантропа называют языком Руди и соответствуют периоду демографического подъема и первой «технологической» (олдувейской) революции. Эти артефакты обнаружены в нескольких районах Эфиопии (2,58–0,15 млн лет назад), орудия олдувейцев еще достаточно примитивны [7]. Например, «чопперы» (односторонние, двусторонние рубящие орудия), протобифасы (ядрища, с двух сторон которых снимались отщепы) [6, с. 180]. По мнению антропологов, археологов и др., вместе с появлением новых орудий труда активизируется наскальная живопись, всевозможные знаковые отметки и обозначения, что свидетельствует о начале нового этапа в эволюционном развитии человека.

Исходя из вышеотмеченного, следует закономерное подтверждение реальных предпосылок возникновения речевых функций, а позднее и письменной формы языка:

1) наличие орудий труда, пусть еще грубых, не всегда еще четко оформленных, предполагающих специальные действия по их обработке (в отличие от случайных предметов, используемых животными), и соответствующие действия по их использованию;

2) совместное, т.е. коллективное, их использование (поскольку они обнаружены в стоянках, что никогда не свойственно животным);

3) продолжение и совершенствование в историческом времени самих орудий труда с «учетом начала», т.е. на основе использования навыков обработки камня, о чем свидетельствует, в частности, ашельская технологическая революция (1,6 млн лет назад), внесшая принципиально новые приемы, но сохранившая технические олдувейские наработки [8, с. 72], и дальнейшее совершенствование их в среднем и верхнем палеолите, т.е. продолжение во времени и историческом развитии совершенствования «каменной индустрии»;

4) объективно формируемое отношение (предполагающее и общение), реально фиксируемое в целенаправленном изготовлении предметов – орудий труда, в совершенствовании их в дальнейшем (как сохранение тенденций), в выявляемом способе действия, в определении значения (и назначения) используемых предметов (орудий труда), в понимании их, без чего не могла бы осуществляться деятельность (внутренняя и внешняя) по специальному способу изготовления этих орудий, без чего также не возникла бы возможность и необходимость использования последних соответствующим образом (в том числе сообща, судя по наличию олдувейской стоянки) и возможность передачи опыта и орудий труда (другому) другим и в историческом времени (при отмечаемом их техническом улучшении) [6; 7].

И хотя имеющиеся данные о наиболее ранних (олдувейских) этапах антропогенеза и в связи с этим зарождении речевых функций и мышления в целом весьма скудны, имеющиеся материалы фиксируют новый этап речемыслительной эволюции наших предков.

Таким образом, на этапах неолитического периода древние люди не только овладели природными ресурсами, но и смогли последовательно создавать различные варианты социально-племенной жизни, которые они наряду со сценами охоты, земледелия, сражений за скудные богатства своего народа с чужаками и многое другое сообщали посредством звуковых сигналов, а затем и простых слов, предложений, а также регулярно «записывали» в виде наскальной живописи, творчески оформляя языком фресок колоритное художественно-графическое речевое послание. Наверняка, так они хотели отметить, выделиться среди иных племен и народностей. Более того, чем выше был уровень эволюционного развития, тем красочней и содержательней были их речевые изложения, иногда на сотни метров расписывающие своды пещер, горных расщелин, скальных «карманов» и иных доступных для речевого творчества мест в среде обитания. Например, по данным раскопок археологов, в 8 тысячелетии до н.э. (период Халафа) в Северном Ираке действовали специализированные печи для обжига керамики [9], что было засвидетельствовано также в изображениях на стенах, да и на печах тоже были оставлены «исторические автографы».

Кстати, как свидетельствуют исторические источники, в древности слово, звуковая, разговорная речь в целом обладали высоким статусом. Данное состояние объясняется рядом причин. Прежде всего, подавляющим большинством малограмотного и вообще неграмотного населения, не умеющего писать и читать, что характерно в наши дни для многих стран Азии, Африки, Латинской Америки. Далее, исходя из первой причины, значительно возрастал статус образованных представителей, умевших красиво говорить. Наконец, большинство произведений восточного эпоса, весьма чтимых народом, словесно передавались из поколения в поколение, часто зачитывались оракулом, махатмой, проповедником перед скоплением людей, к тому же подобные труды имели в содержании ярко выраженный акцент не на размышление, осмысление, а на аксиоматическую достоверность, веру, неоспоримость оглашаемой информации. Как правило, такие выступления сопровождались эмоциональным подъемом, представляя настоящее театральное шоу. Индолог М.Ф. Альбедиль отмечает, что древняя индуистская культура была словоцентрична. Первичное Слово «неукоснительно воспринималось как высшая реальность, облекалось плотью и вопрошалось в разворачивающемся Мире, который, как порой кажется, всегда осознавал свою глубинную зависимость от слова» [10].

Итак, в древние времена слово, словоизречение имели особый статус, причем устное слово считалось более действенным, чем письменное, в силу того, возможно, что устное слово обладало большим набором смыслов. Притом смысловая структура устного слова в отличие от письменного обладала большими внутренними возможностями для постоянного расширения смысловой структуры. Видимо, в этом следует видеть объяснение того, что в древние времена тайные знания передавали изустно [11, с. 108–109].

По поводу важности социально-речевых функций в жизни древних известный советский педагог и психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Человеческое бытие – это не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование... Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека, включая речевую культуру...» [12, с. 259].

Закономерно бытие человека, как отмечено ранее, определялось не только спецификой хозяйственной деятельности, но и умственными, физическими усилиями в сфере социальной организации жизни, т.е. сменой аграрно-производственных форм и, следовательно, методами передачи знаний, умений, навыков своим соплеменникам, а также более поздним поколениям. Здесь необходимо выделить еще один важный аспект – знаковую природу сознания, т.е. передачи информации через изображения, что было характерно до процесса становления либо в процессе становления речевого пери-

ода человеческого развития. Особое внимание данному процессу уделил Л.С. Выготский, подчеркивая знаковую природу, как предвестника речевого общения, а вместе с ним и роль знаков как «орудий» в происхождении высших психических функций из натуральных, биоприродных. В свою очередь, А.Ф. Лосев уделил внимание рассмотрению природы знака в содержании передаваемых потомкам изображений, а позднее – в мифологическом творчестве. Он подчеркивал его синкретичность, то есть слитность в мифе обозначаемого и обозначенного, что в полной мере относится и к древним фрескам [13]. Это сущностное единение содержательных начал составляет, по мнению всемирно известного швейцарского психолога и философа XX столетия, основателя «аналитической психологии» К. Юнга, глубинные корни личностной идентичности, носящие экзистенциальный характер [14], безусловно, синкретичность – путь становления высших функций сознания, а именно – ценностных ориентаций, где речь играет далеко не последнюю роль.

Таким образом, уроки прошлого напоминают о недопустимости одностороннего развития нашей молодежи, включая повальное увлечение компьютерами. Молодежь все же обращается к книгам, справочникам, энциклопедиям, словарям, реже старается информацию фиксировать письменно на бумаге. Чаще она фотографируется на камеру телефона. Иными словами, подобно древним охотникам мы уверенно возвращаемся к знаково опосредованному, абстрактно-схематическому освоению мира. Однако скотоводы неолита не владели в должной мере речью и письмом, в то время как нынешнее молодое поколение всячески старается забыть об этом, упростив до невозможности контакты с природной средой, доверяясь аналогам абстрактной компьютерной графики. Эти негативные тенденции требуют безотлагательного решения, о чем в 30-х гг. XX в. говорил Л.С. Выготский. По его мнению, тройственный фактор развития, включая различные формы речевой деятельности, затем – активизацию творческих инициатив и, наконец, методы детской моторики – своеобразные реализаторы стабилизации психофизиологии детей, молодежи, развития их творческого потенциала.

Подтверждение тому – наблюдения итальянского педагога М. Монтессори, одной из первых в мировой практике описавшей активизирующую речевую (сензитивную) периодизацию и заявившей, что в 4,5–5 лет у детей разных европейских регионов наблюдается наивысшее плодотворное использование письменной речи, которое никогда не наблюдается в последующем возрасте. М. Монтессори пришла к выводу, что такое благоприятное сочетание психофизиологических и интеллектуальных составляющих дает уникальную возможность развития, с одной стороны, творчески-познавательных предпосылок становления основ природно-социальной системно-целостной картины мира. С другой стороны, именно в этом раннем возрасте целесообразно обучать детей методам письма, т.к. этот процесс значительно сложнее становления фонем разговорной речи. Одновременно М. Монтессори на основании многочисленных результатов психосоциальных исследований подтвердила, что в подростково-юношеском возрасте (16–19 лет) наступает второй этап активизации, что, несомненно, способствует исправлению речевых дефектов раннего детства и вдохновляет молодых людей на творческий поиск. Здесь же с полным правом можно говорить не только о развитии речевой деятельности, но более того – об аспектах речевой культуры человека.

Тройственный фактор, отмеченный Л.С. Выготским, как никогда кстати характеризует закономерную связь нашей жизнедеятельности с природно-физиологическими особенностями окружающей природной (животной, растительной) среды и в значительной степени зависимость от них организма каждого из нас. Наиболее системно-функционально принцип взаимосвязи эколого-социальных тенденций нашел воплощение в концепции социально-органических и социально-организационных принципов связи, выдвинутых известным советским философом Г.С. Батищевым. Они оставляют субъек-

ту возможность самостоятельной деятельности во всех сферах жизни, включая и личный мировоззренческий поиск, и культуротворчество, активизацию коммуникативных функций, речевые особенности и многое другое, выступая «проколыбелью человеческой свободы, да и всех других атрибутов субъективности индивида» [15, с. 57].

Г.С. Батищев считал, что у такого индивида нет никакой фатальной зависимости от социального целого, что прежде всего проявляется в принципе свободы воли и устремленности в будущее, реализуемых через инновационную по сути творчески-созидательную деятельность. Эколого-природный аспект проявляется в активизации психофизиофункций человека в унисон творческо-поисковым ориентациям, что не может не отразиться на характере поведения, мимике, жестах, манере разговора, привычках и т.д. современников. Положительный симбиоз вышеотмеченных факторов закономерно способствует плодотворности действий, мышления личности, выражаясь в способности использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности, в том числе проявляющиеся в креативных способностях самоактуализирующихся личностей: смелости, свободе, волеизъявлении, цельности, принятии себя, ясности ума, которые, по мнению американского психолога А. Маслоу, делают принципиально возможной генерализованную креативность, затрагивающую все сферы жизни и проявляющуюся в креативной личности, креативных установках или креативном функционировании. Это и позволяет ей, по мнению психолога, выступать в качестве самостоятельного субъекта деятельности, а не ограничиваться ролью объекта управления, всецело зависящего от капризов руководства, мнений, оценок, суждений и иных социально детерминированных обстоятельств современного мира.

Вышеотмеченные характеристики особенно важны для молодых людей, только подходящих к порогу взрослой жизни и желающих сделать верные шаги в этом направлении. По этой причине как никогда актуальными становятся собственные размышления молодежи по поводу значимости для нее речевой практики в унисон конструктивных тенденций творческо-познавательных жизненных ориентаций.

Результаты социологического исследования, проведенного нами в 2015–2017 гг., выявили мотивацию выбора и соответствующий характер поведения учащихся старших классов трех общеобразовательных школ г. Минска, целью чего явилось определение значимости речевой деятельности в процессе становления творческо-познавательных ориентаций молодых людей.

Результаты опроса фиксируют не только мнения учащихся, но и стратегические ориентиры творческого развития будущей смены страны. 24 % респондентов согласились с тем, что чтение литературы, а затем пересказ вслух помогает развивать ум, волю, внимание. 22 % ответивших полагают, что умение правильно пользоваться речью дает возможность лучше понимать людей и мир вокруг нас. 16 % отметили, что речь позволяет человеку не только сообщать что-либо, но и образно, творчески представлять содержание беседы, т.е. глубже понимать суть предмета нашего внимания. 12 % молодых людей пришли к следующему выводу: проговаривание вслух выученных учебных материалов особенно полезно при подготовке к написанию контрольных, диктантов, сочинений, опросов, выступлений, экзаменов и иных форм самостоятельной работы с учебно-методическими материалами. 10 % учащихся согласились с предложенным вариантом, суть которого в том, что внутренняя речь (беззвучная) обостряет внимание, настраивает на творческое выполнение учебных и иных заданий, качественное завершение того дела, за которое взялся. Наконец, 16 % смело отметили, что им больше нравится набирать текст на клавиатуре, нежели писать его авторучкой.

Таким образом, подавляющее большинство подростково-молодежной категории учащихся в целом верно понимают значение речевой деятельности и желают, чтобы она не просто служила средством общения, коммуникационных связей, информацион-

ного обмена. По их мнению, главное – развитие творчески-познавательного базиса, способствующего накоплению и одновременно практико-ориентированному применению знаний. По сути дела, молодежь ставит жизненной целью знать и уметь, причем речевая практика здесь играет роль интеллектуально-информационного двигателя прогресса.

Естественно, результаты краткого социального опроса учащейся белорусской молодежи не могут в полной мере раскрыть содержание ее познавательно-творческих целевых установок, так сказать, «заглянуть в душу» и определить перспективы главной нашей заботы и надежды старших поколений страны. Юный человек переступает порог подростково-молодежной категории, раскрывая еще не ведомую ему гамму возрастного творческого потенциала. В такой достаточно короткий временной промежуток им овладевают несбыточные фантазии «сходящих со сцены» Гарри Поттера, Тома Сойера, Арбузика и Бебешки. На смену им приходят новые герои из легендарных книг Ж. Верна, А. Беляева, Г. Уэллса, А. Днепрова, В. Короткевича, завораживающие смекалкой, сообразительностью, азартом доблести и чести, где творческий порыв уже не тонет в эмоциях, а юные созидатели стараются найти оптимальный выход из создавшихся трудностей через чтение умных книг и записи интересных жизненных фрагментов. Детская беспечность уступает место рассудительности, сдержанной впечатлительности, устремленности в конкретизацию поставленных целей и решаемых задач. Эти настроения формируют мировоззренческие установки, акцентируя поиск на реальность решаемых задач и достижимость результатов с подсчетом потраченных на то усилий. Практицизм не каприз, а, скорее, вежа нынешнего рыночного подхода, о чем трубят все СМИ и о чем наши дети начинают узнавать не понаслышке. В этой связи всякого рода письмо на бумаге, т.е. письменность, незаслуженно притесняется телекоммуникационными монстрами. Тем не менее подростки, юноши читают, причем не только школьные учебники, пишут диктанты, контрольные и, к сожалению, достаточно редкие в наши дни сочинения. Так что, хоть им и мешают «сотворить кусочек творчества» на уроке, дома, но все-таки они оказались не безразличны к тому и проблемы речи тоже нашли свое отражение.

Заключение

Завершая краткосрочное исследование историко-философских оснований становления речевой практики наших предков и современных подходов активизации познавательно-творческих установок в содержании белорусского образования, следует акцентировать внимание на конструктивных методах психофизиологического и семантического характера.

1. Исходя из биолого-природных основ человеческой эволюции, наша жизнь, а значит, культура и речь строго обусловлены ритмической организацией жизнедеятельности. С момента рождения нам закономерно свойственна ритмичность, что проявляется в пантомимике плюс к тому – ритмы сердца, сменяемость бодрствования сном, циркулирование крови в организме и многое другое. Уже на 12-й неделе внутриутробного развития включается слуховое и вестибулярное восприятие, которое предопределяет не только сенсорное развитие, но и ритмическую организацию коры головного мозга. Ритм, тембр речи матери тесно связаны с ее эмоциональным состоянием и напрямую влияют на состояние плода. Ритм материнской речи в сочетании с покачиванием младенца на руках в этом ритме, а также с его аудиовербальными и зрительными впечатлениями создает условия для активного сенсомоторного развития ребенка. «Уход от прямого общения с детьми в пользу комфортного состояния родителей, – проявляет озабоченность психолог В.В. Степанова, – (памперсы, просмотр видео, слушание аудиозаписей не только малышами, но и детьми – это сегодня модно и весьма распростра-

нено) приводит к тяжким последствиям в становлении зрительного, моторного и речевого развития» [16, с. 111].

В наши дни редко в школах, колледжах, гимназиях и т.п. встречаются уроки, пронизанные синхронизацией движения и речи. Ушли безвозвратно в прошлое методики, включающие программы разнообразных движений под ритмически организованную речь (считалку, потешку, песенку), что издревле было характерно для традиций славянской культуры в форме хороводных игр, праздничных гуляний, обрядовых спевов и др. мероприятий. По мнению отечественных психологов, работа в области речеобразовательной практики должна начинаться с овладения речедвигательной синхронизацией каждым учеником, для чего ему необходимо научиться сопровождать свою речь ритмическими движениями рук и ног. В помощь отмеченному различные ударные инструменты – маракасы, ложки, трещетки и др. – способствуют выработке синхронизации движений в такт, ритмике, сопровождающихся речевыми фоноэффектами – пением, речитативным изложением и т.п.

На наш взгляд, лучшее средство становления ритмических функций организма – танцевальные движения под музыку через внутреннее (про себя) проигрывание слышимых мелодий. И неважно, какой это танец – бальный, спортивный, атлетический. Важен процесс впитывания, пропускания музыки через сознание в сочетании с ритмическими движениями строгого плавного венского вальса, неприхотливого, упрощенного вальса Бостон, зажигательной самбы, резко-угловатой румбы, пластичного пасадобля, завораживающего парижского танго, дерзко-вызывающего аргентинского танго и отчаянной белорусской польки.

2. «Адекватное восприятие и воспроизведение текстовых учебных материалов, умение давать развернутые ответы на вопросы, самостоятельно излагать свои суждения, – подчеркивает значимость разговорной речи белорусский учитель-дефектолог Л.Н. Савко, – все эти и другие учебные действия требуют достаточного уровня развития связной речи (диалогической и монологической)» [17, с. 44]. Дело в том, что разговорная (звуковая) речь в научно-педагогическом лексиконе именуется термином – связная речь, т.е. последовательно, связно составленные предложения, имеющие начало и логическое завершение смыслового содержания. «Значительные трудности в овладении навыками связной речи у детей, подростков... обусловлены недоразвитием основных компонентов языковой системы – фонетико-фонематического, лексического, грамматического, недостаточной сформированностью как произносительной (звуковой), так и семантической (смысловой) сторон речи» [17, с. 44].

Родителям, учителям, самим учащимся необходимо усвоить следующее: сочетание навыков разговорной, письменной речи и др. желательно соотносить с семантикой, тем самым содержательно наполняя их смысло-логическими размышлениями, анализом, выводами, заключениями и т.п. В этом суть речевого творчества, путь целенаправленного формирования системы социально-познавательных ценностей, стимулирующих физические, интеллектуальные, духовно-нравственные жизненные цели учащейся молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 350 с.
2. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М. : Тривола, 1996. – 598 с.
3. Штерн, В. Психология раннего детства до 6-летнего возраста / В. Штерн. – Петроград : 26-я Гос. тип, 1922. – 280 с.

4. Брушлинский, А. В. Кризис общества мобилизует или разрушает личность? [Электронный ресурс] / А. В. Брушлинский. – Режим доступа: <http://nnmoiseev.ru/st0004.htm>.
5. Mellaart, J. Earliest Civilizations of the Near East / J. Mellaart. – London, 1965.
6. Клягин, Н. В. На дистанции становления и в пространстве жизни человека / Н. В. Клягин // Мир психологии. – 2009. – № 1. – С. 176–187.
7. Клягин, Н. В. Современная научная картина мира : учеб. пособие / Н. В. Клягин. – М. : Логос, 2007. – 263 с.
8. Million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia / S. Semaw [et al.] // J. of Human Evolution. – 2003. – Vol. 45, № 2. – P. 169–177.
9. Мунчаев, Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии / Р. М. Мунчаев. – М. : Наука, 1981. – 319 с.
10. Альбедиль, М. Ф. Индуизм: творящие ритмы / М. Ф. Альбедиль. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 256 с.
11. Зубко, Г. В. «В начале было Слово...», и Слово дало начало словам / Г. В. Зубко // Мир психологии. – 2014. – № 2. – С. 105–109.
12. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 424 с.
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1979. – 815 с.
14. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 716 с.
15. Батищев, Г. С. Социальные связи человека в культуре / Г. С. Батищев // Культура, человек и картина мира : сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии. – М. : Наука, 1987. – 350 с.
16. Степанова, В. В. Путь к слову / В. В. Степанова, Н. Н. Толстых // Мир психологии. – 2014. – № 2. – С. 110–121.
17. Савко, Л. Н. Моделирование и наглядность как средства становления связной речи у детей с общим недоразвитием речи / Л. Н. Савко // Спец. адукацыя. – 2010. – № 4. – С. 44–47.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.02.2019

Onuprienko S.P. Philosophical and Historical Base of Formation of Speech Culture in the Context of Creative-Educational Orientations of Students

In the article, there was made an attempt of scientific research of theoretical-methodological, historical-ethnographic characteristics of formation of speech activity and speech culture in the process of formation of human civilization at different stages in the dynamics of social events of the ancient world. The above-mentioned problem is considered in the context of the sensitive-social analysis of formation of creative-cognitive orientations of adolescents and young people in Belarus. There was offered the author's vision and relevant recommendations for improvement of speech practice of students and appropriate methods to enhance the creative potential of studying youth.

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna3@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Анализируются различные теоретические модели темпоральности повседневного человеческого бытия, выделяется определенный инвариант, позволяющий осмыслить специфику и онтологическую значимость переживания времени в повседневности. В результате обосновывается роль «философии повседневности» в построении неклассической модели субъективности и решении актуальных проблем формирования индивидуальной и культурной идентичности.

Введение

На первый взгляд, название данной статьи является своего рода тавтологией, поскольку само слово «повседневность» как обозначение особого среза нашего существования отсылает ко времени, к каждому дню нашего обыденного бытия, к текучести нашей жизни как таковой. Однако наше обыденное сознание наделяет это слово и аксиологическими смыслами. Повседневность чаще всего оценивается как нечто ординарное, нормальное, привычное в противовес экстраординарности неких особых событий, отмеченных для человека яркими эмоциональными переживаниями и якобы оказывающими определяющее воздействие на формирование его самости.

Вместе с тем тот факт, что повседневность и повседневная жизнь становятся одним из самых популярных объектов исследования современной философии и гуманитаристики в целом, не может не навести на мысль, что сама повседневность имеет более сложную и неоднозначную природу и играет значимую роль в формировании человеческой субъективности. Несмотря на то, что в современных теориях повседневности довольно четко выделяются два подхода к оценке ее экзистенциально-онтологических характеристик (один из них ориентирован на ординарный и усредняюще анонимный характер повседневности, другой полагает, что в ней сочетаются обычное с экстраординарным), все философские концепции подчеркивают ее значимый онтологический статус. Повседневность есть то, в чем человеческая экзистенция, согласно М. Хайдеггеру, ближайшим образом и большей частью есть, и в силу этого ее изучение является необходимым фундаментом построения онтологии человеческого бытия.

Поскольку значительная часть неклассических моделей субъективности построена на осмыслении ее темпорального характера, то экспликация временного аспекта повседневности как сферы формирования субъективности представляется очевидным шагом. Причем прояснение темпорального статуса повседневности с необходимостью затрагивает как индивидуальное, так и социальное бытие человека, внося тем самым вклад в становление онтологических и социально-онтологических концепций современности.

В соответствии с вышесказанным цель данного исследования заключается в экспликации темпоральных характеристик повседневности и их онтологического статуса. Осуществление этой цели означает постановку и решение следующих задач:

- 1) раскрыть эвристическую значимость феноменологических концепций темпоральности для прояснения природы повседневности;
- 2) дать феноменологическое описание и анализ специфики протекания времени в повседневности;
- 3) обосновать социально-онтологическую значимость повседневной темпоральности.

В рамках решения поставленных задач предполагается обращение к различным версиям повседневности, наиболее значимые из которых представлены в работах М. Хайдеггера, А. Шюца, А. Лефевра, М. Бахтина, М. де Серто и др.

Проблематизация темпорального характера повседневности в феноменологии

Одна из самых ранних философских концепций повседневности выстраивается М. Хайдеггером в контексте его фундаментальной онтологии. Само наименование работы «Бытие и время» ориентирует на особую значимость темпоральности для реализации его философского проекта. Не вдаваясь в подробности хайдеггеровского замысла фундаментальной онтологии, хотелось бы упомянуть, что на этом раннем этапе своего творчества Хайдеггер откровенно указывает на генетическую связь своей работы с феноменологией Э. Гуссерля. Он не только посвящает последнему свою работу, но и выбирает феноменологию в качестве «метода разыскания». Есть множество содержательных и методологических аспектов, как связывающих, так и разъединяющих концепции обоих мыслителей, но в рамках данной статьи хотелось бы подчеркнуть те моменты философии Гуссерля, которые предопределили проблематизацию повседневности в неклассической философии.

Во всех работах, посвященных философии повседневности, в качестве очевидной предпосылки исследований повседневного бытия называют гуссерлевский концепт «жизненный мир», который получил свое развитие в работах позднего Гуссерля. Учение о жизненном мире, несомненно, важно для осмысления темпоральной природы повседневности, поскольку, наряду с прочим, отсылает к перцептивному опыту «живого тела», который создает особые возможности конституирования значений в силу того, что обладает возможностью кинетического движения. Поскольку движение изначально связано не только с пространством, но и со временем, одно это уже указывает на то, что перцептивный синтез, как впоследствии это заметит французский феноменолог М. Мерло-Понти, носит временной характер. Наше освоение в мире через выстраивание идентификаций и ассоциаций, intersубъективный характер жизненного мира, по сути, есть прямой путь к феноменологии повседневности. Но этот путь вряд ли бы стал возможным без обращенности к концепту времени в ранних работах основателя феноменологии. Феноменология внутреннего сознания времени, прописывающая неизменную актуальность для нашего сознания «точки теперь», связывающей прошлое и будущее посредством ретенции и протенции, является не только новым словом в прояснении природы сознания, но и таит в себе весьма значимые онтологические проекции, которые впоследствии позволили философам экзистенциально-феноменологической волны осмыслить специфику экзистенциального переживания времени, которое всегда дано нам как настоящее, как постоянно ускользающее «теперь», тем не менее имплицитно содержащее в себе «до» и «после» (более подробно об этом в [1, с. 10–60]).

Гуссерлианский эпистемологизм в понимании субъективности в какой-то мере был продолжен М. Мерло-Понти в его «Феноменологии восприятия». Синтезируя гуссерлевское понятие «живого тела» и учение о внутреннем сознании времени, Мерло-Понти преодолевает дуализм чистого сознания и пассивной данности тела и предлагает концепцию востелесненной экзистенции и воспринимающего сознания, осуществляющего особый перцептивный синтез: «перцептивный синтез – это для нас род временного синтеза, субъективность на уровне восприятия есть не что иное, как временность» [2, с. 307]. Именно эта темпоральная востелесненность человеческого присутствия в мире наделяет нас особым родом знания – навыками и привычками, которые формируются как телесная ассимиляция смыслов, принципиально отличающаяся от когнитивных актов сознания. Навык является результатом повторяющихся перцептивных моментов, которые ведут к своего рода «седиментациям» в человеческом теле. Следует заметить,

что Мерло-Понти не занимался специальными исследованиями повседневности, но проблематизация значимости человеческой телесности в становлении субъективности, описание процесса восприятия как ряда седиментаций, приводящих к формированию дорефлективных навыков, имеющих непосредственное значение для нашего освоения в мире, напрямую отсылает к смысловому ядру повседневной жизни. Однако движение седиментации, согласно Мерло-Понти, имеет по преимуществу темпоральную природу: «Восприятие – это, скорее всего, не столько настоящая история, сколько то, что удостоверяет и обновляет в нас некую “предысторию”. И она опять-таки соприисуща времени; не было бы настоящего, то есть чувственного с его плотностью и неисчерпаемым многообразием, если бы восприятие, говоря в духе Гегеля, не сохраняло прошлого в глубине своего настоящего и не спрессовывало это прошлое в самом себе» [2, с. 309]. Таким образом, Мерло-Понти развивает и дополняет гуссерлианскую концепцию времени, связывая его напрямую с вочеловеченностью человеческой экзистенции, что имеет огромное значение для прояснения онтологии повседневности, основания которой, как мы уже отмечали, заложил еще М. Хайдеггер.

Поскольку хайдеггеровский проект фундаментальной онтологии основывается на аналитике того сущего, которое есть мы сами – «присутствия», а сам бытийный смысл присутствия определяется им как временность, он вполне закономерно выходит на необходимость построения онтологической концепции повседневности. Повседневность, по сути своей, является тем видом бытия, в котором «ближайшим образом и большей частью держится присутствие... Повседневность подразумевает все-таки явно *тот* способ экзистирования, в котором присутствие держится “все дни”» [3, с. 370]. Но, хотя это и есть собственно обозначение переживаемого человеком времени, требуется еще приблизиться к уразумению экзистенциально-онтологического смысла этого повседневного существования. А это опять-таки адресует нас к переживанию времени как настоящего: «Повседневность означает то *как*, мерой которого присутствие «живет настоящим днем», будь то во всех своих поступках, будь то лишь в известных, которые предписаны бытием-друг-с-другом. К этому *как* принадлежит далее уют привычности, пусть даже она понуждает к тягостному и «противному». Завтрашнее, выжидаемое повседневным озабочением, это «вечно вчерашнее». Однообразие повседневности принимает за перемену то, что всякий раз преподносит день» [3, с. 370].

Но, как показывает приведенный отрывок, в трактовке Хайдеггера эта обращенность к настоящему носит уже не гносеологический, а ярко выраженный онтологический характер. Повседневность для него прежде всего особый способ быть. Причем в описании этого способа существования немецкий мыслитель делает акцент на усредняюще-монотонном характере повседневности, на анонимной силе обезличивания и забывания. Но при этом, подводя итоги проекта «Бытие и время» в целом, делает парадоксальный вывод. Хотя само обращение к повседневности продиктовано проблематизацией временности присутствия, промысливание повседневности показывает неудовлетворительность предыдущей интерпретации темпоральности. В рамках предложенной системы координат повседневность все еще остается непрозрачным феноменом, требующим более глубокого погружения в онтологический анализ времени: «Что в фактической истолкованности присутствия *онтически* так знакомо, что мы этого даже не замечаем, экзистенциально-онтологически таит в себе загадку на загадке. Этот “естественный” горизонт для первой постановки экзистенциальной аналитики присутствия *лишь по видимости самопонятен*» [3, с. 371]. Поэтому фундаментальная онтология должна совершить своеобразный круг: начиная с обращения к повседневности как ближайшему срезу присутствия, подойти к новой проблематизации времени и бытия для проникновения в онтологическую тайну самой повседневности: «И не принадлежит ли к экзистирующему присутствию также факт, что оно, проводя свое время, день

за днем ведет счет “времени”, астрономически-календарно этот “счет” упорядочивая? Лишь когда мы в интерпретацию временности присутствия включим повседневные “события” присутствия и озаботившие его в этих событиях счеты с “временем”, наша ориентировка станет достаточно объемной, чтобы суметь сделать проблемой онтологический смысл повседневности как таковой. Поскольку же, однако, титулом повседневности подразумевается по сути не что иное, как временность, а последняя делает возможным *бытие* присутствия, удовлетворительный концептуальный очерк повседневности удастся лишь в рамках принципиального прояснения смысла бытия вообще и его возможных видоизменений» [3, с. 371].

Таким образом, феноменологическая попытка рассмотрения субъективности в терминах темпоральности не только привела к проблематизации повседневности как своего рода воплощения присущего человеку способа переживания времени – «всякий день», «все дни», но и заставила задуматься об онтологическом статусе повседневности.

Повседневное переживание времени: цикличность и необратимость

В свою очередь, построение онтологии повседневности позволило поставить вопрос о специфике протекания самого повседневного времени, что явно внесло серьезный вклад в построение новой модели субъективности, которая нацелена на преодоление метафизичности и отвлеченности классических философских подходов к человеку.

Как уже было отмечено, время в повседневности переживается как «вечное настоящее», которое как бы стягивает в себе прошлое и будущее. Но что означает настоящее повседневности? Оно предполагает как минимум две неэлиминируемые характеристики повседневности. Во-первых, это ее подвижность и текучесть, которая очень точно схвачена в сентенции М. Бланшо, что «повседневность исчезает» является ее единственным подлинным определением. Во-вторых, необратимость повседневных действий. Повседневность очень часто противопоставляется событийности существования как невыделенность отдельных моментов, как незаметное «утекание» времени. Но повседневное пребывание человека в мире связано с особым рода активностью – трудовой деятельностью, которая производит в мире необратимые изменения. По мнению многих теоретиков повседневности (М. Хайдеггера, А. Шюца, А. Лефевра, М. де Серто), человек здесь представлен как работник. Но работа, как очень точно отмечает А. Шюц, приводит к изменениям, которые невозможно отменить. К повседневности невозможно применить английский глагол *undo*, что очень рельефно высвечивает реальную необратимость времени. Получается, что повседневное время – это необратимый поток, который вовлекает нас в особые взаимодействия с миром и другими людьми, с которыми мы делим это специфическое intersubjective настоящее. Его специфика предполагает также особый вид коммуникации – коммуникацию «лицом-к-лицу», которая предполагает единство и полноту пространственно-временного присутствия субъектов коммуникации, что и обеспечивает ее эффективность. Именно такую модель времени в повседневности создает социально-феноменологическая концепция А. Шюца.

Но есть и другой образ повседневного времени – повседневность как повторяемость. Повторяемость ежедневных привычных действий, смена дневных циклов, дня и ночи. Повторяемость наших производственных актов. Как соотносить эти две модели, возможно ли соединить направленный из прошлого в будущее поток и повторяющиеся циклы? Есть разные версии ответа на этот вопрос. Неомарксистская теория повседневности А. Лефевра противопоставляет два вида цикличности, представленные в повседневной жизни современного человека: циклы естественные, природные (смена дня и ночи) и линейность производственных циклов. Первые соответствуют изначальной природе повседневной жизни, которая связана с целостным человеком и свободна от иссушающего воздействия отчуждения. Вторые навязаны буржуазным производст-

вом, процессами отчуждения, превратившими богатство повседневной жизни в выхолощенную и монотонную повседневность. Необходимо, с точки зрения Лефевра, революционное переустройство повседневной жизни во имя высвобождения и торжества природных циклов.

Но можно выстроить и другую, более сложную и более продуктивную для понимания природы повседневности и человеческого бытия в целом «графику времени», соединяющую направленность и цикличность времени в повседневности, опираясь на идеи Ф. Ницше и М. Бахтина. В данном контексте особый интерес представляют ницшеанский концепт «вечного возвращения» и бахтинское понятие хронотопа. Согласно анализу идеи вечного возвращения, «классическая философия опасалась иметь дело с постоянно повторяющимися феноменами повседневности: чтением, сном, едой и т.п. Но именно эти действия представляют повседневность в ее сути: все постоянно исчезающее и постоянно возвращающееся – вечно возвращающееся. Одна из интерпретаций смысла вечного возвращения того же самого гласит, что оно примиряет вечность и время, бытие и сущее. Повторяемость дает возможность прерыва непрерывности, утверждения бытия сущего, бытия всего конечного – человеческой экзистенции в том числе. Это способ избавить людей от духа мести по отношению ко времени и его “было”. Повторяемость повседневных практик, которые создают обычного человека, “обыкновенного героя”, может быть рассмотрена как воплощение этого примирения» [1, с. 98–99].

Схожее по духу, но реализованное в другой лексике понимание времени мы можем реконструировать, опираясь на философию диалога М. Бахтина, в особенности на его понимание хронотопа. Интерпретация повседневной жизни тесно сплетена с бахтинским концептом «места-в-бытии». Этот концепт подчеркивает уникальность и ответственность как специфические характеристики человеческого бытия и может быть использован для понимания повседневности как верховной реальности, которая выступает как мир, где «мы творим, познаем, созерцаем, жили и умираем; мир, в котором объективируется акт нашей деятельности, и мир, в котором этот акт единожды действительно протекает, свершается» [4, с. 82–83]. Но эта специфическая временная протяженность, в которой свешается акт нашей деятельности, уже по самой сути выражения «место-в-бытии» отсылает к укорененности этого протекания в определенно понятой пространственности, что указывает на неразрывную связь пространства и времени для востелесненного существования человека в мире. Необратимые акты нашей активности не только имеют место как точку исхождения, но и направлены на обживание пространства, конституирование места, которое становится своим, которое неразрывно связано с человеческой экзистенцией.

В действительности мы имеем дело с нерасторжимым единством пространственно-временной обустроенности человека в мире, с «хронотопом» человеческого бытия, где необратимая текучесть времени сращена с выделенностью момента «здесь-и-сейчас», обеспеченной обживанием своего топоса. Наиболее ярким примером хронотопичности человеческого существования может служить феномен дома (частной жизни, повседневности), к которому, с подачи В. Розанова, достаточно часто обращаются современные философы. Дом, издавна воспринимаемый человеком как прибежище от житейских бурь, с необходимостью предполагает временной цикл повседневных действий, их каждодневную повторяемость, но именно он является главным местом встречи ординарного и экстраординарного, профанного и сакрального, поскольку именно здесь человек наиболее тесно соприкасается с тайной рождения и смерти, с самобытным существованием вещей и другого человека, постигая необратимость и уникальность бытия всего сущего, «реальность смертной плоти мира».

Социально-онтологические проекции повседневной темпоральности

Но если в предыдущих параграфах речь по преимуществу шла о базисных онтологических проекциях темпоральности индивидуального человеческого существования, то при анализе вопроса о соотношении времени и повседневности не стоит забывать о ее социальном характере. Бытие-с-другими есть одна из фундаментальных характеристик повседневности. Поэтому значительный вклад в построение теории повседневности вносят концепции, фокусирующиеся на социально-онтологических аспектах повседневной темпоральности. Одной из самых интересных версий является социальная философия французского мыслителя М. де Серто. Опираясь на генеалогические идеи Ф. Ницше и М. Фуко и на критику повседневной жизни А. Лефевра, де Серто выстраивает оригинальную концепцию практик повседневности. Осмысляя тезис об определяющем воздействии властных стратегий (производимых различными социальными институтами как субъектами власти) на бытие социума, их роль в определении социального порядка, Серто находит своеобразного контрагента в лице тактических практик повседневной жизни. Он настаивает на том, что любая стратегия встречает скрытое, но вполне ощутимое сопротивление, которое является своего рода «силой слабых». И разворачивается оно именно в рамках повседневной жизни как набора практик, которые направлены на переработку и индивидуальное присвоение стратегических предписаний. Так живет обыденный язык, который, вольно обходясь с правилами литературного языка, тем не менее достигает наиболее быстрого и полного понимания. Так усваивается информация, которая идет прочерченными масс-медиа потоками, но эти потоки разветвляются и перераспределяются в зависимости от индивидуального выбора потребителя. Если стратегии выстраивают своего рода официальную «картографию» социального пространства, то повседневные практики используют возможности темпоральности, разворачивающейся здесь как сеть «удобных моментов», «счастливых случаев», позволяющих избежать унифицирующего воздействия стратегий. Тактики срощены со временем и используют особый вид рациональности – греческое понимание разума как *metis*, позволяющее избежать прямого и пассивного подчинения и выстроить социальный порядок как результирующий баланс сил. Форма существования времени в повседневности, согласно де Серто, есть память, связывающая воедино прошлое, настоящее и будущее в проживаемом моменте. «“Искусство” памяти, относящееся ко времени так же, как искусство войны относится к манипуляциям пространства, развивает способность всегда быть в месте другого, не обладая им, и извлекать выгоду из этого изменения, не исчезая в нем. Эта способность не является властью (даже если повествование о ней может ею быть). Скорее она может называться *авторитетом*: то, что “извлечено” из коллективной и индивидуальной памяти, “освящает авторитетом” (делает возможными) переворачивание, изменение порядка или места, переход к чему-то другому, “метафору” практики или дискурса» [5, с. 178]. Тем самым повседневная темпоральность обеспечивает пластичность и мобильность социального порядка, удержание традиции и способность общества к переменам.

Заключение

Проведенный в рамках данной статьи анализ специфики и онтологического статуса повседневной темпоральности позволяет констатировать следующее:

- 1) феноменологический посыл рассмотрения проблемы субъективности в терминах темпоральности впервые приводит к проблематизации темпорального статуса повседневности и экзистенциально-онтологического смысла повседневного времени;
- 2) современные философские теории повседневности эксплицируют сложную «графику» повседневного времени, синтезирующего в себе цикличность и необрати-

мость и образующего вместе с пространством единый и уникальный «хронотоп» человеческого бытия-в-мире;

3) разработанная в работах М. де Серто социально-онтологическая концепция повседневности связывает повседневную темпоральность с тактическим характером повседневных практик, что позволяет проинтерпретировать социальное устройство как результирующий баланс стратегических и тактических сил, обеспечивающий пластичность и мобильность социального порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.
2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия : пер. с фр. / М. Мерло-Понти ; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Изд. 2-е, испр. – СПб. : Наука, 2002. – 454 с.
4. Пешков, И. В. М. М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка / И. В. Пешков. – М. : Лабиринт, 2009. – 107 с.
5. Серто, М. де. Изобретение повседневности. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2019

Nalivaiko I.M. Temporal Status of the Everyday

With this article the author continues the series of her works dedicated to study of ontology of the everyday. The article analyses different ontological models of everyday temporality and defines the invariant, which promotes the comprehension of the specificity and ontological significance of everyday mode of time perception. As a result the role of the philosophy of the everyday in constructing of non-classical model of subjectivity and in solving the actual problems of individual and cultural identity is justified.

УДК 343.9.018:167

О.Н. Иванчина

канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: onivanchina@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Рассматриваются основные методологические тренды современной криминологии, среди которых сущность теорий, концепций и подходов, методологические принципы, методы и методики, векторы развития криминологического знания и его перспективы. Описание и вербализация методологического аппарата криминологии выступает основой для его дальнейшего качественного и количественного развития. Важнейшими трендами развития криминологии являются синергетический подход и нарастающие междисциплинарные связи. Формирование глобального криминологического мышления, связанного с межстрановыми, международными и междисциплинарными исследованиями, позволит криминологии выйти на новый уровень развития. Невозможно исследовать социальную реальность без современных эмпирических данных, которые измеряют духовные составляющие бытия человека и общества с помощью различных показателей («индекс счастья», «уровень доверия», «индекс социального напряжения» и др.). Криминология в настоящее время использует весь свой потенциал для поиска мер предупреждения преступности в социокультурной среде, в механизмах формирования мировоззрения человека.

Введение

Современная криминология достигла многого благодаря обширной методологической, теоретической и эмпирической базе. Однако достаточно четко сформулирован круг вопросов, на которые в криминологии пока нет однозначных ответов. Данное обстоятельство вынуждает говорить о методологическом кризисе криминологии, когда старые, устоявшиеся подходы и методы не позволяют выйти из замкнутого эпистемологического круга. Именно этот фактор порождает стремление выходить за ранее сформировавшиеся рамки теорий, подходов, принципов, методов и методик. Эффективное развитие криминологии – это основа для укрепления институтов правового государства (успешного законодательства и практики его применения). Это необходимое условие для предупреждения и снижения преступности, а также результативной ресоциализации преступников. Криминологически значимая информация (как часть национальной безопасности) воплощается в государственных концепциях и программах развития. Поэтому развитие любой страны напрямую зависит от результативности криминологических исследований, опирающихся на хорошую методологическую основу.

Целью исследования является определение методологических трендов в современной криминологии, которые репрезентируются в теориях, подходах, принципах, проблемах, методах, методиках, наиболее обсуждаемых темах, в тенденциях и перспективах развития данной области знания. Описание и вербализация методологического аппарата служит основой для его дальнейшего качественного и количественного развития.

Задачами исследования выступают:

- 1) общая характеристика методологического аппарата современной криминологии (теорий, подходов, методов и др.);
- 2) выявление общих трендов в методологии, проблематике, направленности, перспективах криминологического знания.

Методологические принципы, подходы, методы для решения поставленных в исследовании задач:

- 1) междисциплинарность как методологический подход, позволяющий использовать любые методы и инструменты;

2) возможность «параллельного» развития школ, концепций и направлений в криминологии (постмодернистский принцип множественности истины и принцип «относительности» истины);

3) синергетический подход (соединяя несоединяемое, можно получить новое верифицируемое знание; каждую систему причинности можно рассматривать как точку бифуркации);

4) дескриптивный метод (для описания процессов, происходящих в методологии криминологии).

Гипотеза. Для разрешения открытых задач криминологии требуются новые методологические основы. Переход к новой научной парадигме в криминологии возможен посредством:

1) *формирования глобального криминологического мышления*, напрямую связанного с глобальными межстрановыми, международными и междисциплинарными исследованиями (в экономике, политике, культуре);

2) *использования междисциплинарного подхода*, который способен исследовать социальную реальность с новыми целями, задачами, подходами, методами и методиками;

3) *применения синергетического подхода*, позволяющего видеть проблему на разных уровнях, нелинейно, учитывать спонтанно возникшие изменения;

4) *переосмысления диалектико-материалистического подхода* с целью сохранения рациональной системы координат и основ общенаучной методологии.

Наука стремится открыть механизмы создания безопасного и справедливого общества. Одна из целей устойчивого развития – формирование правового государства равных возможностей, которое является результатом интеллектуальных поисков человека, идеальной конструкцией, пока нигде полностью не воплощенной в реальности. Целью многих областей знания является выявление способов наилучшего общественного развития, криминология же напрямую связана с эффективным предупреждением преступности, с формированием справедливого законодательства и обеспечением безопасности.

Специфику методологического и семантического измерений в современной криминологии стремятся выявить многие ученые (Я.И. Гишинский [1], Ю.М. Антонян [2], Д.В. Жмуров [3], С.М. Иншаков [4], В.А. Номоконов, Т.М. Судакова [5] и др.). Особое место в развитии русскоязычного криминологического знания принадлежит Санкт-Петербургскому международному криминологическому клубу, деятельность которого позволяет практически онлайн генерировать и использовать новые идеи, подходы, принципы. Указанному научному сообществу удастся не только интегрировать криминологов на постсоветском пространстве, но и реализовывать международное сотрудничество, способствующее развитию методологических основ криминологии.

В настоящее время стали особенно актуальными сравнительные, межнациональные и межкультурные исследования в области криминологии. За последние 20 лет значительно возросла интенсивность международного взаимовлияния криминологических школ и направлений [6, с. 34–35]. Идет бурный процесс приращивания криминологических знаний. Содержание любой науки основывается на ее целях, задачах, методологии, на стремлении к объяснению и классификации. Современная криминология в эпоху постмодерна (или постпостмодерна) подвержена динамичным изменениям, которые выражаются в *новых подходах, теориях, проблематике исследований, соотношении теоретического и эмпирического уровней, методах и методиках, трендах и перспективах развития*. Указанные сущностные аспекты данной науки позволяют достаточно полно выявить и описать методологические тренды криминологии.

Направления, теории, подходы

Современные криминологические теории представляют собой синтез ранее сформировавшихся направлений и школ. Антропологическая, клиническая и социологическая криминология имплицитно соединены в социобиологических концепциях. В настоящее время не актуальны концепции, которые изолированно в качестве причинного комплекса преступности рассматривают только человека или только общество (его недостатки) (таблица 1). В практике предупреждения преступности обязательно используются достижения и открытия направлений, ранее существовавших достаточно обособленно друг от друга.

В настоящее время в науке становится более распространенным *синергетический подход*, рассматривающий общество и человека как нелинейные, неравновесные, открытые, сложноорганизованные структуры. Источником развития этих структур являются случайность, необратимость и неустойчивость. Современная криминология комплексно исследует преступность и преступление в единой системе: «человек – общество – природа». Таким образом, осуществляется преодоление разрывов и противоречий между антропологической, социологической и клинической криминологией.

Таблица 1. – Концепции и подходы в определении причинности преступности

НАПРАВЛЕНИЕ	ИСТОЧНИК И ПРИЧИНА ПРЕСТУПНОСТИ	МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
Антропологическое	Человек (его наследственность и физиология, обуславливающие способы мышления и деятельности)	Хорошее воспитание и образование (социализация) могут частично изменить природные склонности
Клиническое	Человек (его опасное состояние). Преступник – больной человек, которого надо лечить	Удержание и ограничение свободы человека; медицинские методы
Биосоциальное	Человек и общество	Воздействие и на человека, и на общество всеми мерами превенции
Социологическое	Общество (его недостатки)	Решение социальных проблем (общесоциальная превенция); переустройство общества в целом
Синергетика	Причинный комплекс может сложиться как угодно, непредсказуемо, на основе спонтанных изменений существующих условий	Методы превенции – быстрое и адекватное реагирование на негативные изменения

Язык криминологии

В криминологии происходят изменения в понятийно-категориальном аппарате. Это естественный процесс для любой социально-гуманитарной науки, так как каждый этап развития порождает свои особенности: научную парадигму, тезаурус, категориально-понятийный аппарат для описания проблем и их решения. Ряд криминологов предлагают свои термины-дефиниции для различных криминологических явлений (например, Д.А. Шестаков [7], Д.В. Жмуров [8; 9] и др.). В дальнейшем будет происходить лингвистический отбор новых понятий, из которых в научный оборот прочно войдут лишь те, которые полностью будут отвечать требованиям научного языка:

1) краткость, семантическая точность, однозначность, емкость; все дефиниции должны быть самыми легкоусвояемыми и удобопроизносимыми;

2) семантика понятия не должна ассоциативно перекликаться с совершенно иными смыслами из-за сходной номинации (так, в различных областях знания встречаются одинаковые термины с различным смыслом);

3) любой новый термин рационален и полезен лишь тогда, когда он заменяет собой текст из нескольких предложений.

Важно помнить, что искусственное усложнение «новоязом» не ведет к развитию науки. Каждый новый термин должен в идеале упростить процесс усвоения информации и способствовать приращению знания.

Проблематика исследований

Основное семантическое поле криминологии – это классическая схема «Четыре П» (преступность, преступник, причины и условия преступности, превенция). В сущности, вся проблематика криминологических поисков вписывается в указанную схему. Меняются лишь социальные реалии и методологические основания для исследований. Можно назвать некоторые достаточно «новые» сферы, ставшие наиболее актуальными. Мировая криминология вынуждена исследовать транснациональную преступность как одну из глобальных проблем современности. Также криминология выявляет специфику «политической преступности» (в том числе на общегосударственном уровне). Цифровая экономика и киберреальность породили кибервойны и киберпреступность. Кризис уголовного наказания и проблема рецидива также являются широко обсуждаемыми темами на международном уровне. Важнейшей и одной из наиболее перспективных областей выступает исследование зависимостей-коррелянтов в изучении причинности преступности. Возможно, что наиболее результативными станут именно синергетические исследования коррелянтов.

И в противоположность указанным выше аспектам криминология также задается вопросом: «В чем причины снижения преступности в подавляющем большинстве стран мира?» Так, в Голландии за последние несколько лет уволили более 1 000 сотрудников пенитенциарной системы и закрыли более 20 тюрем, переоборудовав их преимущественно в отели. Основанием для этого послужили спад преступности и уменьшение количества заключенных.

Важнейшей задачей криминологии остается снижение цены преступности, для чего осуществляются исследования эффективности уголовного закона, результативности работы различных правоохранительных органов и др.

Теоретический и эмпирический уровни исследования

Криминология всегда выступала междисциплинарным знанием, которое не может развиваться без уголовной и моральной статистики, социологических и математических методов. На основе количественных данных (эмпирического материала) криминология предлагает теоретические аргументации. Д.В. Жмуров отмечает (по данным анализа тематики докторских и кандидатских диссертаций за 1989–2013 гг.), что в Российской Федерации до 98 % криминологических исследований носят прикладной характер [3, с. 49].

Практикоориентированность – важнейшая основа для исследований. Криминологические выводы можно делать, только опираясь на данные статистики. Однако достаточно высоким может быть уровень доверия только к тем эмпирическим данным, которые аккумулируются в демократических странах. «Государства лжи» (закрытые, тоталитарные страны) либо не предоставляют информации вообще, либо существенно ее искажают. Поэтому международные рейтинги также необходимо подвергать аналитике, так как для их составления не обязательно проводятся особые независимые исследования. Независимые криминологические исследования – это дорогостоящие проекты,

требующие финансирования и участия экспертов из разных стран. Нередко результаты международных организаций или журналистских расследований являются единственным источником информации по какому-либо виду транснациональной преступной деятельности.

Появление новых отраслей в криминологии (криминология СМИ, криминофамилистика и семейная криминология, криминотеология, экокриминология, наркокриминология и др.) вынуждает апплицировать имеющуюся методологию на новые специфические предметы исследования, что позволяет получать новые научные результаты. И в этой ситуации криминология перестает быть только социолого-правовой наукой, так как вынуждена использовать методологию психологии, религиоведения, культурологии, этнологии, медицины и т.д.

Методы и методики

Наука в эпоху постмодерна в качестве методологической нормы восприняла полипарадигмальность и методологический плюрализм. Это в полной мере относится и к криминологии. Помимо методов, ставших уже классическими (общенаучных, философских и специальных) (таблица 2), постоянно появляются новые методы и данные, заимствованные из других областей знания (индексы, коэффициенты, уровни и др.). Так, криминология стремится использовать эмпирические данные междисциплинарных исследований, которые измеряют духовные составляющие бытия человека и общества с помощью таких показателей, как «индекс счастья», «уровень доверия» (в том числе к правоохранительным органам), «индекс социального напряжения» и др. С помощью различных методик ежегодно по специально отобраным критериям определяются «самые опасные/безопасные страны мира», «Самые “полицейские” государства мира» и т.д.

Таблица 2. – Методы криминологии

МЕТОДЫ КРИМИНОЛОГИИ		
ОБЩЕНАУЧНЫЕ <i>(могут применяться в любой науке)</i>	ФИЛОСОФСКИЕ <i>(в основном применяются в социально-гуманитарных науках)</i>	СПЕЦИАЛЬНЫЕ <i>(применяются в конкретной науке)</i>
анализ (компаративный, статистический, системно-структурный)	диалектический	социологические методы (опрос, анкетирование, интервью, наблюдение включенное и невключенное и др.)
синтез	метафизический	статистические методы
индукция	феноменологический	экспертная оценка
дедукция	герменевтический	правовая статистика
гипотеза		социометрия
моделирование		изучение документов
аналогия		математические методы
экстраполяция		
наблюдение		
эксперимент		

Одним из перспективных криминологических направлений исследований является выявление степени корреляции между различными явлениями (например, связь и взаимообусловленность жестокости уголовного наказания и количества преступлений, уровень убийств и уровень самоубийств, индекс Джинни и уровень убийств и др.). Пока зафиксированы некоторые тренды во взаимодействии коррелянтов. В изучении

коррелянтов еще предстоит открыть законы и механизмы их взаимовлияния, а также их синергетический эффект.

Криминология может без каких-либо ограничений воспользоваться любыми методами из разных областей знания. Только для просчитывания криминологического прогноза можно использовать целый спектр «чужих» методологий (методы финансового прогнозирования, методы прогнозирования банкротства, методы экономического прогнозирования, методы прогнозирования рынка, методы политического прогнозирования, методы прогнозирования финансовых показателей, методы прогнозирования управленческих решений, методы прогнозирования продаж, методы прогнозирования спроса, методы бюджетного прогнозирования и др.).

Особое место в криминологии по-прежнему занимают статистические и математические методы (экспоненциальное сглаживание, метод скользящих средних и др.). В криминологии возможна интеграция методологий не только социально-гуманитарных, но и естественнонаучных областей знания.

Зарубежный криминологический мир выделяет *количественные и качественные методы*. Такая классификация методов почти не встречается в русскоязычной криминологии (хотя использование *количественных и качественных показателей преступности* уже давно стало общепринятым). С помощью количественных методов выявляют степень распространенности преступности и ее причинность. Количественные методы (опросные исследования, полевые исследования, оценочные исследования и др.) позволяют получить достоверные данные. Как правило, существует четыре подхода к измерению преступности для получения количественных данных: наблюдения, отчеты о виктимизации, опросы правонарушителей и использование данных, которые уже были получены ранее.

Зарубежная криминология использует также такие количественные методы, как обзорное исследование, экспериментальное и квазиэкспериментальное исследование, поперечное исследование, продольное исследование, исследование временных рядов и метаанализ, исследовательский опрос. Опрос обычно проводится по почте, телефону, компьютеру или лично. Как правило, опросы содержат сочетание открытых и закрытых вопросов. На открытые вопросы респондент должен дать ответ на конкретный вопрос, например: «Какая самая важная проблема существует для жителей вашего района?». Закрытые вопросы предоставляют респондентам возможность выбрать ответ из предложенного списка. При открытых опросах, анкетировании, интервьюировании можно также применять дискурсивный анализ для идентификации ценностного мира респондента.

В зарубежной криминологии «самые передовые качественные методы исследования и интерпретации коренятся в социологических исследовательских контекстах (повествовательное интервью, групповое обсуждение, объективная герменевтика, документальные методы интерпретации, герменевтическая социология знания, анализ моделей интерпретации и т.д.)» [10]. Зарубежная криминология использует лонгитюдные исследования (повторные измерения спустя промежуток времени), когортные исследования (избирается группа лиц с одинаковым признаком), панели и дизайны временных рядов, репрезентативную выборку населения и др.

Методологическая триангуляция (как поиск третьего пути) предполагает верификацию данных, полученных как количественными, так и качественными методами. Это позволяет получать более объективную информацию, когда результаты количественных и качественных методов дополняют друг друга и могут перекрестно верифицировать данные друг друга.

Тренды развития криминологического знания

В настоящее время усиливаются тенденции к взаимопроникновению различных наук. Поэтому для криминологии также характерен рост *междисциплинарности* (таблица 3) и *трансдисциплинарности*.

Таблица 3. – Междисциплинарные связи криминологии с другими областями знания

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ КРИМИНОЛОГИИ С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ ЗНАНИЯ		
<i>Область знания</i>	<i>Криминология заимствует</i>	<i>Криминология обеспечивает</i>
Уголовное право	Информация об объеме и уровне преступности, ее структуре, динамике	Направление уголовной политики. Направление нормотворческой деятельности (криминализация/ декриминализация). Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов
Уголовный процесс	Причины и условия совершения преступлений, предложение мер, направленных на их устранение	Выработка эффективных мер предупреждения преступлений
Уголовно-исполнительное право	Информация об эффективности профилактики преступлений. Порядок и условия отбывания наказания	Исследование рецидивной и пенитенциарной преступности, разработка мер превенции, мер повышения эффективности исправления осужденных лиц и их ресоциализации
Криминалистика	Способы совершения преступлений. Типы преступников	Личностные особенности преступников, способы и механизмы преступного поведения
Юридическая психология	Субъективные причины преступного поведения. Способы эффективной правовой социализации и ресоциализации	Индивидуальные и общесоциальные меры предупреждения преступлений
Философия (социальная философия, философская антропология, методология науки, футурология и др.)	Законы, категории, понятия, методология. Объяснение сущности человека и социальной реальности	Рациональное объяснение причин и условий преступности. Криминологическое прогнозирование
Социология	Законы функционирования социальной реальности, ее изучение и измерение	Выявление социальных причин, условий, факторов преступности
Политология	Политические закономерности функционирования общества	Выявление политических причин, условий, факторов преступности
Антропология (биология, генетика, психология, психиатрия)	Субъективные причины преступности	Индивидуальные меры предупреждения преступлений
Девиантология	Понятия «норма» и «девиация»	Общесоциальные и индивидуальные меры предупреждения преступлений

Окончание

Демография	Статистические данные о различных группах и слоях населения	Социально-групповые и структурные тренды преступности. Общесоциальные меры предупреждения преступлений
Педагогика	Способы эффективной правовой социализации и ресоциализации	Общесоциальные и индивидуальные меры предупреждения преступлений
Математика, статистика, кибернетика	Методы исследования (статистические, математические и др.)	Количественные и качественные показатели преступности, выявление трендов, цикличности, закономерностей для выработки мер по предупреждению преступности

Постмодернизм в науке – это сосуществование разных теорий и концепций, отказ от поиска единственной объективной истины. Полипарадигмальность стала естественным состоянием неклассической науки, которая вынуждена учитывать такие тренды развития общества, как консьюмеризация сознания и жизнедеятельности, фрагментаризация общества постмодерна. Преступление рассматривается уже не столько как форма девиации, сколько как форма духовного рабства (за исключением преступного законодательства и государства) [5, с. 36].

Глобализация информации и жизнедеятельности привела как к глобализации науки, так и к глобализации преступности.

Противостоять транснациональной преступности возможно, лишь объединив усилия криминологов на международном уровне. Изоляционизм в науке приводит только к одному следствию – отставанию в развитии и деградации.

«Виртуализация» коммуникации и деятельности вызвала существование киберпреступности и кибердевиантности. Поэтому криминология включена в исследования виртуальной (цифровой) реальности.

Наличие латентной преступности всегда обуславливает определенную степень релятивизма (неполноты, неоднозначности, относительности) криминологического знания. Поэтому не приходится надеяться на то, что появятся некие методы и методики, позволяющие получить «абсолютную истину».

Перспективы дальнейшего развития криминологии

Будущее криминологии – в междисциплинарности? На взгляд многих российских криминологов (Я.И. Гишинский [1], Ю.М. Антонян [2], Ю.Ю. Комлев [11], И.М. Клейменов [12] и др.) – да. Мы также поддерживаем данную точку зрения, так как криминология в настоящее время использует весь свой потенциал для поиска мер предупреждения преступности в *социокультурной среде, в механизмах формирования мировоззрения человека*. Проблема дегуманизации человека – это проблема не только уголовного права и криминологии. Это философская, культурологическая, религиозная, политическая, этическая и эстетическая проблема. И разрешить ее стремится все социально-гуманитарное знание.

Не все достижения науки быстро внедряются в практику. К сожалению, многие российские и белорусские криминологи отмечают игнорирование их научных аргументов в области предупреждения преступлений на политическом уровне (в первую очередь, исполнительной власти). На наш взгляд, необходима политическая воля и активность гражданского общества для того, чтобы осуществлялось внедрение в практику новейших

научных разработок в области криминологии. Именно это позволит укреплять основы правового государства и будет способствовать устойчивому развитию.

Заключение

Таким образом, методологические основы криминологии претерпевают значительные изменения в области подходов, теорий, методов и методик, что формирует новую парадигму всего социально-гуманитарного знания. Успешность криминологических исследований обусловлена развитием целого спектра других наук (уголовного права, экономики, медицины, психологии и др.).

Методология криминологии по-прежнему будет зависеть как от семантического наполнения понятия «преступность» в разных правовых системах, так и от доминирующих методологических подходов, присутствующих в разных криминологических школах. Преступность сложно измерять и характеризовать в силу ее изменчивости, для этого эффективнее комбинировать различные методы и методики, чтобы получить наиболее достоверные данные.

Процесс «оцифровывания» и «математизации» мира имплицитно присутствует и в криминологии, которая активно включена в модный тренд междисциплинарных исследований.

Конкурентное межстрановое сравнение является основой для глобалистики, в которую включены показатели экономики, политики, демографии, криминологии. Поэтому устойчивое развитие мирового сообщества невозможно без успешного развития криминологии (ее актуальных подходов, методологий и методик) и внедрения ее результатов в государственные концепции развития, программы обеспечения безопасности и предупреждения преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишинский, Я. Некоторые тенденции мировой криминологии / Я. Гишинский // Рос. ежегодник уголов. права. – 2013. – № 6. – С. 8–31.
2. Антонян, Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи / Ю. М. Антонян // Юрид. наука и правоохранит. практика. – 2014. – № 4 (30). – С. 67–76.
3. Жмуров, Д. В. Современная криминология: состояние и тенденции развития / Д. В. Жмуров // Пролог: журнал о праве. – 2013. – № 3. – С. 46–50.
4. Иншаков, С. М. Криминология в XXI веке – свет погасшей звезды? / С. М. Иншаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 3 (46). – С. 37–45.
5. Номоконов, В. А. Криминология будущего – позитивная криминология? / В. А. Номоконов, Т. М. Судакова // Lex Russica. – 2018. – № 9 (142). – С. 29–38.
6. Кабанов, П. А. Основные тенденции развития современной российской криминологии и некоторые перспективные научные направления ее дальнейшего развития: взгляд провинциального оптимиста / П. А. Кабанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 4 (47). – С. 33–40.
7. Шестаков, Д. А. Криминология / Д. А. Шестаков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 720 с.
8. Жмуров, Д. В. Новые термины в криминологии / Д. В. Жмуров // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 460–465.
9. Жмуров, Д. В. Атумология. Что это такое? / Д. В. Жмуров // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 59–62.
10. Meuser, M. Introduction: Qualitative Research in Criminology [Electronic resource] / M. Meuser, G. Löschper // Forum Qualitative Sozialforschung. – 2002. – Vol. 3,

№ 1. – Mode of access: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/876/1906>. – Date of access: 06.03.2019.

11. Комлев, Ю. Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности / Ю. Ю. Комлев // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 1 (27). – С. 6–14.

12. Клейменов, И. М. Криминологические школы: от прошлого к будущему / И. М. Клейменов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 134–143.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.03.2019

Ivanchina O.N. Methodological Trends of Modern Criminology

The article discusses the main methodological trends of modern criminology, including the essence of theories, concepts and approaches, methodological principles, methods and techniques, vectors of the development of criminological knowledge and its prospects. The description and verbalization of the methodological apparatus of criminology is the basis for its further qualitative and quantitative development. The most important trends in the development of criminology are the synergetic approach and growing interdisciplinary connections. Formation of global criminological thinking associated with cross-country, international and interdisciplinary research will allow criminology to reach a new level of development. It is impossible to explore social reality without modern empirical data that measure the spiritual components of being of a person and society using various indicators («happiness index», «trust level», «social tension index» etc.). Criminology currently uses its full potential to search for crime prevention measures in a sociocultural environment, in the mechanisms of the formation of a person's worldview.

УДК 13

О.В. Финслер

канд. филос. наук, доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: olfi@bk.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Осуществляется сопоставление теоретических взглядов мыслителей (О. Шпенглера, М. Хайдеггера, П. Флоренского и др.) на сущность художественного пространства с художественным видением живописцев различных эпох. Прослеживается непосредственное влияние ценностно-мировоззренческих оснований культуры и философских концепций на художественное воплощение, стилистику и замысел творцов.

Введение

Целью данного научного исследования является анализ философских оснований художественного пространства и их сопоставление в контексте становления различных видов изобразительного искусства. Художественное пространство можно охарактеризовать как способ существования произведения искусства и как свойственную ему глубинную связь всех его содержательных элементов, придающую артефакту культуры особое внутреннее единство и наделяющую его характером эстетического явления. Поэтому понятие художественного пространства является одной из центральных категорий как искусства, так и современной философии искусства, поскольку пространство произведения искусства способно выражать ценностно-мировоззренческие основания эпох, которые пронизывают всю культуру. Являясь интегральной характеристикой произведения, художественное пространство сообщает ему определенное внутреннее единство и завершенность и в конечном счете способствует приданию ему характера эстетического явления. Отсюда автор статьи ставит перед собой две основные задачи: 1) проанализировать эволюцию представлений о феномене художественного пространства в трудах западноевропейских и русских мыслителей; 2) сопоставить научные взгляды философов с художественной практикой становления пространства произведения искусства в различных стилистических художественных системах.

В статье использованы такие методы как, метод сравнительного анализа, позволяющий сопоставить философские взгляды мыслителей на сущность художественного пространства, герменевтический, открывающий новые смыслы в понимании художественного пространства произведения искусства и др.

Формирование понятия художественного пространства

Понятие художественного пространства начало складываться только в конце XIX – начале XX в., хотя отдельные аспекты существующей проблематики обсуждались в философии искусства еще с античности. Столь позднее формирование данного понятия было обусловлено прежде всего двумя обстоятельствами: во-первых, неопределенностью пространства (как и времени) в античности и средневековье и, во-вторых, отождествлением в Новое время художественного пространства с простым воспроизведением в искусстве реально существующего пространства. Представление о произведении искусства было связано с размещением художественных форм в научно фиксируемом трехмерном пространстве, подтверждением которого являлся стиль классицизма, зародившийся во Франции в XVII в. В Новое время речь шла лишь о том, как адекватно передать трехмерное реальное, или физическое, пространство на двумерной плоскости картины. «В искусстве и эстетике Нового времени пространство рассматривалось точно так же, как и в науке данной эпохи: оно истолковывалось как своего рода вместилище

вещей, совершенно не зависящее от своего наполнения. Только в начале XX в. концепция пространства-короба, пространства-оболочки уступила место идее, что пространство и его содержимое надлежит исследовать только в совокупности» [1, с. 169]. Значимым примером данного утверждения может служить искусство авангарда, когда смысл художественного пространства определялся не просто предметами, составляющими его, а идеями, которые доминировали над классическим выражением форм и даже интуитивно расширяли их возможности. Беспредметное искусство создает особое художественное пространство, где зрителю предоставляется свободное толкование форм и предметов, способных принимать различные смыслы.

Представления о пространстве лежат в основе культуры, поэтому идея художественного пространства является фундаментальной для искусства любой культуры. Художественное пространство всегда чувствуется художником, но оно почти не анализируется им, поскольку само лежит в основе всей его символики и не допускает сведения к чему-то более глубокому и первоначальному.

Отдельные аспекты проблематики, связанной с пространством искусства, затрагивались в философии Античности. Однако и в Античности, и в средние века термин для «пространства» отсутствовал. Платон в принципе отрицал определимость пространства ввиду его «крайне сомнительной причастности» к области понятий [2]. Поэтому изобразительное искусство Античности одномоментно, не имеет временной протяженности (нет темы детства и материнства), пространственной сопоставимости, что указывает на существование произведения искусства отдельно от реального пространства. Точно так же плоскостное изображение ликов святых в искусстве средневековья говорит об отсутствии связи с реальным миром.

Первая связанная и детализированная концепция художественного пространства развита О. Шпенглером в книге «Закат Европы». Он подчеркивает важность пространства не только для индивидуального восприятия, но и для культуры в целом и для всех видов искусства, существующих в рамках конкретной культуры. Пространство, или способ протяженности, является тем прасимволом культуры, из которого можно вывести весь язык ее форм, отличающий ее от другой культуры. Этот прасимвол кроется в форме государства, в религиозных мифах и культах, в идеалах этики, формах живописи, музыки и поэзии, в основных понятиях науки. Художественное пространство вырастает, по Шпенглеру, из недр культуры, обуславливается ею как органическим целым, а не является придуманной кем-то конструкцией. В его создании существенную роль играют все компоненты художественного произведения, а не только избранная художником система перспективы [3]. Так, прасимволом западной культуры является простор и протяженность. Отсюда стремление европейцев к путешествиям, выходу за границы видимого мира (готическое искусство). Поэтому в картинах западных художников Нового времени появляется задний план как символ простора и протяженности, рождается пейзажная живопись Лоррена, Тернера, расширяется палитра цветов (синий и зеленый доминируют, отражая бесконечные дали, чем пренебрегали древние греки). В европейских портретах Рембрандта, Веласкеса появляется коричневый цвет, указывающий на быстротечность жизни человека, что не было свойственно античной культуре.

Концепция художественного пространства Шпенглера, как и его общая теория сменяющих друг друга, независимых и непроницаемых одна для другой культур, во многом интуитивна. Тем не менее с его именем можно связывать начало систематического философского исследования пространства искусства. Анализ Шпенглером глубины художественного пространства оказал большое влияние на многих последующих философов, размышлявших над проблемой пространства искусства.

Достаточно подробный анализ одного из важных этапов эволюции художественного пространства дает Х. Ортега-и-Гассет. Непосредственный предмет его исследования – изменение художественного пространства западноевропейской живописи

XIV–XIX вв. Вслед за Шпенглером Ортега резко противопоставляет геометрическую глубину пространства, достигаемую с помощью системы прямой перспективы, и интуитивную, или содержательную, его глубину. «Геометрическая глубина господствовала в искусстве Нового времени и была порождением чистого разума (на этом представлении строился художественный стиль классицизм). Она вообще не может рассматриваться как художественное начало. Глубина произведения изобразительного искусства создается многими приемами, среди которых соблюдение требований перспективы является далеко не главным» [4, с. 167]. Ортега предполагает, что живопись Нового времени настойчиво шла по пути все большего углубления художественного пространства. Это нашло выражение в том, что сначала изображались *предметы, затем – ощущения и, наконец, сами идеи*. Внимание художника первоначально сосредотачивалось на внешней реальности, потом – на субъективном, а в итоге перешло на интересубъективное. Эти три этапа являются точками одной прямой [1].

Первый этап эволюции живописи начинается с живописи заполненных объемов Джотто. Глубиной художественного пространства при этом является постоянно совершенствующаяся геометрическая, перспективная глубина. После Веласкеса период индивидуалистического господства объектов приходит к концу. Предметы утрачивают плотность и четкость очертаний, живопись заполненных форм окончательно становится живописью пустого пространства. *На втором этапе* эволюции, начавшемся с появления импрессионистов, отступление от объекта к субъекту углубляется, внимание перемещается с объекта на субъект, на самого художника. Импрессионизм выводит пустоту на первый план, причем последний утрачивает свой исходный смысл из-за отсутствия заднего плана. Живопись стремится стать плоской, как само живописное полотно. Исчезают отголоски былой телесности и осязаемости. На этом этапе сосуществуют параллельно и импрессионизм с его стремлением передать интуитивное впечатление от увиденного мгновения, и постимпрессионизм, в котором отражены вечные застывшие во времени смыслы, и символизм, выражающий таинственные мистические откровения автора. *На третьем этапе*, начавшемся с Сезанна, предметом изображения становятся уже не ощущения, а идеи. Отличие идей от ощущений в том, что содержание идей ирреально. Они содержат виртуальные объекты и целый мир, совершенно отличный от мира, данного в ощущениях. Живопись начинает совершенно по-новому трактовать художественное пространство. Картина превращается из копии или повторения изображаемого предмета в самостоятельный, ирреальный объект. Ярким примером этого периода может служить абстрактное искусство. В целом этапу присуще интеллектуальное погружение в мир художественных смыслов, когда идея начинает доминировать над формой [5].

Анализ художественного пространства в рамках феноменологической и экзистенциалистской традиций рассматривается на примере работ М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти. Вопрос о пространстве подробно обсуждается Хайдеггером в книге «Бытие и время», проблеме художественного пространства посвящена его поздняя работа «Искусство и пространство». «Хайдеггер различает несколько типов пространственности, в числе которых: пространство науки и связанной с нею техники, пространство повседневного поведения и общения, пространство искусства и др. Целый ряд высказанных Хайдеггером идей представляется интересным с точки зрения дальнейшего анализа художественного пространства. Прежде всего, пространственность многообразна и художественное пространство – один из важных ее видов. Художественное пространство представляет собою способ, каким художественное произведение пронизано пространством. Оно облекает что-то внутреннее, противопоставляя его внешнему, включенные в него объекты ищут места и сами являются местами. Пустота как незаполненность художественного пространства сама подобна месту, и потому является не просто отсутствием, а чем-то произведенным с умыслом и создающим места» [1, с. 287]. В частно-

сти, пространство скульптуры – это три взаимодействующих пространства: пространство, внутри которого находится скульптурное тело как определенный наличный объект; пространство, замкнутое объемами фигуры; пространство, остающееся как пустота между объемами. Вот почему важно гармоничное совпадение пространства культуры, местности и пространства самого скульптурного произведения. Знаменитый советский скульптор Эрнст Неизвестный создавал монументальные памятники в советское время, которые во многом отражали простор и величие русской природы, а также соответствовали патриотическим ценностям самой культуры (монумент «Дружба детей мира» в Артеке, «Древо жизни» и др.). Период творчества, когда он некоторое время жил и творил в Западной Европе, отмечен несовпадением пространств: физического пространства маленьких европейских городов и монументальностью скульптурных образов художника. Сам скульптор отмечал ощущение давящей тесноты средневековых европейских городов. Поэтому в новой эмиграции на просторах американской культуры скульптор смог реализовать свой творческий потенциал, которому было присуще ощущение необъятности и простора.

Проблема художественного пространства рассматривалась Мерло-Понти главным образом в работах «Феноменология восприятия». Своеобразие его подхода связано прежде всего с установлением неразрывной связи восприятия пространства с видением и движением, то есть с человеческим телом. «Художник преобразует мир в живопись, отдавая ему взамен свое тело». Особенно интересны идеи Мерло-Понти, касающиеся глубины художественного пространства. Геометрическая перспектива, полагает он, не действует ни в восприятии реального пространства, ни в восприятии пространства произведения искусства. Глубина пространства порождается не перспективой, «глубина рождается в моем взгляде, поскольку он стремится что-то увидеть» [6, с. 98]. В сущности, Мерло-Понти придерживается позиции Ортеги-и-Гассета, считая, что строгая геометрическая глубина является порождением человеческого разума и не должна рассматриваться как художественное начало. Изобразительное искусство XX в. во многом намеренно искажает перспективу (сюрреализм, экспрессионизм) или нарушает/стирает границы художественного пространства произведения и пространство зрителя (инсталляции, перформанс) с той целью, чтобы создать вариации интерпретации смыслов и новой жизни художественного продукта с сознанием смотрящих.

Глубину художественного пространства он тесно связывает со временем: она не является одним из измерений наряду с высотой и шириной, а представляет собой особое и притом единственное пространственно-временное измерение. Пожалуй, такой вид искусства, как фотография, на сегодняшний день лучше всего отражает идеи мыслителя. Фотография схватывает момент, сотканный из реальных предметов, вещей, событий, героев, но преобразует этот пространственный эскиз в чувственное взаимодействие автора с окружающим миром, результатом которого становится рождение глубины художественного пространства. По сути, именно в нем соединяются замысел/сюжет художника с композиционными, цвето-световыми особенностями реального пространства и чувствами героев. И порой ракурс или его небольшое изменение способны поменять настроение и восприятие картины. Отсюда глубина (смысловая наполненность) кадра рождается во взгляде смотрящего, а не высчитывается математическим путем. Поэтому если несколько фотохудожников будут фотографировать одних и тех же героев в заданном пространстве, у каждого получится своя история и свое художественное пространство.

Понятие художественного пространства в русской философии искусства

Рассмотрим философские концепции художественного пространства двух русских мыслителей – П. Флоренского и М. Бахтина. Художественное пространство по П. Флоренскому – это своеобразная организованная реальность, имеющая внутреннюю упоря-

доченность и строение. Предметы, по его мнению, довлеют над пространством, в котором они размещены, и потому не способны располагаться «в ракурсах заранее распределенной перспективы». В изобразительном искусстве Нового времени первостепенное значение придавалось соблюдению принципов прямой перспективы. Но в вавилонских и египетских плоских рельефах нет никаких признаков перспективы: ни прямой, ни обратной. И между тем портретные и жанровые египетские скульптуры обнаруживают поразительную правдивость. В средневековой живописи также нет прямой перспективы.

Действительно ли перспектива выражает природу вещей и всегда ли должна рассматриваться как безусловная предпосылка художественной правдивости? На этот вопрос Флоренский отвечает отрицательно. Перспектива – это только схема, и притом одна из возможных схем изобразительности, соответствующая не мировосприятию в целом, а лишь одному из возможных истолкований мира. В древнерусской живописи, считает Флоренский, нарушения правил прямой перспективы систематически встречаются, что говорит об их неслучайности. Подводя итог обсуждению проблемы выбора системы соотнесения видимого и изображаемого, Флоренский заключает, что ни один принцип соответствия не дает изображения, хотя бы геометрически адекватного изображаемому. В выборе принципов соответствия сказывается первичный характер, которым определяется отношение творящего художника к миру, и потому – глубина его миропонимания. Флоренский прямо высказывает идею социокультурной детерминации художественного пространства: стиль в искусстве и, в частности, избираемая система перспективы определяются ценностями времени, смена эпох означает смену стилей. В те исторические периоды, когда не наблюдается использования перспективы, творцы изобразительных искусств не «не умеют», а не хотят ею пользоваться, поскольку они применяют иной принцип изобразительности, нежели перспектива. Причину того, что художник, а точнее, определяющая его творчество эпоха, может выбирать одну или другую систему перспективы и, в конечном счете, то или иное толкование художественного пространства, Флоренский видит в *символизме* всякого искусства. Изображение предмета не есть копия вещи, оно не удваивает фрагмент реального мира, но указывает на подлинник как его символ. Изображение есть *символ* всегда [1].

Флоренский последовательно и аргументированно развивает идею об определенности художественного пространства культурой своей эпохи, о радикальной смене типа, или стиля, трактовки пространства в искусстве с переходом от одной эпохи к другой. Отсюда мы видим прямое влияние ценностно-мировоззренческих оснований культуры (космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, наукоцентризм) на становление, способ выражения и определение художественного пространства в искусстве той или иной эпохи.

Интересная и глубокая концепция пространства в литературе предложена М.М. Бахтиным. Введенное им понятие *хронотопа* соединяет пространство и время, что дает неожиданный поворот теме художественного пространства и раскрывает широкое поле для дальнейших исследований. Бахтин ставит задачу исследовать способы художественного освоения времени и пространства в литературе, проследить этапы реального исторического «время-пространства» в разных жанрах европейского романа. Понятие хронотопа Бахтин определяет как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Вместе с тем Бахтин упоминает и более широкое понятие «художественного хронотопа», представляющего собой пересечение в произведении искусства рядов времени и пространства и выражающего неразрывность времени и пространства [1]. Хронотоп лежит в основе художественных образов произведения. Но и сам он является особого типа образом. Его своеобразие в том, что воспринимается он ассоциативно-интуитивно – из совокупности метафор и непосредственных зарисовок времени-пространства, содержащихся в произведении. Хронотоп есть «определенная форма ощущения времени и определен-

ное отношение его к пространственному миру. Хронотоп выражает типичную для конкретной эпохи форму ощущения времени и пространства, взятых в единстве» [1, с. 45].

Применимо ли понятие хронотопа во всех видах искусства? На этот вопрос следует дать, скорее всего, отрицательный ответ. В случае временных и пространственных искусств понятие хронотопа, связывающего время и пространство, если и применимо, то в весьма ограниченной мере. Музыка не разворачивается в пространстве, живопись и скульптура почти что одномоментны, поскольку очень сдержанно отражают движение и изменение [7]. Поскольку понятие хронотопа эффективно применимо только в случае пространственно-временных искусств, оно оказывается полезным лишь в случае искусств, имеющих сюжет, разворачивающийся как во времени, так и в пространстве. В отличие от хронотопа понятие художественного пространства, являясь способом объединения всех элементов произведения в единое целое, универсально. Если художественное пространство понимается в широком смысле и не сводится к отображению размещенности предметов в реальном пространстве, можно говорить о художественном пространстве не только живописи и скульптуры, но и о художественном пространстве литературы, театра, музыки и т.д.

Художественное пространство и хронотоп – понятия, характеризующие разные стороны произведения пространственно-временного искусства. Пространство хронотопа является отражением реального пространства, поставленного в связь со временем. Художественное пространство как внутреннее единство частей произведения, отводящее каждой части только ей присущее место и тем самым придающее целостность всему произведению, имеет дело не только с пространством, отраженным в произведении, но и со временем, запечатленным в нем. Разница лишь в восприятии внешней и внутренней процессуальности. Но смысл один: целостность восприятия произведения искусства временного или пространственного характера в сознании зрителя достигается всегда присущими им средствами выразительности. Применительно к произведениям пространственно-изобразительного искусства понятия художественного пространства и хронотопа близки по своему смыслу. Созерцая картину, мы считываем пространственные элементы, но движение времени происходит внутри зрительского восприятия, что обусловлено динамикой сюжета и запечатленными на полотне чувствами героев. Можно поэтому сказать, что Бахтин был одним из тех авторов, которые внесли существенный вклад в формирование понятия художественного пространства.

Заключение

Таким образом, художественное пространство является одной из важных категорий философии искусства, позволяющей осознать многообразие способов существования произведений искусства в различные культурно-исторические эпохи.

1. В результате анализа эволюции представлений о феномене художественного пространства в трудах западноевропейских и русских мыслителей автор статьи пришел к выводу о значимости данного феномена для сферы художественного творчества и философии искусства. Идеи социокультурной детерминации художественного пространства и влияния ценностно-мировоззренческих оснований культуры на его становление получили наиболее полное обоснование в трудах мыслителей (П. Флоренского, О. Шпенглера). При этом многие философы (Х. Ортега-и-Гассет, М. Мерло-Понти) отдают предпочтение субъективному фактору в формировании художественного пространства, смысл которого заключен во внутренней индивидуальной устремленности творцов к реальным объектам пространства, преобразуемым в особую глубину художественного символа.

2. Сопоставив научные взгляды философов с художественной практикой становления пространства произведения искусства в различных стилистических художественных системах, автор полагает, что художественное пространство произведений ис-

куства определяется культурой своей эпохи, ее ценностями. Отсюда мы видим прямое влияние ценностно-мировоззренческих оснований культуры (космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, наукоцентризм) на способ выражения художественного пространства, на формирование стилистики и особенностей художественной выразительности в творчестве художников. Поэтому плоскостное изображение или передача трехмерной глубины пространства непосредственно связаны с общей картиной мира. В качестве философских оснований художественного пространства необходимо выделить:

- ценностно-мировоззренческие основания любой культуры (мораль, религия, социально-политические аспекты и т.д.);
- территориальные особенности пространства культуры, непосредственно воздействующие на восприятие окружающей действительности (восприятие картины мира отличается у культур, развивающихся в открытом пространстве равнин, морей, от культур закрытых пространств);
- временные факторы, связанные с особенностями переживания времени человеком в пространстве культуры в различные исторические периоды: как известно, циклическое, линейное, спиральное ощущение времени непосредственно влияет на способ организации художественного пространства произведения искусства);
- субъективный фактор взаимодействия человека с миром, что во многом определяет многозначность трактовок феномена художественного пространства. Но именно это многообразие взглядов дает нам более глубокое осознание развития искусства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитина, И. Философия искусства : учеб. пособие / И. Никитина. – М. : Омега-Л, 2010. – 559 с.
2. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М. : В. Шевчук, 2010. – 368 с.
3. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемические главы / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс – Традиция, 2002. – 624 с.
4. Искусство и философия : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса, Минск, октябрь 2005 г. / редкол.: П. И. Бригадин [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 301 с.
5. Духан, И. Авангард и авангарды в искусстве и проектной культуре XX века / И. Духан // Авангард и культуры: искусство, дизайн, среда : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17–19 мая 2007 г. / редкол.: И. Н. Духан [и др.]. – Минск, 2007. – С. 12–19.
6. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – М. : Наука : Ювента, 1999. – 602 с.
7. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1976. – 445 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2019

Finsler O.V. Philosophical Basis of the Art Space in the Fine Arts

The article analyzes the philosophical aspects of the artistic space in the context of the formation of fine art, compares the theoretical views of thinkers on the essence of the artistic space (O. Spengler, M. Heidegger, P. Florensky, etc.) with a creative manner and artistic vision of painters of different eras. The author traces the direct influence of the value-ideological foundations of culture and philosophical concepts on the artistic embodiment, style and idea of the creators.

УДК 101:796.032:341.1-057.177.1“1972/80”

У.П. Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
 Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
 e-mail: lucul@brsu.brest.by

КРЫЗІС ФІЛАСОФІІ АЛІМПІЗМУ Ў ПЕРЫЯД 1972–1980 ГГ.: ПРЭЗІДЭНТ МАК МАЙКЛ МОРЫС ЛОРД КІЛАНІН ЯК АБАРОНЦА ІДЭАЛАЎ СПОРТУ

Спартыўны рух, які ўвасоблены ў спаборніцтвах Алімпійскіх гульняў, адназначна можа быць інтэрпрэтаваны на падставе філасофіі жыцця, што ў дадзеным кантэксце вызначаецца як алімпізм. Фундаментальныя прынцыпы алімпізму маюць непасрэдня адносіны да этычнай праблематыкі. Філасофія жыцця ў трактоўцы алімпізму вялікую ўвагу надае маральным пастулатам, якія распаўсюджваюцца на кожную чалавечую асобу. Развіццё і распаўсюджванне алімпійскага руху ў другой палове XX стагоддзя неаднаразова ўваходзіла ў супярэчнасці з разнастайнымі сацыяльна-палітычнымі акалічнасцямі. Нягледзячы на тое, што кіраўніцтва Міжнароднага алімпійскага камітэта ўсяляк падкрэслівала сваю неадназначнасць да палітычных уплываў, яму неаднаразова прыходзілася прымаць адпаведныя рашэнні, каб аслабіць міжнародную напружанасць. Падставы філасофіі алімпізму былі падвергнуты выпрабаванню на іх трываласць. Ідэя алімпійскага спорту з неабходнасцю стала сам-насам з такімі сацыяльнымі з’явамі, як апартэйд, тэрарызм і байкот. Сусветнае супольніцтва стала выразна падзяляцца на два канфрантацыйныя блокі. Неадназначнасць становішча ў яго тагачасным выглядзе неабходна было прывесці да адпаведнай суцэльнасці згодна з палажэннямі Алімпійскай хартыі. Гэты працэс адбываўся на фоне татальнага супрацьборства паміж дзвюма наймацнейшымі супердзяржавамі – СССР і ЗША.

Уводзіны

Алімпійская філасофія, альбо, як яе звычайна называюць, алімпізм, базіруецца на ідэях, якія былі выпрацаваны ў культуры Старажытнай Грэцыі, а потым увасобіліся ў творчай канцэпцыі П’ера дэ Кубертэна як аснова правядзення Алімпійскіх гульняў з мэтай садзейнічання чалавечаму развіццю. Алімпізм перад усім уключае ў свой змест такія вызначальныя аспекты, як удасканаленне асобы, адукацыю праз пасрэдніцтва спорту, культурны абмен, масавы ўдзел у спаборніцтвах, паняцце сумленнай гульні, міжнароднае ўзаемапаразуменне. Разам з тым неадназначнае стаўленне да спорту выявілася ў такіх знакамітых філосафаў XX ст., як Тэадор Адорна, што даў яму характарыстыку «ідэалагічных куліс», каб прыхаваць сапраўднае зло, і Эрыха Фрома, які параўнаў спорт з опіумам, што дазваляе пазбегнуць сацыяльнай рэальнасці.

Падставы філасофіі алімпізму, якія базіраваліся на прынцыпах гарманічнага развіцця чалавечай асобы, святога міру, сумленнай і высакароднай барацьбы на спартыўных спаборніцтвах, сутыкнуліся з уяўнай пагрозай дэгуманізацыі ў перыяд 1970–1980 гг. Гэта быў крызісны момант у функцыянаванні сусветнага алімпійскага руху. Міжнароднае супольніцтва яшчэ не да канца аправілася ад наступстваў «халоднай вайны», як пачалі адбывацца іншыя негатыўныя з’явы планетарнага характару, што паставіла пад удар нават існаванне самога Міжнароднага алімпійскага камітэта. Безумоўна, на пачатку трэба нагадаць пра тую трагедыю, якая адбылася падчас правядзення XX летніх Алімпійскіх гульняў 1972 г. у Мюнхене. У ноч з 4 на 5 верасня на тэрыторыю Алімпійскай вёскі пранікла васьмёра тэрарыстаў з палесцінскай арганізацыі «Чорны верасень», якія прабраліся ў распалажэнне ізраільскай дэлегацыі. У выніку гэтай смяротнай акцыі ахвярамі сталі 11 членаў каманды Ізраіля. Рэзананс быў настолькі моцным, што ўпершыню з моманту адраджэння Алімпіяд гульні былі перапынены. Прэзідэнт МАК Эйвэры Брандыдж і члены Арганізацыйнага камітэта спаборніцтваў былі ў роспачы. Нямецкі бок на чале са старшынёй Арганізацыйнага камітэта Вілі Даўмэ настойваў на тым, каб адмяніць усе спаборніцтвы, але па заканчэнні нярэвай дыскусіі Эйвэры Брандыдж і яго прыхільнікі ўзялі верх: пасля аднадзённага перапынку Гульні аднавіліся. Пазней

словы тагачаснага кіраўніка МАК былі растыражаваныя шматлікімі сродкамі масавай інфармацыі: «Гульні павінны працягвацца, і мы павінны прыкладаць нашы намаганні, каб Гульні заставаліся чыстымі, бездакорнымі і сумленнымі» [1]. Нягледзячы на тое, што ўрад і Алімпійскі камітэт Ізраіля падтрымалі гэтае рашэнне, філасофскія падставы алімпізму прынцыпова былі праігнараваны. На Алімпійскім стадыёне была праведзеная памінальная служба ў прысутнасці 80 тыс. чалавек і 3 тыс. атлетаў. На ёй знаходзіліся прадстаўнікі ўсіх краінаў, акрамя дзесяці арабскіх дзяржаваў і СССР. Прэзідэнт МАК Эйвэры Брандыдж выступіў з прамовай, якая, праўда, да канца так і не вызначыла актуальных аспектаў сучаснага алімпійскага руху і не акцэнтавала ўвагі на магчымых пагроз у будучым.

Летнія Алімпійскія гульні 1972 г. у Мюнхене яскрава прадэманстравалі новую сацыякультурную сітуацыю, якая ўтварылася ў сучасным свеце. Апартэід, тэрарызм, ксенафобія, неталерантнасць у сістэме сацыяльных зносінаў зрабіліся звычайнымі з’явамі, якія знайшлі сваё распаўсюджванне ў галіне спорту, адлюстроўваючы навакольную рэчаіснасць. Менавіта ў гэты час адбылася змена вышэйшага кіраўніцтва ў Міжнародным алімпійскім камітэце.

Новай галоўнай постацю ў іерархіі гэтай арганізацыі стаў ірландзец Майкл Морыс лорд Кіланін, чарговы прадстаўнік з арыстакратычнага роду на чале МАК пасля французскага барона П’ера дэ Кубертэна і бельгійскага графа Анры дэ Байле-Лятура. Выбары адбыліся на 73-й сесіі МАК у Мюнхене 21 жніўня 1972 г. Акрамя лорда Кіланіна на гэты пост прэтэндаваў прадстаўнік Францыі граф Жан дэ Бамон. Па выніках галасавання за лорда Кіланіна было аддадзена 39 галасоў, за ягонага канкурэнта – 19.

Майкл Морыс лорд Кіланін (1914–1999) нарадзіўся ў Лондане праз некалькі дзён пасля пачатку Першай сусветнай вайны ў сям’і ірландца і аўстралійкі. Пасля смерці бацькі Джорджа Морыса на фронце праз некаторы час ягоная маці выйшла замуж за Джерарда Гарпа, які быў матэрыяльна добра забяспечаным чалавекам. Дзякуючы гэтаму Майкл Морыс атрымаў выдатную адукацыю: паслядоўна вучыўся ў Ітан-коледжы, Сарбоне і Магдалінскім коледжы ў Кембрыджы. У 1927 г., калі памёр ягоны дзядзька, ён прыняў тытул лорда Кіланіна.

Па заканчэнні вучобы ў 1935 г. Майкл Морыс спецыялізаваўся ў журналістыцы: працаваў на такія выданні, як «Daily Express», «Daily Mail» і «Sunday Dispatch», а ў 1937–1938 гг. быў ваенным карэспандэнтам у Кітаі. Сярод ягоных асабістых захапленняў пераважалі бокс, веславанне, рэгбі і конны спорт. Затым ён дабраахвотна ідзе на службу ў брытанскую армію, у званні маёра брыгады прымае чынны ўдзел у аперацыі ў Нармандыі, за што быў адзначаны ордэнам Брытанскай імперыі. Пасля дэмабілізацыі ў 1945 г. ён ажаніўся з Шэйлай Мэры Данлап. У пары нарадзілася чацвёра дзяцей: тры сыны і дачка.

Пасляваенная кар’ера лорда Кіланіна развівалася вельмі імкліва. Ён займаў пасады кіраўніка ў шэрагу ірландскіх кампаній, узначальваў некалькі культурна-спартыўных таварыстваў, акрамя таго ўдзельнічаў у стварэнні некалькіх мастацкіх фільмаў. Яму ж належаць шэраг публіцыстычных работ і аўтабіяграфія пад назвай «Мае алімпійскія гады».

Непасрэдна праца лорда Кіланіна ў алімпійскім руху пачалася ў 1950 г., калі ён быў прызначаны на пасаду прэзідэнта Ірландскага алімпійскага камітэта, які ўзначальваў да 1973 г. У 1952 г. яго абралі членам Міжнароднага алімпійскага камітэта, а ў 1968 г. ён становіцца яго віцэ-прэзідэнтам. Высокі ўзровень адукацыі, дыпламатызм, здольнасць вырашаць пытанні шляхам перамоў не маглі не застацца без увагі, калі надыйшоў час выбараў новага прэзідэнта МАК. Восем гадоў кіравання, якія прыпалі на тэрмін прэзідэнтуры лорда Кіланіна, шмат у якіх навуковых і публіцыстычных матэрыялах характарызуюцца як складаны, крытычны і крызісны час [2]. Толькі кароткі пералік пра-

лем, што напаткаў МАК у той перыяд, дэманструе, наколькі няпроста было праводзіць міжнародную дзейнасць на падставе прынцыпаў Алімпійскай хартыі. Наступствы тэрарыстычнай акцыі 1972 г. у Мюнхене пацягнулі за сабой фінансавы правал Алімпіяды 1976 г. у Манрэалі, да гэтага ж трэба дадаць байкот тых жа самых манрэальскіх Гульняў і надыходзячай летняй Алімпіяды ў Маскве 1980 г. Насуперак прынцыпам і правілам МАК у безальтэрнатыўым парадку былі зацверджаны адзіныя кандыдаты на правядзенне зімовых Алімпійскіх гульняў 1980 г. і летніх Алімпійскіх гульняў 1984 г. – Лэйк-Плэсід (ЗША) і Лос-Анджэлес (ЗША).

Мэта працы – на падставе інтэрпрэтацыі найбольш вядомых фактаў, якія характарызуюць дзейнасць кіраўніцтва Міжнароднага алімпійскага камітэта і асабіста прэзідэнта МАК Майкла Морыса лорда Кіланіна ў перыяд з 1972 па 1980 год прааналізаваць стратэгію і тактыку гэтай арганізацыі па захаванні галоўных прынцыпаў Алімпійскай хартыі, філасофіі алімпізму і алімпійскага руху ў сітуацыі палітычнага ціску і разгортвання новага вітка «халоднай вайны» паміж двума канфрантацыйнымі бакамі пад кіраўніцтвам супердзяржаў сучаснага свету СССР і ЗША.

У працэсе падрыхтоўкі дадзенага артыкула былі выкарыстаны такія метады даследавання, як апісанне, а таксама аналіз літаратурных і навуковых крыніц і інтэрнэт-рэсурсаў. Арганізацыя даследавання ажыццяўлялася шляхам збору інфармацыі аб дзейнасці шостага прэзідэнта МАК Майкла Морыса лорда Кіланіна.

З самага пачатку сваёй дзейнасці ў якасці лідара МАК лорд Кіланін сутыкнуўся з наступствамі супярэчлівых дзеянняў свайго папярэдніка. Асаблівая складанасці ўтрымлівала ў сабе праблема наладжвання ўзаемных адносін паміж МАКам, міжнароднымі спартыўнымі федэрацыямі і нацыянальнымі алімпійскімі камітэтамі. Слабы давер і дрэнныя кантакты паміж гэтымі арганізацыямі ў перыяд кіраўніцтва Эйвэры Брандыджа давялі да шматлікіх непаразуменняў, і, каб пазбегнуць далейшага абвастрэння адносінаў у гэтай галіне, была створаная трохбаковая камісія, адной з галоўных задач якой было супрацьдзеянне росту тэндэнцыі ахаплення патранатам міжнароднага алімпійскага руху з боку UNESCO. Акрамя таго, былі зроблены адпаведныя лібералізацыйныя праўкі правіла 26 Алімпійскай хартыі, дзе акрэслівалася паняцце аматарства. Пазней МАК на сваёй 75-й сесіі 1974 г. у Вене зрабіў наступныя істотныя мадыфікацыі гэтага правіла. Яшчэ адным важным рашэннем сталася абмежаванне да 72 гадоў узросту членаў гэтай арганізацыі, і такім чынам быў скасаваны прынцып пажыццёвага членства. Пэўнай заслугай лорда Кіланіна з'яўляецца і тое, што з яго удзелам была заснавана Камісія салідарнасці, якая прадугледжвала высокі фінансавы бюджэт, што меўся быць прызначаны для развіцця спорту ў найбяднейшых рэгіёнах свету.

Перыяд прэзідэнцтва лорда Кіланіна з 1972 па 1980 г. суправаджаўся шэрагам крызісных акалічнасцей як адносна парушэнняў філасофскіх падстаў алімпізму і прынцыпаў Алімпійскай хартыі, так і адносна здарэнняў палітычнага характару. Выбары гаспадароў летніх і зімовых Алімпійскіх гульняў адбыліся ў 1970 г. Гэтыя правы атрымалі адпаведна Манрэаль (Канада) і Дэнвер (ЗША). Аднак улады Дэнвера праз два гады адмовіліся ад правядзення спаборніцтваў па фінансавых прычынах, а таксама праз тое, што жыхары горада на рэферэндуме выказаліся супраць арганізацыі Гульняў. Выканкам МАК апынуўся ў вельмі складаным становішчы, прымаліся надзвычайныя намаганні, каб знайсці новага гаспадара Алімпіяды. На шчасце, зімовыя спаборніцтвы пагадзіўся прыняць аўстрыйскі Інсбрук. Складанасці ў адносінах арганізацыі Гульняў у Манрэалі мелі крыху іншы характар, але арганізатары таксама сутыкнуліся з фінансавымі праблемамі. Выратаванне прыйшло дзякуючы, галоўным чынам, паспяховым намаганням дзвюх асоб, а менавіта Артура Такача, які быў дарадцам Арганізацыйнага камітэта, і Віктара Голдблума, міністра камунальных спраў канадскай правінцыі Квебек.

Здавалася, што далей не будзе ніякіх перашкод для паспяховага правядзення Гульняў. Аднак прэзідэнт і члены выканкама МАК сутыкнуліся з новымі палітычнымі рэаліямі, якія ішлі насуперак прынцыпам Алімпійскай хартыі. Найперш узніклі спрэчкі адносна ўдзелу ў спаборніцтвах дэлегацый Кітайскай Народнай Рэспублікі і Тайваня. Кітайскі бок не пагаджаўся ні на якія кампрамісы і ўсяляк дамагаўся таго, каб Тайвань не быў дапушчаны да ўдзелу. Другім складаным пытаннем для арганізатараў з'яўлялася пагроза байкоту Гульняў з боку прадстаўнікоў шэрагу афрыканскіх краін. Трэба заўважыць, што гэтыя праблемы не ўзніклі зусім нечакана, яны доўжыліся ўжо не адзін год, але папярэдні склад МАК не здолеў іх вырашыць, а напярэдадні спаборніцтваў у Манрэалі яны практычна ператварыліся ў адкрыты канфлікт.

Кіраўніцтва МАК апынулася ў складаным становішчы, калі ўлады Канады пад дыпламатычным націскам КНР адмовіліся прыняць дэлегацыю Тайваня. Гэтае рашэнне з боку краіны – гаспадара Алімпійскіх гульняў парушала не толькі ранейшыя ўрадавыя гарантыі адносна правядзення Гульняў, больш за тое, яны парушалі фундаментальныя прынцыпы Алімпійскай хартыі, якая не дапускала ніякай формы дыскрымінацыі для атлетаў. Падставы філасофіі алімпізму, што былі распрацаваныя П'ерам дэ Кубертэнам, сутыкнуліся з жорсткай палітычнай рэчаіснасцю [3, с. 129–131]. Лорд Кіланін асабіста спрабаваў знайсці аптымальнае рашэнне, каб згладзіць напружаную сітуацыю, але нават ён на перамовах з прэм'ер-міністрам Канады П'ерам Трудо не змог дасягнуць поўнай згоды ў гэтым пытанні. У выніку Нацыянальны алімпійскі камітэт Тайваня катэгарычна адмовіўся ад прапановы лорда Кіланіна і П'ера Трудо і дэлегацыя гэтай краіны не ўзяла ўдзел у Гульнях.

Другой сур'ёзнай праблемай для МАК стала пагроза чарговага байкоту Гульняў у Манрэалі з боку шэрагу афрыканскіх дзяржаў. Па вялікім рахунку, як падкрэслівае Мат Бэрсэл, спартыўныя байкоты з'яўляюцца формай неагрэсіўнага і негвалтоўнага пратэсту і ў якасці «палітычнай зброі» выкарыстоўваюцца для ціску на нацыянальны маральны дух той ці іншай краіны, каб пазбавіць яе магчымасці ўдзелу ў міжнародных спаборніцтвах [4, с. 7–8]. Выкарыстанне пагрозы байкоту было выпрабавана на папярэдняй Алімпіядзе ў Мюнхене. Як вядома, тады ад алімпійскага руху былі адлучаныя каманды Паўднёва-Афрыканскай Рэспублікі і Радэзіі з-за сваёй палітыкі апартэіду. Зараз прадстаўнікі Афрыкі паспрабавалі націснуць на МАК з тым, каб да спаборніцтваў не былі дапушчаныя таксама і тыя краіны, якія падтрымлівалі з імі спартыўныя кантакты. Спрэчкі разгарнуліся на падставе факта турнэ рэгбістаў Новай Зеландыі ў Паўднёвай Афрыцы. Лорд Кіланін аргументавана адказаў на гэта: па-першае, рэгбі не з'яўляецца алімпійскай дысцыплінай, а, па-другое, спартыўныя кантакты з ПАР падтрымліваюць яшчэ больш за дваццаць іншых краін. З іншага боку, калі справа тычыцца матчаў таварыскіх альбо серыі сустрэч у гэтай дысцыпліне, МАК папросту не мае магчымасцяў паўплываць на такое стаўленне з юрыдычнага пункту гледжання. Сакратар Вышэйшага савета па справах спорту ў Афрыцы Жан Клод Ганга звяртаўся да новазеландцаў з просьбай, каб тыя перарвалі турнэ сваёй дружыны ў Паўднёва-Афрыканскай Рэспубліцы, але быў інфармаваны пра тое, што алімпійская дэлегацыя Новай Зеландыі і ўрад краіны не маюць кантролю над камандай «All Blacks», кіраўніцтва якой самастойна прымала рашэнне адносна правядзення спарынгаў. Не змог ён таксама атрымаць падтрымкі з боку МАК і НАК Новай Зеландыі ў справе сумеснага асуджэння палітыкі апартэіду і турнэ рэгбінай зборнай Новай Зеландыі. Абодва бакі спаслаліся на тое, што рэгбі не з'яўляецца алімпійскім відам спорту.

Першымі ад удзелу ў XXI летніх Алімпійскіх гульнях у Манрэалі адмовіліся Нігерыя і Танзанія, а пасля цырымоніі адкрыцця да іх далучыліся іншыя (галоўным чынам афрыканскія) краіны. Акрамя таго, салідарнасць з імі прадэманстравалі Ірак з Азіі і Гаяна з Паўднёвай Амерыкі. У суме Алімпійскія гульні байкатавалі 22 афрыканскія

дзяржавы, і гэта на той момант быў колькасна самы вялікі байкот спартыўных спаборніцтваў, а ўвогуле першы з трох самых вялікіх спартыўных байкотаў сучаснасці. Усе яны адгукнуліся на заклік Арганізацыі Афрыканскага адзінства, якая з гэтай прычыны падрыхтавала спецыяльную рэзалюцыю [5, с. 223].

Але тым разам кіраўніцтва МАК на чале з прэзідэнтам занялі жорсткую пазіцыю адносна дзеянняў прадстаўнікоў афрыканскіх краін. Лорд Кіланін, які знешне выглядаў як асоба, што ўсяляк пазбягае вострай канфрантацыі, рашуча выступіў супраць гэтай скаардынаванай акцыі і акцэнтавана звярнуў увагу на прынцыпы Алімпійскай хартыі. Такая пазіцыя, здаецца, прадэманстравала, што, з аднаго боку, МАК па-ранейшаму будзе прытрымлівацца галоўных пастулатаў філасофіі алімпізму, а з другога – паказала, што Міжнародны алімпійскі камітэт з’яўляецца арганізацыяй адкрытага тыпу, якая акцэптue разнастайныя формы дыялогу.

Апошняя заўвага сталася як мага дарэчы. Набліжаўся 1980 год, а гэта значыць, час XXII летніх Алімпійскіх гульняў у Маскве. Пасля «пацяплення» міжнароднага палітычнага клімату і разрадкі напружанасці на пачатку 70-х гг. мінулага стагоддзя стала здавацца, што далейшыя працэсы паляпшэння адносінаў паміж дзяржавамі свету будуць працягвацца, у тым ліку і ў спорце. Пад уплывам усяго гэтага на 75-й сесіі МАК 1974 г. у Вене месцам правядзення чарговай Алімпіяды была выбрана Масква. Пасля арганізацыйных і фінансавых правалаў з Дэнверам і Манрэалем кіраўніцтва МАК і асабіста яго прэзідэнт вельмі ўважліва шукалі наступнага прэтэндэнта, але на гэты раз з высокай ступенню дакладнасці спрабавалі заручыцца падтрымкай урада краіны. Масква падыходзіла па шэрагу крытэрыяў: тут была адпаведная спартыўная інфраструктура, а ўлады СССР праз арганізацыю Алімпіяды вырашалі свае прапагандыцкія задачы. Аднак галоўным было ўсё ж такі тое, што былі атрыманы дзяржаўныя гарантыі. Дарэчы, практыка правядзення міжнародных спартыўных спаборніцтваў вышэйшага ўзроўню неаднаразова дэманстравала прыклады таго, што іх арганізацыя найбольш складаная ў краінах «дэмакратычнага рэжыму», калі станоўчыя ці адмоўныя рашэнні прымаюцца шляхам галасавання жыхароў.

На жаль, напрыканцы 70-х гг. XX стагоддзя міжнародныя адносіны сталі пагаршацца, асабліва гэта тычылася дзвюх супердзяржаў – СССР і ЗША, якія сышліся ў барацьбе за сусветнае дамінаванне. Напруга паміж імі дасягнула апагею, калі ў часе і прасторы на фоне нафтавага крызісу выявіліся новыя непаразуменні: па рашэнні амерыканцаў у Еўропе былі размешчаны ракеты сярэдняга радыусу дзеяння. Байкот Гульняў у Манрэалі ў параўнанні з тымі падзеямі, якія разгарнуліся далей па лініі канфрантацыі СССР – ЗША, ужо не выглядаў такім небяспечным, як гэта здавалася раней. Незадоўга да старту маскоўскай Алімпіяды мелі месца яшчэ наступныя падзеі, якія ўскалыхнулі ўвесь свет. Падчас правядзення прэзідэнцкай перадвыбарнай кампаніі ў Злучаных Штатах Амерыкі савецкія войскі ў канцы снежня 1979 г. занялі Афганістан. Кандыдат на пасаду прэзідэнта ЗША Джымі Картэр скарыстаўся гэтай сітуацыяй, каб абвясціць новы віток «халоднай вайны» ў супрацьстаянні «заходняй дэмакратыі» з «камуністычным рэжымам». Адным са сродкаў ціску на Савецкі Саюз стала пагроза байкоту маскоўскай Алімпіяды, хоць першапачаткова паўсталі прапановы адкласці Гульні ці наогул перанесці іх у іншы горад. І на гэты раз лорд Кіланін захаваў мужнасць і цвёрда абвясціў тое, што тэрмін і месца правядзення спаборніцтваў не будуць зменены ні ў якім разе. Прэзідэнт МАК рашуча адстойваў прынцыпы Алімпійскай хартыі ў вельмі няпростай сітуацыі. Да таго ж ягонае стаўленне да гэтага пытання было рэзка кантрасным адносна некампетэнтных заяў прадстаўнікоў амерыканскай адміністрацыі. Канчаткова ўсё вырашылася падчас 82-й сесіі МАК, якая ў лютым 1980 г. праходзіла ў сталіцы XIII зімовых Алімпійскіх гульняў – амерыканскім горадзе Лэйк Плэсідзе. Менавіта тады на вышэйшым узроўні прэзідэнт МАК выказаўся пра недапушчальнасць таго, каб палі-

тыка перашкаджала развіццю алімпійскага руху, і далей падкрэсліў, што Алімпіяды не павінны выкарыстоўвацца як сродак падзелу свету, а атлетаў нельга змушаць да вырашэння праз іх палітычных праблемаў. Супрацьлеглую пазіцыю агучыў дзяржсакратар ЗША Сайрус Вэнс, які ад імя прэзідэнта краіны выказаўся за тое, каб па-збавіць Маскву права арганізацыі Гульняў, бо гэта несумяшчальна з духам алімпізму і ўваходзіць у супярэчнасць з адным з найбольш старажытных алімпійскіх прынцыпаў, а менавіта «прынцыпам святога міру». У дадзенай інтэрпрэтацыі Масква выступала як сталіца краіны-акупанта. Члены МАК негатыўна адрэагавалі на выступленне Сайруса Вэнса і затым адзінагалосна падтрымалі кандыдатуру Масквы ў справе арганізацыі XXII летніх Алімпійскіх гульняў 1980 г. [6, с. 61–62].

Рэзалюцыя адносна правядзення Алімпіяды ў Маскве была прадстаўленая лордам Кіланінам. У ёй сцвярджалася, што дамова аб правядзенні спаборніцтваў ад 23 кастрычніка 1974 г. застаецца ў сіле. Міжнародны алімпійскі камітэт яшчэ раз выказаўся за неабходнасць падтрымкі алімпійскіх прынцыпаў з тым, каб Алімпіяды адбываліся згодна з традыцыямі і ў якасці найлепшай атмасферы. Акрамя таго, было зазначана, што толькі нацыянальныя алімпійскія камітэты маюць права прымаць рашэнні ў справе прыняцця запрашэння да ўдзелу ў Гульнях. Такім чынам, яшчэ раз была акцэнтавана ўвага на ідэі прадстаўніцтва МАК у асобнай краіне праз нацыянальныя алімпійскія камітэты, а не прадстаўніцтва дзяржавы ў МАК. Іншымі словамі, дзяржава не павінна ўмешвацца ў дзейнасць Нацыянальнага алімпійскага камітэта [7, с. 99–113].

Падтрымка маскоўскай Алімпіяды членамі МАК зусім не азначала, што праблемная сітуацыя засталася вырашанай. Свет у чарговы раз быў падзелены на два канфрантацыйныя бакі. Амерыканская адміністрацыя распачала міжнародную кампанію байкоту па ўсіх магчымых накірунках, а Міжнародны алімпійскі камітэт і міжнародныя федэрацыі па відах спорту прыкладалі ўсялякія намаганні, каб Гульні адбыліся. Лорд Кіланін апынуўся ў вельмі складаным становішчы. Пагроза байкоту, які ўзначаліў амерыканскі бок, выглядала вельмі сур'ёзна, і ён быў падтрыманы большасцю парламентаў і ўрадаў саюзнікаў ЗША. Гэта была прамая пагроза ўсяму алімпійскаму руху. Міжнародныя спартыўныя арганізацыі, аднак, па большасці раздзялялі пазіцыю МАК. Лорд Кіланін рабіў адчайныя спробы, каб дасягнуць нейкіх кампрамісаў, але не змог дабіцца станоўчых вынікаў: не дапамаглі нават размовы з вышэйшымі кіраўнікамі СССР і ЗША – генеральным сакратаром Леанідам Брэжневым і прэзідэнтам Джымі Картэрам. У выніку міжнароднага байкоту маскоўскай Алімпіяды ўдзел у ёй прынялі дэлегацыі толькі 81 Нацыянальнага алімпійскага камітэта са 147 камітэтаў, якія на той момант былі прызнаныя МАК.

Заклучэнне

Алімпізм як філасофская сістэма меў мэтай гарманічнае развіццё чалавека ў варунках мірнага супольніцтва, дзе б шанавалася людская годнасць. Варта мець на ўвазе, што алімпізм адназначна не заклікае да перамогі за ўсялякі кошт. Зразумела, перамога з'яўляецца найважнейшым вынікам кожнага спаборніцтва, але не заўсёды яна выступае як галоўны паказчык. Заняткі спортам – неад'емнае права кожнага чалавека, таму тут не можа быць ніякай дыскрымінацыі. Лорд Кіланін неаднаразова звяртаў на гэта ўвагу. Гульні павінны быць незалежнымі ад ціску з прычыны адрозненняў па колеры скуры, палавой прыналежнасці, рэлігійнага вызнання, палітыкі і г.д.

Непрадказальнасць глабальнай міжнароднай палітыкі, якая па вялікім рахунку падзяліла свет на два супрацьлеглыя бакі па крытэрыі сацыяльна-эканамічнай арыентацыі, прымусіла МАК і ягонага прэзідэнта ў вялікай ступені пераасэнсаваць шэраг падыходаў да развіцця і распаўсюджвання алімпійскага руху. Філасофскія падставы алімпізму былі падвергнутыя масавым нападкам з боку новай сацыяльнай рэчаіснасці. Імк-

лівыя змяненні палітычнага атачэння ўвасобіліся ў фарміраванні пачаткаў тэндэнцый дэмакратызацыі, лібералізацыі і гуманізацыі, што сталі дамінаваць у бліжэйшай ці больш аддаленай будучыні. Феномен спорту дзякуючы сваёй папулярнасці і шырокаму распаўсюджванню на цэлым свеце вельмі лёгка стаў пранікаць у іншыя сацыякультурныя структуры, што не магло застацца без увагі. Лорд Кіланін апынуўся ў сітуацыі, калі, з аднаго боку, неабходна было захаваць традыцыйныя алімпійскія каштоўнасці, што бралі свой пачатак ад часоў Старажытнай Грэцыі, а з другога – ён быў змушаны да хуткага прыняцця рашэнняў у варунках сучаснай сацыяльна-эканамічнай рэальнасці згодна з актуальнай палітычнай кан’юнктурай. Менавіта ён павінен быў абараняць галоўныя прынцыпы алімпізму, менавіта ён павінен быў супрацьстаяць наступствам трагічных падзей 1972 г., а таксама вытрымаць ціск з боку афрыканскіх дзяржаў у 1976 г. і пераадолець міжнародны байкот 1980 г. Пры ўсім пры гэтым Майкл Морыс дэманстраваў інтэлігентнасць, стрыманасць у выказваннях, паслядоўнасць дзеянняў, што ў шэрагу выпадкаў забяспечвала яму поспехі ў вырашэнні спраў. Васьмігадовы тэрмін у якасці прэзідэнта Міжнароднага алімпійскага камітэта закончыўся ў 1980 г. у Маскве, дзе апошні раз лорд Кіланін выступіў з прамовай на 83-й сесіі МАК, у якой заклікаў да спартыўнага спаборніцтва згодна з алімпійскім духам, а таксама звярнуў увагу на негатыўныя вынікі ўмяшальніцтва палітыкі ў спорт [8].

Лорд Кіланін не стаў балаціравацца на наступны тэрмін у кіраўніцтве. Члены МАК у прызнанне ягоных заслуг у дзейнасці на карысць развіцця і далейшага распаўсюджвання ідэалаў алімпізму абралі яго пажыццёвым ганаровым прэзідэнтам, ён таксама быў узнагароджаны залатым Алімпійскім ордэнам. Пайшоў з жыцця Кіланін у 1999 г. ва ўзросце 84 гадоў. Пахаваны на сямейных могілках у горадзе Галуэй у Ірландыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. ‘Games must go on’, says Brundage [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.stripes.com/news/games-must-go-on-says-brundage-1.36208>. – Date of access: 11.03.2019.
2. Президенты МОК и их вклад в становление и развитие олимпийского движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.ru/2_32870_prezidentimok-i-ih-vklad-v-stanovlenie-raz-vitie.html. – Дата доступа: 02.04.2017.
3. Люкевич, В. Романтизм і сентыменталізм fair play в прагматычным грамадстве : материалы II Междунар. форума «Молодежь – Наука – Олимпизм» / В. Люкевич. – М., 2002. – С. 129–131.
4. Bersell, M. Sports, Race, and Politics: The Olympic Boycott of Apartheid Sport [Electronic resource] / M. Bersell // Western Illinois Historical Review – 2017. – Vol. VIII. – 31 p. – Mode of access: <http://www.wiu.edu/cas/history/wihr/pdfs/wihr-sports-race-politics-olympic%20boycott.pdf>. – Date of access: 21.03.2019.
5. Kobierecki, M. Sportowa wojna światowa. Implikacje polityczne międzynarodowej rywalizacji sportowej w okresie zimnej wojny / M. Kobierecki. – Łódź : Ibidem, 2017. – 326 s.
6. Słoniewski, M. Wpływ przewodniczących Międzynarodowego Komitetu Olimpijskiego na przemiany w międzynarodowym ruchu olimpijskim po II wojnie światowej / M. Słoniewski // Pr. nauk. Akad. im. Jana Długosza w Częstochowie. – 2017. – T. XVI, № 1. – S. 47–74.
7. Matras, T. Bojkot igrzysk olimpijskich w Moskwie w 1980 r. przykładem wykorzystania sportu w celach politycznych w świetle wybranych źródeł drukowanych / T. Matras // Pr. nauk. Akad. im. Jana Długosza w Częstochowie. Ser. Kultura Fizyczna. – 2011. – S. 99–113.

8. Zimna wojna kradnie olimpijskie ideały. Igrzyska w Moskwie w 1980 r. [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://historia.org.pl/2016/07/11/zimna-wojna-kradnie-olimpijskie-ideały-igrzyska-w-moskwie-w-1980-r/>. – Data dostępu: 15.02.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.03.2019

Lukievich U.P. Crisis of Philosophy of Olympism during 1972–1980 years: IOC President Michael Morris Lord Killanin as a Defender of Sports Ideals

Sports movement, which embodied in the competition of the Olympic Games, can definitely be interpreted on the basis of the philosophy of life, which in this context is referred as Olympism. The fundamental principles of Olympism are directly related to ethical problems. The philosophy of life in the interpretation of Olympism pays great attention to moral tenets that are common to every human person. The development and spread of the Olympic movement in the second half of the twentieth century has repeatedly come into conflict with a variety of socio-political circumstances. In spite of the fact that the leadership of the International Olympic Committee in every possible way emphasized its non-involvement in political influences, from time to time it had to take appropriate decisions in order to ease international tension. The foundations of the philosophy of Olympism were forced to undergo a test of strength. The idea of Olympic sports with the need remained alone with such social phenomena as apartheid, terrorism and boycott. The world community has become clearly divided into two confrontational blocs. The ambiguity of situation in its then viewed needed to led be to the corresponding the integrity according to provisions of the Olympic Charter. This process took place against the backdrop of a total confrontation between the two strongest superpowers – the USSR and the USA.

УДК 14:378

А.В. Климович¹, С.А. Жук²

¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²студент исторического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «КОНЦА ИСТОРИИ» Ф. ФУКУЯМЫ

*Настоящая угроза всегда направлена
против сути человека*
М. Хайдеггер

Исследуются два аспекта научно-технологических вызовов – формирование общества мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека.

Введение

Одним из геополитических полюсов современного мира является западная цивилизация, позиции которой значительно укрепились после дезинтеграции биполярного мира. В связи с этим актуализировались исследования, в которых осмысливаются вызовы западной цивилизации на различных уровнях. Ф. Фукуяма не является первопроходцем в этом проблемном поле исследований. Наиболее основательными, ставшими уже классическими работами являются «Закат Европы» О. Шпенглера [1], «Постижение истории» А. Тойнби [2]. В российской науке этому вопросу посвящена одна из содержательных линий известной работы В. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Среди работ, выполненных в рамках парадигмы постнеклассической науки, следует выделить статью С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [3] и написанную на основании этой статьи книгу «Столкновение цивилизаций» [4], ставшую в свое время научным бестселлером. Впрочем, следует отметить, что исследовательский интерес к данной проблематике оформился еще ранее, в XIX в. Так, Э. Саид, исследуя европейский научный дискурс того времени, отмечает, что преобладающее мнение может быть выражено следующим образом: «Восток по сути есть нечто такое, чего либо следует бояться (желтая угроза, монгольские орды, смуглые доминионы), либо держать под контролем (за счет умиротворения, исследования и развития, немедленной оккупации там, где это возможно)» [5, с. 147, 253]. Таким образом, тема исследований Ф. Фукуямы не является новой, однако методология и аргументация автора оригинальны и позволяют рассмотреть ряд новых аспектов вызовов западной цивилизации. Таким образом, цель статьи – исследование научно-технологических аспектов вызовов западной цивилизации в контексте философии и методологии Ф. Фукуямы.

«Конец истории» Ф. Фукуямы: трансформация понимания конструкта

В 1989 г. Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?», опубликованной в журнале «National interest» [6], провозгласил конец истории в гегельянском понимании этого события. Причиной такого смелого предположения стало формирование новой геополитической реальности, что стало возможным в результате дезинтеграции советской мир-системы. Состояние «конца истории» во всемирном историческом процессе, согласно Ф. Фукуяме, может быть определено как завершение идеологической эволюции челове-

чества. По мнению философа, «венец» этой эволюции и основа окончательной общечеловеческой универсализации – западная либеральная демократия, которая является «окончательной формой правления». В научном дискурсе распространено мнение, что конец истории, провозглашенный Ф. Фукуямой, является «полным и окончательным». Однако философ никогда категорично не заявлял о конце истории, даже в работах конца 1980-х – начала 1990-х гг., всегда оставляя ряд возможностей для «перезапуска истории». Также необходимо отметить, что конец истории является результатом многовекового воплощения тимоса в истории. Тимос (в русском переводе также «яростный дух») – концепт, предложенный Платоном в работе «Государство», который может быть определен как стремление к признанию и утверждению человеческого достоинства. Однако конец истории возможен тогда и только тогда, когда альтернативы мирового развития (фашизм и коммунизм), бросившие вызов либеральной демократии, повержены и более не являются угрозой.

Обобщая взгляды философа, следует отметить, что переход к эпохе «конца истории» не будет простым и одномоментным. По его мнению, постисторическая цивилизация должна перебороть еще ряд «суррогатов» цивилизационного развития: национализм и религиозный фундаментализм. Однако ни первое, ни второе явления не могут стать альтернативами постисторической цивилизации. Национализм, по мнению автора, «неоднороден, это не одно, а несколько различных явлений – от умеренной культурной ностальгии до высокоорганизованного и тщательно разработанного национал-социализма» [6, с. 147]. Религиозный фундаментализм также не является альтернативной моделью развитию. Фукуяма отмечает, что, «хотя пустота (имеется ввиду определяемая философом духовная пустота либеральной демократии. – А. К., С. Ж.), конечно, идеологический дефект либерализма, из этого не следует, что нашей перспективой становится религия» [6, с. 148].

На рубеже тысячелетий методологические и философские воззрения Ф. Фукуямы начинают трансформироваться. Идеалистический подход в исследованиях не позволил ему реализовать прогностическую функцию, что заставило автора пересмотреть методологию и использовать синтетический подход, включающий в себя элементы и идеалистического, и материалистического подходов. Оригинальным методологическим решением стало рассмотрение процесса формирования общества *posthistory*¹ и постисторической цивилизации как результата модернизации. Философ отмечает, что «конец истории и последний человек – это разговор о модернизации. Изначально универсально не устремление к либеральной демократии, а желание жить в современном обществе, с его технологиями, высокими жизненными стандартами, здравоохранением и доступом к окружающему миру» [7, с. 135]. Отметим, что Ф. Фукуяма в силу ограниченности эвристического потенциала конструкта «тимос» не использовал его в рамках научных исследований с начала 2000-х гг., что позволяет говорить об определенном выхолащивании первоначальной идеи о конце истории как триумфе либеральной демократии. На наш взгляд, подобная трансформация взглядов связана как с глобальными и региональными геополитическими процессами, так и с изменениями в методологической позиции автора: от идеализма к материализму. Тем не менее на всех этапах своей научной деятельности Ф. Фукуяма обращался к проблеме вызовов западной цивилизации.

¹ Общество *posthistory* – конструкт, который в рамках статьи определяет образ социальной организации в постисторической цивилизации.

Формирование, структура и специфика вызовов западной цивилизации: взгляд Ф. Фукуямы

Состояние конца истории во всемирно-историческом процессе, исходя из взглядов Ф. Фукуямы, может быть изменено, и сам процесс вернется в «историческую стадию». Однако для этого необходимо создание определенных условий, которые можно назвать вызовами западной цивилизации. Под вызовами в рамках статьи понимаются любые процессы, которые могут привести к ситуации, когда выход из состояния «конца истории» является вероятным, т.е. «история может взять новый старт» [8, с. 187]. Вызовы имеют различную природу, могут протекать как открыто, так и скрыто для наблюдателя, однако любой из них может «включить двигатель истории», что будет проявляться на нескольких смысловых уровнях: всемирно-историческом (альтернатива либеральной демократии, которая окажется более устойчивой и жизнеспособной и сможет на равных конкурировать с обществами *posthistory*, а значит, конец истории будет или отложен на время экзистенциального противостояния, или – в понимании Гегеля и Фукуямы – станет невозможным), геополитическом, идейном (деградация идентичности «человека Запада»), ресурсно-технологическом и др. В результате исследования был выявлен ряд вызовов западной цивилизации, которые были определены нами через метафоры.

«Скука караванистика», или «тимос возрожденный». В работах конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ф. Фукуяма обращается к метафоре каравана (образ всемирно-исторического процесса), который движется к определенной цели: повозки каравана разными путями достигнут этой цели. Но «конец истории печален», что и может «вынудить историю взять новый старт» [6]. Поэтому «мотором» перезапуска истории может стать именно тимос.

*«Скелеты в шкафу общества *posthistory*», или «зерна с привкусом плевел».* На протяжении своей научной деятельности философ не единожды обращался к пресловутому «среднему уровню», что вкупе со значительной методологической эклектикой и противоречивостью взглядов автора создает некоторую путаницу. Вызовы возможны как на институциональном уровне, так и уровне культур и идентичностей. На мезоуровне вызовы исходят также от развития экономики, общественной организации, политической системы. Для исследования этих процессов автор выделяет два ключевых концепта – либеральная демократия и средний класс (причем формирование первой возможно только тогда, когда сформирован второй). Для «перезапуска истории» в обществе *posthistory* необходима ликвидация его социальной базы – среднего класса, что может быть вызвано последствиями, выражаясь категориями Э. Тоффлера, «третьей волны», в частности, технологическим взрывом и формированием глобального рынка трудовых ресурсов.

Между мир-экономикой, мир-системой и мир-империей. Обращаясь к закономерностям развития западной цивилизации, Ф. Фукуяма неизбежно вынужден моделировать будущее Западной цивилизации. На наш взгляд, альтернативы развития наиболее корректно могут быть описаны через концепцию И. Валлерстайна: от постисторической цивилизации в образе царства честной рыночной конкуренции до модели взаимодействия, имеющей природу мир-империи: *core – periphery* (ядро-периферия).

«Бунт мира истории» («под знаменами Великих нарративов»). По мнению философа, исторический мир живет в рамках сверхпарадигм, которые могут, говоря словами Ж. Лиотара, быть описаны как Великие нарративы [9]. Западная цивилизация, находясь в постисторической стадии развития, теряет свои функторы: «великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель» [9, с. 14]. Поэтому именно Великие нарративы могут представлять для нее определенную опасность.

«Зияющие высоты постисторической глобализации», или «бунт олимпийцев» (кризис идеологии постисторической цивилизации, создание глобального рынка труда, рост привлекательности политического популизма). Еще одним важным «олимпийцем» является идеология мультикультурализма (например, транзит американской политики в области мигрантов от метафоры «плавильного котла» к метафоре «миска салата»). Философ отмечает: «Здесь, в США, постепенно подходят к пониманию того, что на пути к мультикультурализму и этнической балканизации мы зашли слишком далеко и должны хоть ненадолго остановиться» [7, с. 93]. Большинство таких угроз носят латентный характер и не могут в краткосрочной и среднесрочной перспективе поколебать глобальное лидерство постисторической цивилизации, однако они могут действовать подобно «медленному яду», критически накапливаясь в структурах и институтах реципиента.

Рассмотренные выше вызовы западной цивилизации имеют как имманентную, так и внешнюю природу. Вместе с тем некоторые из них возникают в результате глобальных процессов, в которых ключевую роль играет западная цивилизация. Таким образом, вызовы западной цивилизации имеют разную природу и, соответственно, несут различную степень угрозы. Однако большинство из них довольно подробно исследованы в других работах, посвященных возможным причинам упадка западной цивилизации. Ф. Фукуяма весьма оригинально и доказательно обосновал их структуру и специфику в современном мире. Философ обращается и к научно-технологическим вызовам западной цивилизации.

«Разгорающаяся заря технологической сингулярности», или «последний человек versus постчеловек». Западная цивилизация в XX в. успешно смогла противостоять тотальной альтернативе, ею же порожденной: коммунизму и фашизму. Поэтому все подобные угрозы, которые Ф. Фукуяма сводит в парадигму «1984»², уже не являются первоочередными. Более того, философ пишет о выработке у западной цивилизации иммунитета против подобных проектов. Экономический и политический потенциал Запада не позволяет говорить о высокой степени внешних угроз, таких как Великие нарративы. Поэтому особое значение приобретают вызовы, которые можно свести к парадигме «дивного нового мира». Подобное определение сущности этих вызовов неслучайно. Мы обратились к творческому наследию О. Хаксли и его работе «О дивный новый мир» [10], в которой представлено общество, где, с одной стороны, царит экономическое благоденствие, всеобщее благосостояние и счастье, а с другой стороны, это общество четко стратифицировано (программирование человека), в нем отсутствует индивидуальность и т.п. Подобные парадигмы «мягкого» тоталитаризма, который является абсолютom общества потребления в условиях «благодетельного» тоталитарного государства. Приблизительно такие перспективы развития западной цивилизации рисует Ф. Фукуяма, осмысливая процессы развития науки и техники.

Основимся подробнее на соотношении концептов «конец истории» и «научно-технологический прогресс». В начале 2000-х гг. Ф. Фукуяма согласился с критикой провозглашения конца истории: конца истории не может быть, пока не будет конца науки [11, с. 5]. К сожалению, философ не определяет объем и содержание концепта «конец науки». Рискнем предположить, что под концом науки следует понимать, используя категориальный аппарат Т. Куна, последнюю парадигму научного знания, в которой наука всегда будет *normal science* [12]. Это ни в коем разе не означает, что научный прогресс остановится. Однако мы отнюдь не приблизились к концу науки, а науки биологического направления, как отмечает Ф. Фукуяма, сейчас вообще находятся на подь-

² Под парадигмой «1984» понимается тоталитарная альтернатива развития общества, актуализированная в работах Дж. Оруэлла.

еме. Данное утверждение философа определено особенностями развития научного знания (как фундаментального, так и прикладного) на рубеже тысячелетий (книга «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» писалась в 1999–2002 гг.): огромные достижения в сфере исследования генетики, сравнимые с эффектом «взрыва парадигмы», в условиях несколько менее заметных достижений в других областях [11]. Однако мы не должны отбрасывать значительные достижения и в сфере информационных технологий, физики, химии и др. Также необходимо отметить, что Ф. Фукуяма внес значительный вклад в понимание специфики биотехнологии и совершил реконцептуализацию категории «биотехнологическая революция», сделав акценты на прорывы в области исследования гена.

Итак, научно-технологический прогресс ускоряется, его скорость и интенсивность достигает таких показателей, что ряд исследователей описывает это состояние науки и техники через концепт сингулярности, причем он может определяться различным образом: либо как короткий период чрезвычайно быстрого технологического прогресса, либо как точка во времени, с которой машины начинают совершенствоваться сами себя, без помощи кого-либо. Обращаясь к философским взглядам Ф. Фукуямы на развитие на науки и техники, необходимо отметить согласие философа с первым пониманием сингулярности. Также ученый не рассматривает возможность сценария в *a la* состояние машин, однако высказывает опасения относительно формирования человека нового типа.

Таким образом, неизбежно возникает вопрос: научно-технологический прогресс – это добро или зло для человечества. Ф. Фукуяма в своих работах не дает определенного ответа, однако анализирует практически все его аспекты. И все же для философа вывод очевиден. Наука и техника стали немаловажным фактором формирования облика современного общества и сыграли важную роль в переходе к состоянию во всемирно-историческом процессе, определяемом как конец истории. Мы не можем не согласиться с подобной аргументацией. Например, известный американский политолог З. Бжезинский в работе «Между двумя эпохами: Америка в эпоху технотроники» говорил о важности экономического развития (в понимании Й. Шумпетера), основой которого является наука [13]. Другим положительным аспектом научно-технологического прогресса, который, несомненно, разделяется Ф. Фукуямой, является расширение горизонтов познания. Философ отмечает: «Гегель считал, что борьба за признание³ есть чисто человеческое явление – даже в каком-то смысле центральное, определяющее суть человека. Но в этом он ошибся: под человеческой жадой признания кроется биологическая основа, которая наблюдается у многих других видов животных». В данном контексте необходимо отметить, что уже в начале 2000-х гг. Фукуяма реконцептуализировал понимание природы тимоса, а следовательно, и взгляды на природу конца истории. И, наконец, в-третьих, сложно не согласиться с мнением политолога И. де Сола Пула, с которым солидарен Ф. Фукуяма, относительно роли и места научно-технологического прогресса в становлении (прежде всего, в процессе демократического транзита, выражаясь категориальным аппаратом С. Хантингтона) либеральной демократии. Эти технологии автором названы «технологиями свободы», так как их внедрение создает условия для демократических преобразований [14]. Наиболее характерный пример для совре-

³ Тимос Платона и жажда признания Г. Гегеля (позволим себе отметить, что данная категория не является ключевой в философской концепции Г. Гегеля, однако в значительной мере актуализирована одним из величайших его комментаторов XX в. – А. Кожевым, который считал, что именно жажда признания является двигателем истории. Сам Ф. Фукуяма часто не разделяет взгляды А. Кожева и Г. Гегеля, что приводит к невероятной путанице в обращении к наследию философов). Понятия, конечно, отличаются по объему и содержанию, однако в концепции Ф. Фукуямы их следует отождествлять. И первый, и второй являются ключевыми категориями в аргументации «конца истории».

менного мира (де Сола Пул сформулировал эти идеи в 1980-е гг.), на наш взгляд, это социальные сети, которые сыграли значительную роль в событиях Арабской весны, гражданских противостояниях последнего десятилетия на постсоветском пространстве, в Западной Европе и США.

Но любой процесс диалектичен, и, значит, наряду с положительными аспектами могут проявляться и отрицательные, причем, по мнению Ф. Фукуямы, они могут стать вызовами западной цивилизации. Продукты жизнедеятельности цивилизации (а современная наука формировалась прежде всего в рамках западной цивилизации) могут восстать против своего родителя подобно детям Кроноса. Ф. Фукуяма выделяет два наиболее вероятных сценария – формирование общества мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека. Однако оба сценария являются частными вариантами парадигмы «дивного нового мира». В таблице представлена сущность этих сценариев.

Таблица. – Научно-технологический аспект сценариев вызовов западной цивилизации

Искушение «дивным новым миром»	Сущность
Формирование общества мягкого тоталитаризма	Общество становится более иерархичным, общество posthistory трансформируется следующим образом: все его атрибуты продолжают сохраняться, однако остается только их оболочка, либерально-демократический дискурс продолжает артикулироваться. Но общество становится тоталитарным со всеми его атрибутами, правда, осуществление контроля реализуется с помощью достижений науки
Формирование постчеловека	Трансформации природы человека с помощью биотехнологий и других научных достижений, что неизбежно приведет к изменению социальной организации общества

И первый, и второй сценарии неизбежно выводят всемирно-исторический процесс из состояния конца истории. Тоталитаризм противоречит сущности конца истории в понимании Ф. Фукуямы, ибо, будучи одним из продуктов развития западной цивилизации, пасынком Modernity, он невозможен без модернизации, не является результатом развития либеральной демократии, а, скорее, внутренним вызовом последней. Также философ не единожды отмечал, что конец истории – итог человеческой истории, а успешные попытки изменения природы человека неизбежно приведут к выходу из состояния конца истории. В публикациях Ф. Фукуямы предлагаются три возможности реализации этих сценариев: 1) формирование общества мягкого тоталитаризма вызовет формирование постчеловека; 2) формирование постчеловека детерминирует господство общества мягкого тоталитаризма; 3) взаимопроникновение и взаимовлияние этих процессов. Однако наиболее аргументированной является третья возможность выхода из состояния конца истории в результате научно-технологических вызовов.

И если сценарий формирования общества мягкого тоталитаризма Ф. Фукуяма детально не разрабатывает и не занимается прогнозированием, то, на наш взгляд, это определяется спецификой времени артикуляции взглядов философа на развитие науки и техники. Это рубеж тысячелетий. Громкий унилатералистский прогноз ученого поставлен под вопрос ходом мировой истории, а, значит, это не способствовало созданию новых глобальных прогнозов. Ф. Фукуяма же основательно разрабатывает проблематику формирования постчеловека. Сам философ не вводит конструкт «постчеловек», однако четко определяет его объем и содержание: человек, «модернизированный» в результате научно-технологического процесса, причем таким образом, что кардинально трансформируется сама природа человека. Поэтому необходимым является определе-

ние концепта «природа человека». По мнению Ф. Фукуямы, природа человека есть сумма поведения и свойств, типичных для человека как вида и возникающих из генетических, а не энвиронментальных факторов. Причем «типичные свойства» в целом соотносятся с термином «видоспецифическое поведение». Однако философ отмечает, что «типичность есть искусственный статистический термин – он говорит о чем-то близком к медиане в распределении поведения или свойств» [11, с. 164].

Итак, человечество может изменить природу человека, прежде всего благодаря применению биотехнологий. Первый вариант аргументации: религиозный. Использовать биотехнологию – значит заниматься тем, что К.С. Льюис назвал «человек отменяется», а значит, идти против воли Божией. Однако подобная аргументация имеет ряд ограничений, прежде всего мировоззренческого характера, что не позволяет ей стать универсальной [11, с. 190]. Второй вариант аргументации философский. Ф. Фукуяма для обоснования необходимости контролирования использует такие категории, как «человеческое достоинство», «права человека», «человеческая природа» [11, с. 236]. Все это позволяет ему сделать вывод о «особенностях человеческой расы».

Так чего же так опасается философ? Им предложены три сценария.

Первый связан с новыми лекарственными средствами. Автором делается акцент на возможности трансформации личности в силу выявленной ее пластичности. А в будущем, пишет философ, когда знание геномики позволит фармацевтическим компаниям делать лекарства на заказ согласно генетическому профилю пациента, нежелательные побочные эффекты будут весьма сильно подавлены. Нельзя не провести параллели между важнейшими аспектами этого сценария и медицинским (и не только) препаратом сомой из романа Хаксли «О дивный новый мир».

Во втором сценарии успехи исследований стволовых клеток позволят ученым регенерировать практически любую ткань тела и ожидаемая продолжительность жизни перевалит далеко за сто лет. Наряду с положительными аспектами (лечение болезни Альцгеймера или инсульта) создаются условия для экстраординарной трансформации поколений, что тяжелым грузом ляжет на государственный бюджет государства.

Третий сценарий связан с экспериментами с геномом человека. Во-первых, проверка эмбрионов и их оптимизация. Во-вторых, создание химер – полулюдей-полуживотных. Таким образом, создаются все условия для новой стратификации общества, противоречащей сути общества *posthistory*. Клонирование, по мнению философа, должно быть безоговорочно запрещено. Нравственные причины такого запрета связаны с тем, что клонирование – весьма неестественная форма размножения, которая установит столь же неестественные отношения между родителями и детьми.

К этим трем сценариям стоит добавить перспективы развития искусственного интеллекта (AI). В 2002 г. философ отмечал: «В последней области особенно много энтузиастов, убежденных, что с наличием более мощных компьютеров и новых подходов к вычислительным процессам, например, теории нейронных сетей, мы вот-вот добьемся прорыва, в результате которого компьютеры обретут сознание. Проводились конференции и серьезные дискуссии по вопросу о том, будет ли моральным выключить такую машину – если и когда произойдет этот прорыв – и надо ли будет давать права обладающим сознанием машинам» [11, с. 84].

Рассматривая предложенные сценарии, закономерно поставить вопрос о базовых принципах в принятии решений относительно регулирования научно-технологического прогресса, в частности биотехнологий. Первая из альтернатив – дегуманизированный постмодернизм – можно все, или вперед к постчеловеческой истории. Попытки провести различие между лечением и улучшением подвергались нападкам на том основании, что нет в теории способа различить эти два явления, а потому нет и способа отличать их на практике. Есть давняя традиция, особенно сильно защищаемая в последние годы

французским мыслителем-постмодернистом Мишелем Фуко, гласящая, что явление, которое общество считает патологией или болезнью, на самом деле – социально сконструированное явление: клеймится отклонение от предписанных норм [11, с. 285]. Однако государства западной цивилизации, которые и принимают решения в этой области, формировались не как государства всеобщей свободы, а на основании ряда особенностей, детерминирующих цивилизационную идентичность, среди которых идеология прав человека, верховенство закона, социальный плюрализм и гражданское общество и др. Таким образом, политическое равенство, провозглашенное в ряде политико-правовых актов, начиная с Декларации независимости, опирается на эмпирический факт природного равенства людей, в том числе равенства политических, экономических, социальных, культурных прав. И хотелось бы отметить, что для стран Запада это действительно важный принцип развития, а не «чушь на ходулях», как едко замечал утилитарист Дж. Бентам. Естественность и неотъемлемость прав может быть изменена в результате биотехнологических экспериментов, что неизбежно разрушит либерально-демократический строй. Ф. Фукуяма пишет: «Права – основа нашего либерально-демократического политического строя, ключ к современной мысли о моральных и этических вопросах».

Таким образом, открытым остается вопрос: будет ли наука всегда служить интересам постисторической цивилизации? При определенном уровне развития науки категория «общечеловеческого» может быть нивелирована: «потому что мы перемешаем гены (имеются ввиду эксперименты с геномом человека в рамках супергранта «Геном человека» и других проектах, в рамках которых возможно клонирование человека. – А. К., С. Ж.) человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [11, с. 364]. Таким образом, будет создан «постчеловек», а каким он будет – вопрос открытый.

Заключение

В результате осмысления взглядов Ф. Фукуямы на пути развития науки и техники можно сделать следующие выводы.

Философию науки и техники Ф. Фукуямы необходимо рассматривать в контексте его взглядов на конец истории, поскольку конец истории невозможен без конца науки. Научно-технологический процесс должен служить человеческим целям, а не развиваться по внутренним сценариям. Преодоление альтернативы парадигмы «1984» создает дополнительные соблазны для реализации парадигмы «дивного нового мира».

Ф. Фукуяма выделяет два наиболее вероятных сценария, которые были определены следующим образом: формирование общества мягкого тоталитаризма и формирование постчеловека. Подобный мир «может оказаться куда более иерархичным и конкурентным» в парадигме «дивного нового мира» [11, с. 365]. Западная цивилизация не должна стать рабом научно-технологического процесса, а сам прогресс должен стать ее органичным элементом.

Таким образом, научная сингулярность должна быть управляемой в рамках демократических институтов. Мир, по мнению Ф. Фукуямы, должен развиваться под знаменем свободы, истинной свободы, а не фальшивого ничем не ограниченного размножения или свободы беспрепятственного научного исследования. Истинная свобода, утверждает философ, означает свободу политической общественности защищать ценности, которые ей всего дороже, и именно этой свободой мы должны воспользоваться сегодня по отношению к биотехнологической революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер, О. Закат Западного мира / О. Шпенглер. – М. : Альфа-книга, 2014. – 1085 с.
2. Тойнби, А. Постижение истории : сборник / А. Тойнби. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 21–35.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 431 с.
5. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – М. : Рус. мир, 2006. – 394 с.
6. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
7. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : АСТ, 2007. – 282 с.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
9. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т эксперим. социологии, 1998. – 160 с.
10. Хаксли, О. Возвращение в дивный новый мир / О. Хаксли. – М. : Астрель, 2012. – 192 с.
11. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2004. – 367 с.
12. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ, 2009. – 310 с.
13. Бжезинский, З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / З. Бжезинский. – М. : Прогресс, 1972. – 308 с.
14. Sola Pool, I. de. Technologies of Freedom / I. de Sola Pool. – Cambridge : Harvard/Belkman, 1983. – 284 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2019

Klimovich A.V., Zhuk S.A. Scientific and Technological Challenges of Western Civilization in the Context of the Concept of the «End of History» F. Fukuyama

Two aspects of scientific and technological challenges are being investigated: the formation of a society of soft totalitarianism and the formation of a postman.

УДК 1(091)

В.Л. Петрушак¹, Б.А. Мохамад²¹канд. філос. наук, доц., доц. каф. філасофіі

Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

²канд. філос. наук, ст. прафесар каф. кітайскай філалогіі

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

e-mail: ¹valentin70060@mail.ru; ²bashar1984@mail.ru

МИР-СИСТЕМА КАПИТАЛИЗМА КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аналізуюцца асноўныя аспекты праблематыкі капіталізму. Азначаны заканамерны характар фарміравання ў XVI в. мір-сістэмы капіталізму і міжнароднага рынку. Адраснае ўважанне на сацыяльныя наступствы капіталістычнай мір-сістэмы, якія праявіліся ў чрэзмернаму развіцці яе ядра (краіны Западнай Еўропы, ЗША, Японія, Аўстралія і Новая Зеландыя) за кошт жэсткай эксплуатацыі полуперыферыі (Южная і Восточная Европа) і перыферыі (краіны Азіі, Афрыкі і Латыйскай Амерыкі), што кансервіравала эканамічную адсталасць гэтых рэгіёнаў Зямлі. Прайдзя ряд стадыяў свайго развіцця, капіталізм на фінансавой стадыі (80-е гг. XX – пачатак XXI в.) ўступіў ў перыяд сістэмнага крызісу, што праяўляецца ў абсалютным (больш 90 %) прэобладанні спекулятыўных торгаво-банковска-біржэвых сдэлак і развіцці глабальных праблем чалавечэства.

Введение

Важнейшим феноменом мировой истории является капитализм как наиболее развитая формационная модель мироустройства западноевропейской цивилизации. Подобное мироустройство, впервые оформившись как отличный от феодализма социально-экономический строй общества в ряде городов Италии уже в XIV в., превратилось к XVI в. в мир-систему капитализма.

Цель статьи заключается в формировании представления о капитализме как мир-системной организации современного общества на основе использования ряда положений формационной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, а также некоторых понятий и идей цивилизационного и мир-системного подходов. Предмет исследования – направленность трансформационных процессов мир-системы капитализма как основы кризисного состояния современной техногенной цивилизации.

Осмысление динамики функционирования мирового исторического процесса и глобализационных процессов современного общества предполагает пристальное изучение особенностей становления и развития капиталистического общества как основы мир-системной организации современного общества, которое изначально сформировалось как социально-экономическая и политическая организация Западной Европы Нового времени, пришедшая на смену феодализму, но вступившая сегодня в фазу системного кризиса. Сегодня, как отмечает известный американский социолог И. Валлерстайн, «снова наблюдается конец исторической системы, аналогичный концу феодальной системы 500–600 лет тому назад» [1, с. 20].

Капіталізм – гэта агульнасацыяльна-эканамічная фармацыя, асновааная на частнай сабстваснасці на сродствы прайзводства, гавяненстве рынковай эканамікі ў агульнасацыяльным прайзводстве, эксплуатацыі наёмнага труда капіталом і свабодзе прайпрымацельства. Асноўныя прызнакі капіталізму – гэта гаспадарства таварна-дэнежных адношэнняў і частнай сабстваснасці на сродствы прайзводства ў эканаміцы краіны; наякасць развітага агульнасацыяльнага раздзялення труда і рост абобществлення прайзводства; эксплуатацыя наёмных рабочых капіталістамі. «Прайзводства прыбавоч-

ной стоимости, или нажива, – таков абсолютный закон» капиталистического способа производства [2, с. 632].

Многие западные историки и философы (Э. Мейер, М.И. Ростовцев, Ф. Хайхельхайм, У. Тарн, Л. Brentано, Т. Моммзен) писали о наличии капиталистических отношений в Древней Греции и Древнем Риме или, как А. Допш, в раннем Средневековье. При этом «греческое и римское рабовладение рассматривалось как естественное дополнение буржуазного общественного строя – подобно рабовладению, процветавшему в американских южных штатах вплоть до Гражданской войны во второй половине XIX века» [3, с. 68].

Такая расширительная трактовка капитализма не позволяет найти не только четких критериев для определения времени возникновения капитализма, но и вносит путаницу в понимание реальных закономерностей исторического процесса. В частности, ростовщический и торговый капитал в докапиталистических формациях ошибочно отождествляется с капиталистическим строем. Однако эти формы капитала, как отмечал еще К. Маркс, «задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях» [4, с. 142]. Эти формы капитала как раз и существуют в виде введенного в научный оборот Аристотелем (384–322 до н. э.) понятия «хрематистика» как паразитарной формы экономического уклада, обслуживающего рыночный сегмент экономики в форме ростовщичества, который не создает своего способа производства, а эксплуатирует существующий. «Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния» [4, с. 159–160].

Такая роль торгово-ростовщического капитала была вызвана тем обстоятельством, что в докапиталистических формациях экономика носила натуральный характер при условии преобладания внешней торговли и слаборазвитости внутреннего рынка и отсутствия промышленного капитала. Однако впервые в истории в Италии начала XIV в., в отличие от других стран Европы, феодализм был значительно подорван, до некоторой степени «сломлен исключительным развитием городов» [4, с. 365], политически господствовавших над деревней.

Интенсивный подъем производительных сил в городе и деревне в Северной и Средней Италии привел в XIV в. к появлению мануфактур и зарождению промышленного капитала. Мануфактурное производство являлось значительным прогрессом в развитии экономики Италии, так как превосходило цеховое своей производительностью и рентабельностью, хотя и было примитивным. Крупнейшими были компании Барди, Веллутти, Перуцци и др. В 30-е гг. XIV в. «весь город заполнен сотнями предприятий, производящих высококачественные сукна, общая стоимость которых в четыре раза превышает бюджет коммуны, десятки тысяч рабочих и ремесленников участвуют в этом сукнодельческом производстве» [5, с. 16]. Мануфактуры – это лишь первые островки капиталистического производства среди господства феодальных отношений в Европе и в самой Италии, что дало основание Энгельсу характеризовать этот период в истории Италии как «начало современной капиталистической эры» [6, с. 382]. Это обстоятельство позволяет датировать время возникновения капитализма XIV веком, что создало определенную материальную основу для развития философии и культуры эпохи Возрождения.

В то же время в XV–XVII вв. по мере нарастания кризиса феодальной системы пришла в упадок и существовавшая с IX в. в результате активного развития городов средиземноморская мир-система феодализма во главе с Венецией, которая взяла под свой контроль основные товарные и денежные потоки того времени. Особо значимой была венецианская торговая монополия на соль и частичный контроль на торговлю ос-

новными продуктами питания, такими, как зерно и оливковое масло, что приносило им колоссальный доход. Кроме того, «Венеция, чеканила серебряный гроссо и золотой дукат, который стал международной валютой для государств Средиземноморского бассейна» [7, с. 68]. В результате в Западной Европе обозначился денежный дефицит в торговле с Востоком. Так, английский экономист Эдуард Мисселден в начале XVII в. с тревогой констатировал: «Денег становится меньше вследствие торговли с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией... Деньги же, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда расходуются и никогда не возвращаются назад» [8, с. 64]. Это обстоятельство наряду с захватом турками Константинополя 29 мая 1453 г. побудило Португалию, Испанию, а затем Нидерланды, Францию и Англию встать на путь Великих географических открытий с целью поиска морских путей в Индию, колониальных захватов и развития океанической торговли. Совокупность этих условий дала толчок формированию капиталистической мир-системы мирового рынка, что привело к экономическому упадку Италии и превращению ее вплоть до начала XX в. в полупериферию капитализма. После того как революция мирового рынка с конца XV в. уничтожила торговое преобладание Северной Италии, это обусловило быстрый рост государств, расположенных на новых торговых путях: Испании, Португалии, Голландии и Англии, – которые обогатились за счет колониальных грабежей.

Упадок средиземноморской торговли и перемещение торговых путей в Атлантику привело к тому, что во второй половине XVI в. в северные Нидерланды устремились протестанты и лютеране из Германии, гугеноты из Франции и венецианские купцы вместе со своими капиталами. Венецианцы привнесли в новый союз Больших Капиталов с местными торговцами-ростовщиками «отточенную веками островную стратегию, включавшую в себя монополизацию морской торговли и манипулирование континентальными аристократиями» [9]. В результате в протестантской среде местных капиталистов оформилась и протестантская этика капитализма, когда накопление богатства рассматривалось, особенно в кальвинизме, как проявление божественной благодати, что создало условия для быстрого развития капитализма. Реализация этой ценностной модели способствовала тому, что, по замечанию М. Вебера, «нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к “счастью” или “пользе” отдельного человека. Теперь уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни» [10, с. 75].

Эти процессы привели к формированию мир-системы капитализма, центрами которой в XVI–XVII вв. стали Нидерланды, в XVIII–XIX вв. Англия, а в XX – начале XXI в. США. Как отметил И. Валлерстайн, сама мир-система капитализма формировалась до конца XIX в. и включает в себя ядро (страны Западной Европы, США, Япония, Австралия и Новая Зеландия), полупериферию (страны Восточной Европы, а затем и бывшего СССР; сегодня в их число входят Китай и Индия) и периферию (страны третьего мира – Азия, Африка и Латинская Америка).

В целом «мир-экономика», созданная в результате экономической и политической экспансии Европы XV в., как писал А. Г. Франк, «привела к инкорпорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой истории, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и недоразвитость других» [11, р. 41].

Исторически мир-система капитализма прошла в своем развитии ряд этапов:

- 1) домонополистический капитализм (XVI – конец XIX в.);
- 2) монополистический капитализм (конец XIX в. – 1933 г.);
- 3) государственно-монополистический капитализм (1933–1980 гг.).

4) финансовый капитализм (1980 г. – начало XXI в.);

Реакцией полупериферийных территорий Европы восточнее Рейна стала консервация феодальных отношений или «второе издание крепостничества», так как возникла потребность обеспечения Англии хлебом.

И. Валлерстайн обратил внимание на то, что различная функциональная нагрузка в распределении ресурсов привела первоначально (до 70-х гг. XIX в.) в различных зонах мир-системы к различным формам контроля над трудом: наемный труд и самозанятость в центре, испольщина в полупериферийной зоне и рабство и «феодализм» на периферии. «Именно условие фактического наличия трех указанных зон, которым присущи различные способы контроля над трудом, было основой существования мир-экономики. В противном случае было бы невозможно обеспечить тот тип перемещения прибавочного продукта, который позволил капиталистической системе воплотиться в жизнь» [12, с. 102].

В этой связи необходимо отметить, что крепостничество – явление относительно позднее. В своей классической форме оно устанавливается в Германии под воздействием мощного спроса на хлеб в переживающей «чистку земли» Англии, что Маркс зафиксировал в «Капитале». «В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти всюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере, фактически, свободным человеком, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных» [2, с. 248].

Та же ситуация наблюдалась в Речи Посполитой, Австрийской империи Габсбургов и России. Одновременно формировалась и колониальная система грабежа целых континентов. Как отметил Ч.С. Кирвель, «колониальная экспансия Запада погубила более 90 млн австралийских аборигенов и американских индейцев, а варварская торговля людьми унесла жизни более 20 млн африканцев» [13, с. 170–171].

Возродилось и рабство. Уже в XVI в. Запад стал осознавать себя как наследник Рима и восстанавливать в правах рабство. «Через Турцию поступали в Европу угнанные крымскими татарами славяне, возродили работорговлю фризы. В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. – 53 корабля, в 1760 г. – 74, в 1770 г. – 96 и в 1792 г. – 132 корабля. Вот данные из доклада 1803 г. В 1790 г. в английской Вест-Индии (штаты США, бывшие английской колонией) на 1 свободного приходилось 10 рабов, во французской – 14, в голландской – 23. Да и в европейских столицах присутствовало рабство. В Лиссабоне в 1633 г. при общей численности населения около 100 тыс. человек только черных рабов насчитывалось более 15 тыс.» [14, с. 5].

С 1891 г. начинается монополистический этап развития капитализма. «Государство прилагает все усилия к тому, чтобы посредством законов, декретов, принимаемых под давлением борьбы рабочих, с помощью коллективных соглашений сделать более гуманным первоначальный капитализм» [15, с. 266]. Как известно, тенденция к ускоренной монополизации мир-системы капитализма усилилась во время мирового экономического кризиса (1900–1903 гг.). Ленин, считая эту стадию высшей, ошибочно определил ее только как канун социализма и отметил, что эта стадия связана с началом «огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма» [16, с. 83]. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» он определил империализм как «капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [17, с. 387].

В действительности такой уровень развития капитализма может оказаться и основной для азиатского способа производства на новой индустриальной стадии его развития, который также характеризуется господством государственной собственности на средства производства. Не случайно именно приверженность построению социализма до сих пор характерна для Китая, который до середины XIX в. относился к центру мир-системы азиатского, или восточного, способа производства. В 1923 г. В.И. Ленин считал, что социализм, «тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» [18, с. 372–373].

В эту эпоху «важнейшим условием для включения значительной части эксплуатируемого класса в разряд обеспеченных людей была невиданная до капитализма производительность труда, позволяющая создать огромную, невозможную ни при одном из ранее существовавших способов производства массу общественного продукта» [19, с. 516–517].

Таким образом, в странах центра господствовало безудержное паразитическое потребление продуктов и ресурсов, в то время как в периферийных странах нарастает нищета и обездоленность. Первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи (1908–1984) писал: «Наше бурное и беспокойное общество, подвижное, по-видимому, исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе прямо-таки поразительную склонность к расточительству, и этот порок мешает ему воспользоваться плодами даже достигнутого ныне роста. И главными рассадниками этого зла явились сверхразвитые, перезрелые страны и регионы, породившие уродливое дитя, консюмеризм – живое свидетельство их вырождения» [20, с. 161].

Преобразование большинства членов общества стран «золотого миллиарда» в потребителей обеспечивает гарантированный сбыт постоянно возрастающего объема произведенной продукции. Возникает общество массового потребления, или консюмеризма (от англ. consume – потреблять), которое могло обеспечить безбедное существование звездам большого спорта, шоу-бизнеса. Так, «Пол Маккартни заработал 713 млн фунтов стерлингов (1 фунт = 1,4 доллара), Эндрю Ллойд-Уэббер – 420 млн, Камерон Макинтош – 400 млн, Мадонна и ее муж Гай Ричи – 180 млн, Элтон Джон и Мик Джаггер – каждый по 150 млн, Джордж Харрисон оставил своей вдове 140 млн» [19, с. 516].

Одновременно сформировался «средний класс», который отличался сравнительно высоким уровнем жизни до конца XX в. «Важнейшим условием для включения значительной части эксплуатируемого класса в разряд обеспеченных людей была невиданная до капитализма производительность труда, позволяющая создать огромную, невозможную ни при одном из ранее существовавших способов производства массу общественного продукта» [19, с. 516–517].

С 80-х гг. XX в. капитализм вступил в стадию финансового капитализма, связанного с ростом роли и значимости торгово-ростовщического капитала и биржевых спекуляций, когда прибыль опережает доход от вложений в промышленный капитал. Такой переход осуществился, когда благодаря торжеству неолиберализма, а затем распаду СССР произошел отказ от социального государства. «Социальная защита, – пишет М. Альбер, – рассматриваемая как критерий прогресса общества, теперь осуждается и обвиняется в поощрении лени» [15, с. 268].

Как показал доклад ООН «Глобализация с человеческим лицом» (1999), «разрыв в уровне жизни между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами в 1960 г. составил 30 : 1, в 1990-м 60 : 1, в 1997-м – 74 : 1» [13, с. 171–172].

Различия в распределении богатства в мир-системе капитализма проявляются в распределении мирового ВВП. Так, в руках 10 % взрослого населения мира оказалось

сосредоточено 85 % мирового богатства, находящегося в личной собственности; в руках 5 % находится 71 % богатства; в руках богатейшего 1 % – 40 % [21, с. 26].

В то же время росла и доля спекулятивных сделок в рамках мировой финансовой системы. Н. Хомский утверждает: «В 1971 г. 90 % международных финансовых сделок относились к реальной экономике – к торговле или долгосрочным инвестициям, а 10 % были спекулятивными. К 1990 г. процентное соотношение изменилось на противоположное, а к 1995 г. около 95 % значительно больших сумм были спекулятивными, с ежедневными потоками, как правило, превосходящими общие резервы для международного обмена семи крупнейших индустриальных держав более чем на один триллион долларов в день и весьма краткосрочными: около 80 % сумм возвращались назад за неделю и менее того» [22, с. 34]. В докладе Римского клуба за 2018 г. было отмечено, что «около 98 % международных финансовых операций являются по существу спекулятивными, так как они не используются для оплаты товаров и услуг. И спекуляции, как правило, имеют очень краткосрочные временные интервалы, которые... могут иметь весьма разрушительные последствия в будущем» [23, р. 169].

Уже эти данные свидетельствуют, что именно стадия финансового капитализма – это стадия кризиса и упадка капитализма и капиталистической мир-системы, поскольку:

1) торгово-ростовщический и банковский капитал превосходят по значимости промышленный;

2) разрыв в уровнях социального неравенства как в обществе, так и в мир-системе капитализма достиг опасных для существования капитализма пределов;

3) нарастание экологических проблем человечества, которые есть результат действий закона получения максимальной прибыли и увеличения оборота капитала.

Преодоление кризиса мир-системы капитализма возможно при условии жесткого контроля со стороны государств за деятельностью банковско-торгового капитала, резкого пресечения спекулятивных сделок, разработки и реализации программ развития экономики и решения глобальных проблем человечества, особенно экологического, демографического и антропологического кризиса, а также разработки мер социальной защиты населения.

Заключение

Мир-система капитализма – это феномен развития мирового исторического процесса, который появился в результате развития кризиса феодального способа производства, сочетающегося с изменениями в экономической жизни (появлением мануфактур), геополитической (ликвидация Великого шелкового пути и становление океанической торговли) и духовной (протестантская этика капитализма).

Формирование мир-системы капитализма привело не только к утверждению рыночной экономики в мировом масштабе, но и к расцвету работоторговли и рабовладения в странах Южной и Северной Америки и к искусственной консервации феодальных отношений в Южной и Восточной Европе, Азии и Африке. Эти обстоятельства диктовались потребностями снижения издержек производства и стремлением к получению максимальной прибыли. Расцвет мир-системы капитализма в XX в. и ее конкуренция с СССР привела к росту различий ядра и ее периферийных регионов в планетарных масштабах и к развитию сверхпотребления основной части населения стран Золотого миллиарда, к чрезмерным диспропорциям в распределении национального богатства как внутри общества, так и внутри мир-системы. Стадия финансового капитализма есть стадия системного кризиса и упадка мир-системы капитализма, вызванного чрезмерным развитием спекулятивного банковского и торгово-ростовщического капитала, что ведет к упадку и стремительной деградации промышленного капитала и развитию кризисных явлений в экономике и к обострению глобальных проблем человечества.

Решение этих проблем возможно в случае усиления контроля государства в торгово-финансовой и банковской сфере, пресечения ростовщичества и решения глобальных проблем человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн, И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? / И. Валлерстайн // Социол. исслед. – 1997. – № 1. – С. 8–21.
2. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 23 : Процесс производства капитала. – 1960. – 900 с.
3. Алексеев, В. В. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма / В. В. Алексеев, С. А. Нефедов // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 66–77.
4. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955–1974. – Т. 25 : в 2 ч. – 1961. – Ч. 2 : Процесс капиталистического производства, взятый в целом. – 784 с.
5. Рутенбург, В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии / В. И. Рутенбург. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 227 с.
6. Маркс, К. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955–1975. – Т. 22. – 1962. – С. 381–382.
7. Петров, А. М. Великий шелковый путь. О самом простом, но малоизвестном / А. М. Петров. – М. : Восточ. лит., 1995. – 127 с.
8. Макаров, В. Мировой кризис 7. Нидерланды – схватка двух стратегий [Электронный ресурс] / В. Макаров // КОНТ : Платформа для соц. журналистики. – Режим доступа: <https://cont.ws/@drmorarty/295007>. – Дата доступа: 15.06.2016.
9. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избр. произведения ; пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдова [и др.]. – М., 1990. – С. 72–272.
10. Бек, К. История Венеции / К. Бек. – М. : Весь Мир, 2002. – 192 с.
11. Frank, A. G. Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology Frank / A. G. Frank // Latin America: Underdevelopment and Revolution Essays on the Development of Underdevelopment and the Immediate Enemy / A. G. Frank. – New York, 1969. – P. 21–94.
12. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна : в 4 т. / И. Валлерстайн ; пер. с англ. Н. Проценко, А. Черняева ; под ред. А. Усачева. – М., 2015. – Т. 1 : Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. – 552 с.
13. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под ред. Ч. С. Кирвеля. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Четыре четверти, 2010. – 548 с.
14. Кара-Мурза, С. Крепостная Россия. Мудрость народа или произвол власти? / С. Кара-Мурза, М. Шевченко, А. Чаянов. – М. : Алгоритм, 2016. – 336 с.
15. Альбер, М. Капитализм против капитализма / М. Альбер. – М. : Экон. шк., 1998. – 296 с.
16. Ленин, В. И. Война и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1966. – Т. 32. – 1969. – С. 77–102.
17. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1966. – Т. 27. – 1969. – С. 299–426.

18. Ленин, В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. в 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1966. – Т. 45. – 1969. – С. 369–377.
19. Семенов, Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М. : Современ. тетради, 2003. – 776 с.
20. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.
21. Davies, J. B. The World Distribution of Household Wealth [Electronic resource] / J. B. Davies, S. Sandstrom, E. N. Wolff. – Mode of access: <https://www.wi-der.unu.edu/publication/world-distribution-household-wealth>. – Date of access: 01.02.2008.
22. Хомский, Н. Прибыль на людях. Неoliberalизм и мировой порядок / Н. Хомский ; пер. с англ. Б. М. Скуратова. – М. : Праксис, 2002. – 248 с.
23. Ulrich von Weizsacker, E. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet : A Report to the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018 / E. Ulrich von Weizsäcker, A. Wijkman. – New York : Springer Verlag, 2018. – 220 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2019

Petrushak V.L., Mohamad B.A. Worldsystem of Capitalism as a Phenomenon of the Historical Being of Humanity

The article analyzes the main aspects of capitalism. The natural character of the formation of the capitalism world system and the international market in the 16th century is noted. Attention is drawn to the social consequences of the capitalist world system, which manifested themselves in the excessive development of its core (Western Europe, then the USA and Japan, Australia and New Zealand) due to the hard exploitation of semi-periphery (Southern and Eastern Europe) and the periphery (Asian, African and Latin American), which conserved the backwardness of these regions of the Earth. Having passed a series of periods of its development, capitalism at the financial stage of its development (the 80s of the XX – beginning of the XXI centuries) entered a period of its systemic crisis, which manifests itself in absolute (more than 90 %) prevalence of speculative trade and banking and stock exchange transactions and the development of global problems of mankind.

УДК 342.951:331.556.46

Н.В. Блюк

ассистент каф. гражданского права и процесса
Учебно-научного института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника» (Украина)
e-mail: nataliia.v.blok@lpnu.ua

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ МИГРАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

Исследована проблема трудовой миграции в условиях глобализации, которая играет важнейшую роль в современном мировом миграционном процессе населения. Утверждается, что процессы глобализации по своему содержанию являются культурными, социальными, экономическими и политическими вызовами для Украины. Показано, что глобализация имеет как положительное, так и отрицательное влияние на развитие украинского общества и государства.

Введение

Глобальность миграционной проблемы определяется перемещением населения между государствами, которое касается всех континентов земного шара, а ее решение возможно при условии объединения усилий всего международного сообщества. Активизация миграции является составляющей частью процесса глобализации. Глобализация – это современная форма международных отношений, которая характеризуется распространением взаимозависимости между странами в экономической, политической и культурной сферах практически на весь земной шар. Различают экономические, политические, социальные, демографические, этнические и другие виды глобализации.

Целью исследования является рассмотрение современных тенденций миграции, основной из которых является глобализация международной миграции.

Актуальность исследования заключается в рассмотрении философских аспектов глобальных качественных изменений в современных мировых миграционных потоках.

В конце XX – начале XXI в. появилась новая по содержанию тенденция социального развития человечества, которая получила название глобализации. Одним из парадоксов глобализации в современном мире стало усиление пограничного контроля и визового режима в условиях устранения границ в экономике, информационном и культурном пространствах. Глобализация выступает объективной закономерностью развития для человечества, формирования в будущем единой взаимосвязанной мирового сообщества. Еще в 1949 г. немецкий философ К. Ясперс выдвинул идею о «глобальном единстве», «едином человечестве», «единой судьбе народов», «создании целостного планетарного мира людей». Говоря о неминуемом глобальном единстве мира, он отметил два основных пути будущего развития общества: с одной стороны, всегда будет действовать жажда власти, которая ставит своей целью создание мировой империи, а с другой – стремление мира к такому мирозданию, где жизнь людей будет свободной от страха. Мировая империя удерживается единственной властью, покоряет всех из какого-то одного центра через насилие, а мировой порядок – это единство без единой власти, единство общего согласия, солидарной ответственности за судьбу человечества [1].

В современном понимании термин «глобализация» возник в середине 80-х гг. XX в. Появление этого термина связывают с именем Т. Левитта, который ввел его в статье, опубликованной в журнале «Гарвард бизнес-ревью» в 1983 г., а распространение этот термин получил благодаря американскому социологу Р. Робертсону, который в 1985 г. дал определение понятию «глобализация» [2, с. 199]. Р. Робертсон рассматри-

вал глобализацию как исторический процесс усиления контактов между различными частями мира, который приводит к росту однообразия в жизни народов планеты. Английский ученый Д. Гёлди отмечает: глобализация предполагает, что политическая, экономическая и социальная деятельность становится всемирной по своим последствиям [3].

По мнению В. Лукашевича, «глобализация – это объективный социальный процесс, содержанием которого является усиление взаимосвязей и взаимозависимости национальных экономик, национальных политических и социальных систем, национальных культур, а также взаимодействие человека с окружающей средой. В основе глобализации лежит развитие мировых рынков товаров, услуг, труда, капитала» [4, с. 13].

У. Бек считает, что «глобализация подразумевает процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных факторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности» [5, с. 26].

Различная трактовка понятия «глобализация» обусловлена его масштабностью и разнообразием проявлений, что требует использования различных по содержанию научно-методологических подходов для усиления этого феномена. Глобализация – достаточно сложное явление, развитие которого зависит от культурных, политических, социальных, экономических и других измерений функционирования социума на данном этапе развития человечества.

Основные виды глобализации: экономическая, политическая, социальная, демографическая, этническая

Глобализация в экономике – это объективный процесс возникновения и развития связей между национальными экономиками различных стран мира, который охватывает все стороны экономического развития жизни стран. Экономическая глобализация проявляется в углублении процессов обмена товарами и услугами, в расширении международного движения капиталов, в усилении трудовых миграционных процессов в рамках мирового хозяйства, в росте международных научно-технических связей. Экономический процесс глобализации зародился и развивался со становлением товарно-денежных отношений. Усилилась экономическая целостность мирового хозяйства, которая реализуется в рыночных международно-экономических отношениях. Все это усиливает глобальные тенденции в мировой экономике, особенно в период экономического кризиса в Украине, и создает негатив для Украины.

Глобализация в политике – это объективный реальный процесс, который имеет следующие основные признаки политической глобализации: усиление межгосударственных отношений по движению товаров, капиталов и рабочей силы; политическая интеграция стран с формированием наднациональных политических органов (ЕС, ВТО, Всемирный банк), рост количества международных правительственных организаций: универсальных (ООН), межрегиональных (Исламская конференция, Лига арабских государств), субрегиональных (Бенилюкс), БРИКС, военно-политических (НАТО). Следует отметить, что во время глобализации политики в мировом масштабе происходят два довольно сложных процесса, а именно: глобализация и регионализация. Под глобализацией подразумевается сближение стран, их объединение в единые организации, вступление в различные всемирные организации. Эти два процесса еще можно назвать интеграцией и дезинтеграцией, но вместе с тем глобализация, возможно, породила регионализацию. По мнению В. Плохих, в политике глобализация – это принцип, согласно которому организация, функционирование и развитие мира рассматривается как целостная экономическая, социокультурная и политическая системы [6, с. 116].

Следует отметить, что глобализационный процесс усиливает взаимозависимости государств, уменьшение их суверенитета, то есть он генерирует трансконтинентальные и межрегиональные потоки, образуя глобальную взаимозависимость, что позволяет

рассматривать глобализацию как качественно самостоятельную, сложную систему явлений и отношений.

Под социальным видом глобализации следует понимать изменения, которые порождены мировыми глобализационными процессами и касаются условий жизнедеятельности каждого человека. Следует отметить, что эти изменения характеризуются интенсификацией коммуникационных процессов и перераспределением ресурсов, которые обеспечивают все основные потребности человека. Социальные виды глобализации состоят в том, что современный мир раскрывает большие возможности деятельности человека в профессиональной сфере, в освоении им достижений мировой науки, культуры и тому подобное. Свободная конкуренция в глобальном масштабе высвобождает творческую энергию и инициативу личности, создает уникальные возможности для ее самореализации, позволяет интенсифицировать обмен необходимой информацией, научными достижениями, опытом практической деятельности. Влияние глобализации на социальную сферу проявляется в том, что она поднимает вопросы социальной сферы и социальной политики на наднациональный уровень, порождает и поддерживает дискурс, диалог относительно того, как лучше регулировать современные государственные отношения в интересах социального благосостояния. Поэтому глобальная социальная политика является результатом деятельности наднациональных субъектов и включает глобальное социальное распределение, глобальное социальное регулирование, а также глобальное социальное обеспечение и защиту прав гражданина.

Демографическая глобализация – это прежде всего проявление общего системного глобализационного процесса в демографической сфере. Демографическая глобализация – это совершенно новый процесс. То, что мы сегодня наблюдаем на уровне человечества, имело место в античном мире и в средние века: тогда так же вполне свободно перемещались огромные массы людей. Человеческий капитал спокойно «переплывал» из страны в страну. Философы древности за свою жизнь успевали послужить различным царям (например, греческий деятель Алкивиад несколько раз менял «подданство», причем каждый раз успевал повоевать за «новую» родину против родины «старой»). По средневековой Западной Европе также свободно перемещались ландскнехты и пресловутые трубадуры, пока их не отправили за океан. На протяжении целых исторических эпох считалось нормой родиться в одной стране, получить образование в другой, жениться в третьей, переехать с семьей в четвертую, перебраться в пятую, на ее стороне повоевать против четвертой, потом уехать в шестую, послужить ей верой и правдой и, собрав денег на старость, уехать в седьмую доживать и умирать. Поэтому состояние демографической глобальности для человечества вполне естественно.

Следует отметить, что вся история состоит из приливов и отливов волн демографической глобализации, причем приливы были длительнее для развития Homo Sapiens, чем отливы. И приливы были продуктивнее в культурно-цивилизационном отношении, чем времена разобщенности и раздробленности, т.е. отливы. Можно отметить, что процесс демографической глобализации в мире был прерван только образованием наций, государств-территорий и государств-наций. Теперь инициированный колониальной эпохой процесс образования наций, а иногда и этносов, также частично препятствует демографической глобализации.

Итак, в настоящее время демографическая глобализация – это достаточно новое и уникальное явление. Финансовый капитал, технологии и товары только недавно стали свободно передвигаться по планете, тогда как рабочая сила, человеческий капитал перемещались по странам практически всегда.

Этническая глобализация – это одна из форм глобализации, под которой следует понимать процесс растущей унификации в жизни этносов (народов) в условиях распространения единых, общих для всего человечества технологий, культуры, идей,

ценностных ориентаций, образа жизни, поведения и т.д., который либо приводит к потере этносами культурной, национальной, этнической идентификации или, наоборот, пробуждает инстинкт сохранения этносом этнических особенностей своего народа. По мнению А. Кузьменко, этническая глобализация состоит из двух основных процессов – рост общей численности населения планеты и взаимная ассимиляция различных этнических групп. Причем этот процесс ускоряет все возрастающая иммиграция (и легальная, и нелегальная) в страны Запада [7]. А. Картунов считает, что «этнополитическая глобализация – это исторический объективный процесс распространения по всему земному шару этнических, национальных и этнополитических идей и концепций, подъем этнического ренессанса, усиление политизации этничности, взрыва национализма и этницизма, углубление этнополитической дезинтеграции и интеграции» [8, с. 173]. Например, сирийский военный конфликт характеризуется проявлениями миграции населения как внутренней, так и внешней, что в будущем негативно повлияет на социально-экономическое развитие Сирии.

Итак, этнополитическая глобализация – это исторический объективный процесс распространения по всему земному шару этнических, национальных и этнополитических идей и концепций, подъем этнического ренессанса, усиление политизации этничности, взрыва национализма и этницизма, углубление этнополитической дезинтеграции и интеграции тому подобное.

Глобализация – это многогранное явление, которое охватывает различные сферы развития мирового хозяйства. Процессы глобализации свидетельствуют о взаимозависимости граждан и государств в современном мире, несмотря на их пространственное размещение или уровень политического, экономического и культурного развития. Реалии глобализации заставляют каждое государство четко определиться со своим геополитическим выбором. Особенно это касается Украины, которая, исходя из своих европейских корней, может быть только европейским государством [9].

Текущее значение украинского индекса глобализации достигло исторического максимума и составило 68,85 балла, что позволило нашему государству расположиться в рейтинге между Иорданией (69,46) и Исландией (68,66), а также опередить сразу трех географических соседей – Россию (65,42), Молдову (64,12) и Беларусь (59,85). Наиболее подверженной глобализации оказалась политическая сфера Украины (86,05 балла), а меньше всего социальная (60,06 балла). Рост значения отечественного индекса по сравнению с прошлыми годами во многом стал возможным благодаря существенному прогрессу в вопросах информационных потоков и культурного сходства [10]. Одна из самых больших угроз глобализационных процессов связана с массовой безработицей и мобильностью рабочей силы. Массовая миграция населения приобретает глобальные черты и превращается в серьезный источник обострения социально-экономической ситуации в мире. По данным ООН, ежегодно в поисках работы и лучших условий жизни эмигрируют 20 млн человек [11].

Под внешней миграцией следует понимать перемещение людей с целью повышения уровня жизни на основе более выгодного использования собственной рабочей силы без изменения постоянного места жительства. Причины внешней трудовой миграции носят почти исключительно экономический характер. Внешними причинами осуществления трудовой миграции гражданами Украины за границу являются в определенной степени низкий рынок труда других стран и материальное стимулирование результатов труда. Среди внутренних причин трудовой миграции граждан Украины за границу выделяются высокий уровень безработицы, низкий уровень оплаты результатов труда, отсутствие перспективы карьерного роста работника и другие социально-политические и экономические факторы, тормозящие развитие общества и государства.

Данные официальной статистики Украины даже приблизительно не отражают истинных масштабов трудовой миграции за границу. Численность украинцев, работающих за рубежом, составляет от 1 до 3 млн человек, по другим данным – от 2 до 7 млн человек [12, с. 13]. Большинство украинских мигрантов работает в России (от 100 тыс. человек до 1 млн). По данным Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека (2004 г.), в Польше ежегодно работает около 300 тыс. человек, в Чехии – 200 тыс., в Португалии – 150 тыс., в Испании и Италии – по 100 тыс., в Греции – 50 тыс., меньше – в Турции, Израиле, странах Северной Европы, Прибалтики, Ближнего Востока [12].

По продолжительности миграция делится на постоянную (безвозвратную) и временную (обратную). Постоянная (безвозвратная) миграция – это перемещение населения, сопровождающееся сменой постоянного места жительства. Масштабы указанных перемещений, структура населения, которое в них задействовано, обуславливают изменение количественных и качественных характеристик населения конкретного населенного пункта, увеличивают или уменьшают его трудовой потенциал. Примером постоянной миграции является переселение сельских жителей в города, а временной (обратной) – обучение, работа на остальной территории по контракту и тому подобное.

Временные миграции делятся на маятниковые, циклические, эпизодические виды. Маятниковая миграция – это ежедневные или еженедельные поездки населения из мест проживания до мест работы или учебы, расположенных в разных населенных пунктах. В маятниковых миграциях участвует значительная часть городского и сельского населения. Маятниковая миграция удовлетворяет материальные и социальные потребности, но приводит к чрезмерной усталости, потому что связана также с расходами свободного времени мигрантами, сокращает возможности их отдыха и восстановления сил, воспитания детей, повышение образовательного и культурного уровня и тому подобное. Циклическая (сезонная) миграция – это перемещение трудоспособного населения, связанное с поиском работы на время с возвращением на прежнее место проживания (например, сезонные работы). Эпизодическая миграция представляет собой деловые, культурно-бытовые, рекреационные и другие поездки, совершаемые нерегулярно. Вынужденная миграция – это перемещение лица, сопровождающееся пересечением государственной границы, в связи с совершением в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в любой форме или реальной возможностью подвергнуться насилию или преследованию, а также вынужденное перемещение граждан Украины, иностранцев или лиц без гражданства, проживающих или находящихся в Украине, что сопровождается пересечением границ административно-территориальных единиц Украины в связи с экологическими, техногенными, военными и другими обстоятельствами чрезвычайного характера.

Что касается возрастной характеристики, то самые высокие показатели миграционной активности зафиксировано среди лиц в возрасте 28–45 лет. Среди трудовых мигрантов подавляющее большинство женского пола. Если говорить об образовании, то трудовые мигранты в большей степени устраиваются на работу не по полученной специальности.

Важнейшими мотивами, которые побуждают к выезду за границу, являются:

- 1) заработок для улучшения жилищных условий (покупка квартиры или построение дома), приобретение машины или других дорогих товаров длительного пользования;
- 2) заработок для удовлетворения текущих жизненных потребностей: питания, приобретения необходимых товаров повседневного спроса (одежды и т.п.);
- 3) накопление средств для оплаты обучения в высших учебных заведениях;
- 4) накопление стартового капитала для создания собственного бизнеса или развития своего дела;

5) мотивы нематериального характера (увидеть мир, получить определенные трудовые навыки, улучшить знания языка и другое).

Наиболее популярные страны среди трудовых мигрантов – это США, Германия, Польша, Канада, Италия. Трудовая миграция в Украине, как и в Беларуси, имеет достаточно высокие показатели.

Как известно, между желанием найти временную работу за рубежом и возможностью его реализации стоит много обстоятельств и условий объективного и субъективного характера, способствующих или затрудняющих его осуществление. К объективным условиям можно отнести: особенности иммиграционной политики страны, которую выбирают для работы; состояние рынка труда; востребованность определенной профессии (сезонные рабочие, строители и другое); состояние межправительственных соглашений в сфере обмена рабочей силой и защиты прав трудящихся-мигрантов. Такие соглашения Республика Беларусь заключила с Россией, Молдовой, Украиной, Казахстаном, Литвой, Польшей и Арменией. Ведется работа по подготовке к заключению аналогичных соглашений с Чехией и Словакией. Следует отметить, что западные государства, стремясь защитить свой внутренний рынок труда, создают преграды для лиц, стремящихся эмигрировать из страны.

Заключение

Следует отметить, что глобализация – это сложное явление, которое охватывает различные сферы развития мирового хозяйства. Процессы глобализации свидетельствуют о взаимозависимости граждан и государств в современном мире, несмотря на их пространственное размещение или уровень политического, экономического и культурного развития. Глобализационный процесс является противоречивым, поскольку, с одной стороны, открывает новые возможности экономического и духовного развития, приводит к углублению хозяйственных связей и сотрудничества между странами, привлечению народов к большим достижениям, выработанным человечеством, а с другой – обостряет существующие и раскрывает новые проблемы и противоречия, которые нередко приводят к негативным последствиям, а именно трудовой миграции населения.

Миграция населения остается одной из основных проблем каждого государства и выражается в разных формах. Главной причиной миграции населения является плохое экономическое состояние страны, сопровождающееся падением уровня социальной защищенности граждан. Однако это выгодно для государств с хорошим экономическим положением, куда прибывает новая рабочая сила с определенным уровнем образования и профессиональными навыками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясперс, К. Т. *Смысл и назначение истории* / К. Т. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
2. Воробьева, Л. С. *Глобализация как социальное явление современности* / Л. С. Воробьева // *Наука. Религия. Общество*. – 2006. – № 2. – С. 199–204.
3. *Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура* : пер. с англ. / Д. Гёлди [и др.]. – М. : Феникс, 2003. – 584 с.
4. Лукашевич, В. М. *Глобалистика* / В. М. Лукашевич. – Львов : Новый мир, 2007. – 400 с.
5. Бек, У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию* / У. Бек. – М. : Прогресс, 2001. – 301 с.
6. Плохих, В. И. *Этническая глобализация: понятие и содержание* / В. И. Плохих // *Стратег. приоритеты*. – 2010. – № 3 (16). – С. 114–120.

7. Кузьменко, А. М. Глобализация, национальные духовные ценности, тайные операции спецслужб / А. М. Кузьменко // Юрид. журн. – 2006. – № 5. – С. 77–94.

8. Картунов, А. В. Введение в этнополитологию : науч.-учеб. пособие / А. В. Картунов. – Киев : Ин-т экономики, управления и хозяйств. права, 1999. – 300 с.

9. Ковалева, Г. П. Украина в мировых глобализационных процессах: вызовы и ответы / Г. П. Ковалева, В. А. Данильян // Науч. вестн. Сер. «Философия». – 2015. – Вып. 45, ч. I. – С. 231.

10. Подберезный, К. Украина поднялась на 3 строчки в глобальном рейтинге глобализации и заняла сорок четвертое место [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.capital.ua/ru/publication/18509-indeks-urovnyaglobalizatsiistanmira-kof-index-of-globalization>.

11. Статистические данные ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org.ua/ua/>.

12. Бурик, М. Состояние и тенденции развития образования Украины в условиях глобализации / М. Бурик. – М. : Четвертая волна, 2007. – 48 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2017

Blok N.V. The Impact of Globalization Processes on the Foreign Migration of Ukraine's Population

The article is devoted to research of problems of labour migration in the conditions of globalization which plays the most important role in the modern world migration process of the population. It is proved that the processes of globalization by its content are cultural, social, economic, political «challenges» for Ukraine. The globalization, in opinion of analysts, has both a positive and a negative impact on the development of Ukrainian society and the state.

УДК 1(091):165.0

М.В. Ровбо

*аспирант 1-го года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: ritarovbo@gmail.com*

СПЕЦИФИКА КРИТИКИ СПЕКУЛЯТИВНОГО РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И Ф. НИЦШЕ

Необходимость критики разума в его теоретическом применении осознавалась в равной мере как И. Кантом, так и Ф. Ницше, однако была у этих мыслителей совершенно различной. Сравнительный анализ осуществления критики спекулятивного разума у И. Канта и Ф. Ницше проводится по нескольким параметрам: во-первых, выявляется, что выступает инструментом критики у обоих мыслителей; во-вторых, определяется, как эти философы трактуют сущность истины. Наконец, обращается внимание на то, что понималось в философии И. Канта и Ф. Ницше под диалектикой и каким статусом она наделялась ими в философии и культуре в целом.

Введение

В истории философии И. Кант и Ф. Ницше зачастую представляются как антиподы: не только идеи, но даже стиль их философствования существенно отличаются. Однако И. Кант в своем беспристрастном стремлении к истине, вероятно, в большей степени, чем другие философы-классики, был близок к «ниспровергателю идолов» – Ф. Ницше. Оба мыслителя (каждый в свое время) провозгласили первоначальной своей задачей суд над разумом и тем самым придали философии статус особой деятельности, которая возвышается над всеми прочими видами деятельности и выступает в качестве диагностического инструмента. Философия, по убеждению и Канта, и Ницше, становится единственным полноправным источником объективной оценки познания, нравственности, истории развития общества.

Центральным в этой статье является именно гносеологический срез критики, представленной как критика разума в его теоретическом применении.

В исследовательской литературе [1–4] сопоставлялись философские идеи И. Канта и Ф. Ницше, освещались отдельные аспекты критических проектов философов. В данной же статье предложено комплексное рассмотрение критики спекулятивного разума у И. Канта и Ф. Ницше через их компаративный анализ на основании следующих параметров: инструмент критики, трактовка истины и определение статуса диалектики.

Цель статьи – определить специфику критики спекулятивного разума в философии И. Канта и Ф. Ницше. Реализация поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) выявление инструмента критики в критицизме Канта и философии Ф. Ницше;
- 2) определение сущности истины у И. Канта и Ф. Ницше;
- 3) экспликация статуса диалектики в философии И. Канта и Ф. Ницше.

Инструмент критики в кантовском критицизме и философии Ф. Ницше

В философии И. Канта можно выделить понимание разума в широком и узком смыслах. Разум в широком смысле – это все познавательные способности человека, включая чувственность и мышление, а в узком смысле разум – это высшая человеческая познавательная способность, возвышающаяся над рассудком. Для Ф. Ницше ра-

Научный руководитель – Т.Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

зум – это некая чуждая жизни сила, которая пронизывает европейскую культуру со времен философской деятельности Сократа и постепенно приводит европейскую культуру к состоянию полного упадка. В подходе Ф. Ницше к разуму изначально присутствует отчетливая оценка этой силы как частной способности человека, притязательной, однако, на универсальное господство.

В предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» И. Кант отмечает, что само время «требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание и учредил бы суд» [5, с. 11]. Суд этот, по И. Канту, «подтвердил бы справедливые требования разума был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания», но, что особенно важно, сделал это «не путем приказа, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума» [5, с. 11]. В качестве инструмента критики разума выступает не что иное, как сам разум (Ж. Делёз в связи с этим назовет кантовскую критику имманентной). При исследовании разума мы не можем выйти за те границы, которые сами же для себя установили для того, чтобы «устранить неосновательные притязания». На этот счет А. Бергсон приводит следующую ассоциацию: «Человеческий разум отсылается в угол, как наказанный школьник, не имея права повернуть голову, чтобы увидеть реальность такой, какова она есть» [6, с. 130].

Второй чертой кантовской критики разума является то, что в ней осуждается перешагивание разумом за пределы возможного опыта в сферу трансцендентного, тогда как сама эта сфера остается вне критики. Как замечает Ж. Делёз, «кантова критика имеет целью лишь оправдание, она начинается с веры в то, что критикует» [7, с. 191]. Поэтому неудивительно, что для Ницше Кант выступает как «коварный апологет» христианских идеалов. И. Кант ни в коей мере не подвергает сомнению традиционные для философии идеалы, оформление которых испытало на себе влияние христианства: подлинное познание, истина, подлинная мораль и др., – в то время как Ф. Ницше не останавливается и перед ними, бескомпромиссно подвергая их критике.

В отличие от И. Канта для Ф. Ницше весьма существенно то, кто критикует. Представление, что субъект критики абсолютно абстрактен, беспристрастен, не лишено наивного упрощения. В действительности же, убежден Ф. Ницше, все философы – адвокаты, «только не хотят носить эту кличку, и даже большей частью хитрые защитники своих предрассудков, которые они называют истинами» [8, с. 311], поэтому априорные синтетические суждения в устах любого человека ложны. Единственным полноправным критиком может быть еще «не сложившийся человек, тот, кто хочет быть преодоленным, превзойденным» [7, с. 100].

Главный инструмент критики, по Ф. Ницше, не разум, а воля к власти, которая выражена в жизни с ее инстинктивно-бессознательным, безусловным интуитивным началом. При этом нельзя сказать, что Ф. Ницше противопоставляет разуму нечто от него радикально отличное: скорее, разуму противопоставляется сама мысль, своеобразным способом «мыслящая наперекор разуму». Еще у И. Канта можно заметить разделение познания и мышления: у познания есть границы, мыслить же можно что угодно. У Ф. Ницше познание – это то, что противопоставляет себя жизни, мысль же, напротив, утверждает жизнь, «раскрывает и изобретает новые возможности». Еще со времен Сократа философы стремились подчинять мысль познанию, чтобы достигнуть «целей человека и разума», достигнуть истины. Ф. Ницше призывает поставить мысль в свое изначальное родство с жизнью, чтобы достичь новых возможностей и приблизиться к идеалу Сверхчеловека.

Истина как цель познания, и истина как сама жизнь

Вопросом об истине И. Кант задается во второй части трансцендентального учения о началах «Критики чистого разума» – трансцендентальной логике. Как отмечает

философ, этот вопрос всегда приводил логиков к «жалким рассуждениям» или к «признанию своего неведения», потому что всеобщий и верный критерий истинности для всякого знания формальная логика предложить не может. Дело в том, что если истина – это соответствие познания предмету, то, как пишет И. Кант, «следует отличать этот предмет от других предметов», между тем как всеобщий критерий истины безразличен к отличиям между предметами. В силу этого для формальной логики вполне характерно то, что знание не противоречит себе, но противоречит предмету [5, с. 159].

Можно заметить, что И. Кант изначально принимает так называемую номинальную дефиницию истины, согласно которой истина есть «соответствие знания с его предметом» (впоследствии она получит название корреспондентской). Правда, относительно гносеологии И. Канта корреспондентская теория истины выглядит несколько проблематичной и требует объяснения. Проблема заключается в разделении И. Кантом явлений и вещей в себе, что влечет за собой невозможность непосредственного сопоставления мысли со своим «объектом» как вещь в себе. Как замечает российский исследователь А.Н. Троепольский, истина у И. Канта – это действительно соответствие знания объекту, но «не непосредственное, а опосредованное, т.е. через чистое и эмпирическое созерцания» [9, с. 186]. Но это вовсе не значит, что явления – чисто психические сущности, так как мы имеем дело не только с внешним созерцанием, но и с лежащей в основе явления вещью самой по себе. Для истины совершенно достаточно находиться на уровне явлений, «в физическом познании мира нам нет никакой необходимости познавать мир на глубине вещей в себе» [9, с. 186].

Как не сомневается И. Кант в номинальной дефиниции истины, так не сомневается он в истине как таковой. Это станет одним из отправных пунктов для критики кантовской философии Ф. Ницше: И. Кант «никогда не ставит под сомнение ни ценность истины, ни мотивы нашего подчинения истине» [7, с. 200]. Для классической философии истина предстает как верховная инстанция, поэтому человек «хочет истины». В этом смысле И. Кант ничем не отличается от догматиков: кантовская критика оказывается для Ф. Ницше компромиссной и неполной; более того, сама по себе воля к истине есть симптом вырождения.

С одной стороны, истина для Ницше – это «затасканная химера» европейской культуры, «предрассудок, по которому можно узнать метафизиков всех времен» [8, с. 242]. У истины метафизиков особое происхождение: она не «из этого непрочного, обманчивого, ничтожного мира, из этой путаницы безумия и жадности... В недрах бытия, в незыблемом, скрытом божестве, в “вещи в себе” – вот где должны лежать основы, и более нигде» [8, с. 309]. Кроме того, истина как познавательный идеал имеет тесную связь с моралью, а потом, через нее, и с религией, с аскетическим идеалом. Как у И. Канта религия выводится из морали для того, чтобы преодолеть разрыв нравственности и счастья, так и Ф. Ницше видит между религией и моралью преемственную связь, но симптоматичную – как действие реактивных сил.

С другой стороны, для Ф. Ницше истина соотносится с волей, в связи с чем он задается вопросом: кто именно ищет истину? Соотнося истину с конкретной волей (перспективизм), Ф. Ницше сближает истину с заблуждением. «За всякой логикой и ее кажущейся самостоятельностью движения скрывается также оценка, точнее говоря, физиологические требования ради сохранения известного рода жизни. Например, что определенное ценится более неопределенного, обман ценится менее правды, – подобного рода оценки... суть только известного рода глупость, которая, пожалуй, нужна для сохранения таких существ, как мы» [8, с. 310]. Таким образом, Ф. Ницше предвосхищает прагматическую концепцию истины: что полезно, то и истинно.

Истина, если вообще применять такой нагруженный смыслами концепт к философии Ф. Ницше, наполняется жизнью, но теряет свой привилегированный, всеобщий

статус. Истиной становится сама жизнь с ее такими проявлениями, как обман, себялюбие, жадность и пр. Как отмечает М. Хайдеггер, «истина и ее постижение стоят на службе у жизни не только в смысле их употребления и применения: их сущность, способ их возникновения и, таким образом, даже их совершение осуществляются и направляются жизнью» [10, с. 226]. Уловить и артикулировать, однозначно выразить истину едва ли возможно: это момент неуловимости в общем потоке жизни, на который «должны и хотят полагаться люди, это то непреложное, с помощью которого они отделяют себя от всякого вопрошания и всякого дальнейшего беспокойства и тревоги» [10, с. 170].

Статус диалектики: логика иллюзий и «убийца трагедии»

Проблемой диалектики разума И. Кант занимается во втором отделе трансцендентальной логики «Критики чистого разума». При том, что Кант повлиял на развитие диалектики в немецком идеализме, нельзя не заметить, что все же философ стоял несколько особняком от последующих разработок диалектики как метода, а потом и как всеобщего принципа развития универсума. Для И. Канта в отличие от последующих мыслителей было характерно весьма специфическое понимание диалектики и ее назначения. Кантовское понимание диалектики раскрывается через проблему разума – разума в узком смысле как высшей познавательной способности, но и той способности, которой отказано в реальном развитии познания. Дело в том, что разум в своем стремлении продлить синтез рассудка до безусловного затрагивает проблемы, которым нет аналогов в опыте, и тем самым вводит познающего в заблуждение. Однако это не любые заблуждения (эмпирические или логические), а трансцендентальные – «призрачные надежды на расширение чистого рассудка». Трансцендентальная видимость являет себя тогда, когда разум выходит за пределы эмпирического применения категорий и принимается за определение вещей самих по себе.

Разуму следует освободиться от противоречий, которые подстерегают его из-за веры в познаваемость вещей и стремления на основе категорий довести синтез до безусловного. В результате такого синтеза образуются понятия разума, или трансцендентальные идеи, которые не имеют полноправного конститутивного применения. «Хотя мы и должны сказать о трансцендентальных понятиях разума, что они суть только идеи, тем не менее нам ни в коем случае нельзя считать их излишними и пустячными» [5, с. 298]. Согласно И. Канту, идеи служат рассудку, «направляют его лучше и дальше в этом его познании», выступая своего рода образцом познания, благодаря чему процесс познания не иссякает. Кроме того, трансцендентальные идеи «делают возможным переход от естественных понятий к практическим и таким образом могут дать самим моральным идеям опору и связь со спекулятивными знаниями разума» [5, с. 298]. Таким образом, хотя И. Кант полагает диалектику мнимым искусством, а сам отдел «Критики чистого разума», посвященный трансцендентальной диалектике, – наименее плодотворным ввиду заранее известных результатов, все же некое позитивное значение у диалектики существует.

Для Ф. Ницше также характерно довольно специфическое понимание диалектики. Свою критику в адрес диалектики Ф. Ницше выражает все же более жестко, чем Кант: диалектика для него – это бесплодная спекуляция, рабский образ мысли. Кроме того, диалектика – «убийца» конститутивного, по мысли Ницше, явления человеческой культуры – трагедии: «оптимистическая диалектика гонит бичом своих силлогизмов музыку из трагедии, т. е. разрушает существо трагедии» [11, с. 111]. Негативная оценка Ф. Ницше диалектики проявляется, по замечанию Ж. Делёза, в трех аспектах. Диалектика «не понимает смысла, поскольку ей неизвестна природа сил, реально овладевающих феноменами; она не понимает сущности, поскольку ей неизвестен действительный элемент, из которого происходят силы, их качества и отношения; она не понимает из-

менения и преобразования, поскольку довольствуется перестановками отвлеченных и ирреальных терминов» [7, с. 314]. Иными словами, диалектика в отрыве от жизни движется в стихии фикции, причем даже в самом движении видится не более чем механическая перестановка субъекта и предиката. Если спекулятивным двигателем диалектики является противоречие и его разрешение, то практическим – отчуждение и новое присвоение: природой диалектики выступает это «сутяжническое искусство оспаривать собственность и менять собственников» [7, с. 318].

В «Рождении трагедии из духа музыки» диалектике теоретического человека, этой «педантичной возне с понятиями», противопоставляется трагедия как «восхитительный альянс» двух природных сил, отраженных в образах Аполлона и Диониса.

Однако диалектика одерживает победу над трагическим взглядом на мир. Позже в «Ессе Ното» Ф. Ницше отмечает, что от этого сочинения «неприлично разит гегелевским духом» [12, с. 729]: действительно, достижение синтеза (трагедии) из противоположности Аполлона и Диониса может напоминать традиционный диалектический ход «тезис – антитезис – синтез». И все же назвать Ф. Ницше времен «Рождения трагедии» диалектиком можно только с большой натяжкой. Схема, представленная в книге Ницше, по словам Ж. Делёза, отличается от диалектики способом понимания противоречия и его разрешения. Существуют тонкие отличия: например, Дионис и Аполлон «противостоят друг другу не как члены одного противоречия, но скорее как два противоположных способа его разрешения» [7, с. 52]. Также не следует забывать, что Дионис – бог все же утверждающий, а не отрицающий жизнь.

Заклучение

Таким образом, необходимость критики разума в его теоретическом применении осознавалась в равной мере как Кантом, так и Ницше, однако сам процесс реализации подобной критики у этих мыслителей различен.

Если И. Кант осуществлял критику разума самим разумом ради достижения подлинной цели познания – истины, то у Ф. Ницше критической инстанцией выступает воля к власти, выраженная в жизни. Подлинной же целью критики являются уже иная чувственность, иное мышление – связанные с жизнью и выражающие ее. Если И. Кант, несмотря на оценку диалектики как логики видимости, признает ее естественность для разума и все же ее некую позитивную значимость, то для Ф. Ницше диалектика – чуждый жизни взгляд на мир, подавляющий эту жизнь и находящий свою неизбежную гибель в нигилизме.

В отличие от философа-классика И. Канта Ф. Ницше не видел в диалектике, точнее, в идеях разума, необходимого моста для перехода к сфере действительной морали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцева, Т. Г. Два проекта «критики разума»: И. Кант и Ф. Ницше / Т. Г. Румянцева // *Философия и соц. науки.* – 2009. – № 3. – С. 15–19.
2. Полякова, Е. А. «Vermöge eines Vermögens»: великий круг кантовской философии в интерпретации Ф. Ницше / Е. А. Полякова // *Вопр. философии.* – 2010. – № 3. – С. 137–147.
3. Филков, В. С. Понятие каузальности в философии Ницше (при обращении к теории каузальности Канта) / В. С. Филков // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* – 2016. – № 6. – С. 24–38.
4. Саликов, А. Н. Эволюция философии Ницше сквозь призму его восприятия учения Канта / А. Н. Саликов // *Аргументация и интерпретации: исследования по логи-*

ке, истории философии и социальной философии : сб. науч. ст. – Калининград, 2006. – С. 150–165.

5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского // Собр. соч. : в 6 т. – М., 1963–1966. – Т. 3. – 1964. – 799 с.

6. Бергсон, А. Введение. Часть вторая. О постановке проблем / А. Бергсон // Избранное: сознание и жизнь. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 99–150.

7. Делёз, Ж. Ницше и философия / Ж. Делёз ; пер. О. Хомы. – М. : Ad Marginem, 2003. – 381 с.

8. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше ; пер. П. Полилова // Собр. соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.

9. Троепольский, А. Н. Кант и корреспондентная теория истины / А. Н. Троепольский // Кант между Западом и Востоком : тр. междунар. семинара и междунар. конф. : в 2 ч. – Калининград, 2005. – Ч. 1. – С. 181–186.

10. Хайдеггер, М. Ницше / М. Хайдеггер ; пер. А. П. Шурбелева, послесл. Б. В. Маркова // Ницше : в 2 т. – СПб., 2006. – Т. 1. – 608 с.

11. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше ; пер. Г. А. Рачинского // Собр. соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 47–157.

12. Ницше, Ф. Ессе Homo / Ф. Ницше ; пер. Ю. М. Антоновского // Собр. соч. : в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 693–769.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.03.2019

Rovbo M.V. Specificity of the Critique of Speculative Reason in I. Kant's and F. Nietzsche's Philosophy

The article reveals specificity of the critique of speculative reason, presented in Kant's and Nietzsche's philosophy. Both Kant and Nietzsche were conscious of the need for critique of reason in its theoretical application; however, the ways of their criticism were completely different. In this article a comparative analysis of Kant's and Nietzsche's critique of speculative reason is made according to several parameters. Firstly, it is revealed, what are the instruments of critique for both thinkers. Secondly, it defines how Kant and Nietzsche interpret the essence of the truth. Finally, attention is drawn to how the philosophers understand the dialectic and what status is given it in philosophy and culture in general.

УДК 321.01

А.И. Лысюк

*д-р полит. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ailysiuk@list.ru*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНЦЕПЦИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Критическому анализу подвергаются работы русского философа Н. Бердяева, посвященные проблематике русской революции. Отмечается, что, согласно мнению Бердяева, ключевыми ее творцами выступили русская интеллигенция и русские марксисты, создавшие и предложившие обществу утопические и ложные социальные проекты. Главным их недостатком являлись атеизм, материализм, аморализм и чрезмерный эгалитаризм. Бердяев указывает и на душевную предрасположенность русского человека, в том числе и иррациональную, к социальным потрясениям, а также на присущие его душе противоречивость, склонность к крайностям и радикальным способам социального переустройства.

Введение

Николай Бердяев принадлежит к числу крупнейших российских философов конца XIX – первой половины XX в., но и представляет когорту мыслителей, которая, начиная с Достоевского, масштабно и глубоко исследовала социально-политические процессы, связанные с проблематикой русской революции. Особую ценность научным изысканиям выдающегося русского философа придает то, что, с одной стороны, сам Бердяев был современником (исследователем, участником и жертвой) происходивших в стране социальных потрясений. С другой стороны, его теоретическим постулатам изначально был свойственен дар политического пророчества, заключавшийся не только в обосновании неизбежности революционных изменений, но и в убежденности, что они приобретут трагические для российского государства и народа проявления и формы.

Практически все труды Бердяева посвящены проблеме судьбы России, ее настоящего и будущего, существенным образом были производными от идеи и практики Октябрьской революции 1917 г. О России и революции в его работах речь заходит даже в том случае, когда исследуются отвлеченные, на первый взгляд, от политических проблем метафизические вопросы: творчество, метафизика свободы, самопознание, вера, религия, сознание и др.

Применительно к теме русской революции его социальному творчеству присущи три особенности. Во-первых, Бердяев ее рассматривает в логической цепочке, в которой существуют три узла: 1) изучение кануна русской революции (статья в «Вехах» и сборник «Судьба России»); 2) анализ причин самой революции, что называется, по «горячим следам» (статья в сборнике «Из глубины»); 3) более детальное исследование содержания самой революции и ее продукта – советской системы («Истоки и смысл русского коммунизма», «Царство духа и царство кесаря» и др.).

Во-вторых, анализ революционных практик русского народа основан не на изучении экономических факторов, тем более в их марксистской трактовке, а на персоналистском подходе, направленном по своей природе на исследование души человека, которая посредством объективации трансформирует и социально-политические отношения. В своей философской автобиографии «Самопознание» Бердяев отмечает: он был всегда персоналистом, его «всегда мучили... вопросы о смысле жизни, о свободе, о назначении человека, о вечности, о страдании, о зле», в его философии центральное место

занимала проблематика объективации не только в эсхатологическом, но и в онтологическом значении [1, с. 74, 90].

В-третьих, обращаясь к работам русского философа, нельзя не согласиться с В. Шкодой, утверждавшим, что Бердяев является в первую очередь моралистом-метафизиком и «пафос *долженствования* у него всегда преобладал над пафосом *бытия*» [2, с. 3]. Поэтому при оценке любого общественного события он непременно использует нравственные, религиозные и иные ценностные критерии.

Особое значение для данного исследования имеют две работы Бердяева – «Судьба России», посвященная психологии русского народа, метастазам его духа и души в период радикальных социальных трансформаций, и «Истоки и смысл русского коммунизма», в которой изучается цепь метафизических причин, обусловивших революционный переворот в стране, формирование советской системы. Философом объясняются неутешительные итоги социалистического строительства в СССР, поскольку они радикально отличались от провозглашенного большевиками коммунистического идеала.

Русская интеллигенция как творец русской революции

Первоначально отметим, что уже в своих ранних трудах неизбежность (и необходимость) русской революции Бердяев обосновывал не экономическим материализмом и детерминизмом, а, с одной стороны, идеологическими, даже философскими императивами, продуцируемыми русской интеллигенцией, а с другой – абсолютными нравственными ценностями, которые должны были выступить базисом социально-политических преобразований в стране.

В работе «Философская истина и интеллигентская правда», опубликованной в сборнике статей «Вехи» (1909), указывается на колоссальный риск для будущего России, заложенный в далеких, на первый взгляд, от актуальных общественных обстоятельств философских исканиях, субъектом которых является российская интеллигенция, поскольку политические практики напрямую определяются господствующими в обществе идеологическими доктринами, философскими концепциями.

В чем же обвиняется Бердяевым русская интеллигенция как субъект общественных смыслов и отношений России начала XX в.?

Во-первых, и это самое главное, в отходе от истины и служения ей. Тех же персон, которые посвятили свою жизнь и творчество созданию «независимого знания», «возвышающегося над общественной злобой дня», в российском интеллектуальном обществе, по его мнению, подозревают в реакционности, в измене народу и народному делу. По убеждению Бердяева, немалая часть интеллигенции в своих работах продуцирует ложь, что неизбежно приведет страну и к социальной деструкции.

Во-вторых, в чрезмерном философском утилитаризме, ориентированном на удовлетворение потребностей и запросов определенных общественных сил, что предполагает ее изоляционизм и оторванность от мировых философских традиций и тенденций. Как отмечает Бердяев, «интерес широких кругов интеллигенции к философии исчерпывался потребностью в философской санкции ее общественных настроений и стремлений». В основе этого интереса находилось лишь то, «благоприятна или нет» конкретная «теория идее социализма» [3, с. 28–29].

В-третьих, на качестве философского знания негативным образом сказался эгалитарный тренд русской интеллигенции, ее «народопоклончество» – первоначально крестьянству, а впоследствии пролетариату, что неизбежно привело к искажению процесса поиска истины.

В-четвертых, Бердяев констатирует, что, несмотря на все публичные декларации о любви к человеку «из народа», русская интеллигенция, отрицая Бога и являясь преимущественно атеистической, в действительности оказалась неспособной к человеко-

любию, поскольку «подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке» [3, с. 31].

В-пятых, в понимании Бердяева, роковую роль сыграло и неправильное, превратное, чрезмерно «субъективное» прочтение экономического материализма и марксизма, в котором его позитивная производственно-созидательная сторона была отодвинута на второй план. На первый же была поставлена его *субъективно-классовая сторона*, основанная на исключительной любви к равенству, распределению и уравниению, вере в близость социалистического общества, которое будет построено в России даже раньше, чем на Западе, что противоречит логике развития производительных сил и производственных отношений в марксистском понимании.

В-шестых, совершенно искусственным и ложным оказалось деление философии на «пролетарскую» и «буржуазную», на «левую» и «правую», утверждение двух истин (полезной и вредной), что явилось проявлением ее (интеллигенции) умственного, культурного и нравственного разложения.

В конечном счете, констатирует Бердяев, все это привело к драме русской интеллигенции, аберрации ее сознания, так как она «дорожила *свободой* и исповедовала философию, в которой нет места для свободы, дорожила *личностью* и исповедовала философию, в которой нет места для личности, дорожила *смыслом прогресса* и исповедовала философию, в которой нет места для смысла прогресса, дорожила *соборностью человечества* и исповедовала философию, в которой нет места для соборности человечества, дорожила *справедливостью* и всякими высокими вещами и исповедовала философию, в которой нет места для справедливости и нет места для чего бы то ни было высокого» [3, с. 40].

Существует ли из этого выход? Да, убежден Бердяев, но только в том случае, если, с одной стороны, русская интеллигенция осознает свою виновность и освободится от внутреннего рабства, а с другой – избавится от пут, исказивших ее душу и умертвивших инстинкт истины: человекопоклонства и атеистичности сознания.

Марксизм и его роковая роль в русской революции

Значительную (и роковую) роль в новейшей истории России, по убеждению Бердяева, сыграл марксизм. Проблема заключается не столько в том, что он архаичен, не соответствует императивам современных научных философских знаний, искаженно отражает социальную действительность.

Главная проблема заключается в том, что марксистское учение претендует на то, чтобы быть религией, «идущей на смену христианству, претендует ответить на религиозные запросы человеческой души», т.е. стать цельным мировоззрением, дающим ответы на все вопросы жизни, определяющим смысл жизни человека, призванным, в конечном счете, привести к принудительному единству мысли. Для достижения этой цели марксизм требует «прежде всего изменения сознания. Религиозные верования должны быть уничтожены не тюрьмой, расстрелом и гонением, а революционизированием сознания» [4, с. 129–130].

Укоренение марксистской доктрины в российскую почву (и душу) приводит к серии разрушающих Россию эффектов. Ключевой проблемой марксизма, по убеждению Бердяева, выступает то, что идея коммунизма является социальной утопией, а следовательно, она не только неосуществима и бессмысленно расточает жизненные силы общества, но и неизбежно приведет Россию к социальной трагедии и отсталости.

В представлении Бердяева, настоящий «кошмар русского марксизма» выражается и в том, что, отрицая Бога, он одновременно отрицает и всякого человека как Его (Бога) образ и подобие, на котором изначально лежит печать божественности. Подоб-

ное отрицание включает в себе смерть свободе человека, которая по своей природе, имея «примат над бытием», действует как Свобода-Дух, творчески освобождая, преобразуя и возвышая конкретного индивида. Все это «превращает коммунизм в силу дегуманизирующую, враждебную человеку» [4, с. 145].

У Бердяева существуют и основательные моральные претензии к марксизму, который, по его убеждению, вдохновляется вовсе не состраданием к народу и жертвой во имя его освобождения и спасения. Он пишет: «Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это может быть и есть самое страшное в коммунизме» [4, с. 135]. Это с одной стороны. Но с другой – речь идет не об отказе русскими марксистами от морали как таковой. Бердяев констатирует, что моральный компонент отчетливо представлен в концепции Маркса, который осудил бесчеловечность капиталистического режима и для которого понятие эксплуатации является не только моральным, но и экономическим. Действительно, у марксистов отчетливо выражен страстный мотив негодования против несчастий и страданий, которым подвергаются обездоленные и угнетенные. Однако их изначальный атеизм приводит к тому, что они «не могут принять Творца, сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир. Они сами хотят создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий... Для революционера все морально, что служит революции... революционер уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть цели» [4, с. 35, 52]. При том что коммунистические партии ведут беспощадную борьбу с религией, в реальности эта борьба вызвана не столько тем, что религиозные принципы враждебны марксистской идее, сколько стремлением самого коммунизма приобрести многие черты религиозной системы и стать верой, но уже противоположной христианству. Поэтому, по убеждению Бердяева, русская революция является прежде всего феноменом духовно-религиозным, а только потом – социально-политическим. Для него очевидно, что завоевать и организовать власть, подчинив себе «рабоче-крестьянские массы», невозможно только силой оружия и чистым насилием.

Такая убежденность русского философа основана на выделении им совокупности религиозных черт, имманентно присущих марксизму: а) строгая догматическая система; б) разделение на ортодоксию и ересь; в) приобретение трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина статуса священного писания, так как они могут быть лишь «источниками», но не подвергаться сомнению; г) разделение мира на две части – верующих в марксистскую доктрину и неверующих в нее; д) перенесение совести от индивида в высшие партийные инстанции; е) фанатизм верующих; ж) отлучение и даже расстрел «еретиков»; з) признание первородного греха (эксплуатации); и) символическое «омирщвление» «Бога христианского», его замещение на «земного Бога», который выступает в образе сильного и властвующего над миром организованного пролетариата и его партии; к) целостность мирозерцания и скрепляющих его символов; л) присутствие качества мессианства сродни еврейскому мессианству и провозглашение, почти по Достоевскому, что «русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух» [5, с. 15]; м) государство вместо церкви призвано охранять образ человека от «демонов природы» и «звериных стихий».

Для Бердяева абсолютно неприемлемо и заложенное в марксизме отрицание ценности аристократического духа, аристократических идеалов «благородства, породы, качества». Коммунистическая идея настаивает на доминанте эгалитарности, на «духе большинства». Русский философ исходит из иного принципа: подобный подход совершенно непродуктивен, тем более учитывая то обстоятельство, что «разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии. Образуется новая иерархия и новая аристократия... И господство черни создает свое новое избранное меньшинство, свой подбор лучших и силь-

нейших в хамстве, князей и магнатов хамского царства» [6, с. 582–583]. В конечном счете все это приводит к утверждению в российском обществе провинциального, партикуляристического духа.

Бердяев указывает и на то, что марксизм неизбежно способствует понижению культурного уровня индивидов, страны в целом, воспринимая духовные ценности как иллюзии сознания, производные от материального фактора и отражающие экономическую структуру общества, а дух выступает только в качестве иллюзии плохо организованной материи. По его убеждению, «остаётся необъясненным, каким образом материальная реальность переходит в реальность интеллектуального и духовного порядка, каким образом экономика может перейти в познание или нравственность» [5, с. 308]. И это не отвлеченная философская проблема. С точки зрения Бердяева, доминанта материализма естественным образом приводит не только к понижению уровня духовной культуры общества. Существует угроза признания великой духовной культуры прошлого, великих произведений творческих гениев продуктом эксплуатации. Этому процессу способствует и то обстоятельство, что, по убеждению русского философа, марксизм содержательно является философией блага, а не ценностей. По этой причине для марксистов непонятен разговор о ценностях и их иерархии, поскольку в их философской системе существуют только необходимость, польза и благо.

Несмотря на то, что Бердяев провозглашает доктрину марксизма совершенно устаревшей, он одновременно констатирует, что она является чрезвычайно динамичной, обладает большой энергетикой и существенным влиянием в качестве демагогического пропагандистского оружия. Но эта динамичность в силу ее ложности заключает и серьезные социальные риски для России.

Психологические и духовные основания русской революции

Бердяев справедливо отмечает, что революция и захват власти большевиками были бы невозможны без переворота в душе народа. Тем более в ситуации, когда большевистская революция освободила, раскрепостила ранее скованные «народные силы» и призвала их к исторической активности, «историческому делу», социальному творчеству, обнаружив в русском народе огромную витальную силу.

Бердяев подчеркивает, что роковую роль в выработке нового душевного (и антропологического) типа русского человека, призванного к господству в революции, сыграла Первая мировая война, сформировавшая у представителей «рабоче-крестьянской среды» склонность к «нигилистическому цинизму на моральной основе», готовность переносить военные методы на организацию повседневной жизни и практиковать методическое насилие и жестокость, поскольку у них «мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость» [4, с. 101].

Предпосылки же к этому новому «душевному типу», вызвавшему к жизни «духи русской революции», были изначально заложенными в русском сердце. По убеждению Бердяева, эти «духи» были точно обозначены и описаны великими русскими писателями Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым и актуализировались в определенных, трагических для России, исторических обстоятельствах. Остановимся на этом подробнее. Бердяев указывает на то, что гению Гоголя «дано было открыть отрицательные стороны русского народа, его темных духов, все то, что в нем было нечеловеческого, искажающего образ и подобие Божие... Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре». В русской революции в полной мере раскрылась и проявилась «все та же старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая и полузвериная Россия харь и морд... Тщетны оказались надежды, что... личность человеческая подыметесь во весь рост после того как падет самовластье... Нет уже само-

державия, а русская тьма и русское зло остались» [7, с. 59–60]. В представлении Бердяева, Гоголь искал красоту в русском человеке, но так ее и не смог обнаружить. И если структуры и ценности прежнего социального организма, Российской империи сдерживали проявление многих не самых лучших качеств ее жителей, то их уничтожение привело к окончательному падению человека и «изолгание бытия правит революцией», «злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию» [7, с. 62].

Бердяев также доказывает, что Достоевский выступал пророком русской революции. Именно он первый обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, и главная ее проблема – это вопрос о Боге и бессмертии («Если Бога нет, то все позволено»). Великий писатель раскрыл, что природа русского человека является благоприятной почвой для антихристовых соблазнов, бесов, которые в революции порождают свое темное царство: а) соблазн превращения камней в хлеб, б) соблазн социального чуда, в) соблазн царства этого мира. Религия же социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей». И эта религия порождает «рабов необходимости» и «детей праха».

Русский социализм в концепции Достоевского, отмечает Бердяев, мыслится не больше и не меньше как окончательное устройство общества в его идеальности, как утверждение Царства Божьего в земном варианте, что не может не рассматриваться как бунт против Бога.

Достоевский видел особым духовным зрением, что русская революция будет страшной и трагичной, безрадостной и жуткой, мрачной и с «правом на бесчестье», поскольку в «массе народной» преобладает «смердяковский тип», что не может не привести к политическому торжеству «лакеев, ненавидящих Россию». Образ России у Достоевского, как отмечает Бердяев, безусловно, противоречив, вызывает противоположные чувства и двоится: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабской покорностью» [5, с. 11].

Бердяев указывает и на то, что Достоевский открыл и показал личностную одержимость, оккультную обремененность русских революционеров, делающую их «нравственными идиотами», и что ими владеют «не человеческие духи». Обращаясь к образу Петра Верховенского, Бердяев пишет: «Бесы окончательно овладели им и сделали его своим послушным орудием... Он поддался соблазнительной лжи, допустил бесов овладеть своей душой и потерял элементарное различие между добром и злом, потерял духовный центр» [7, с. 73]. Выдающийся русский философ убежден, что идеям Достоевского свойственно и анархическое начало, что было скрыто за его внешне консервативными политическими взглядами, и его монархизм принадлежит к анархическому типу, поскольку настаивает на теократической утопии, должной «преодолеть государство» и утвердить «Царство Божье».

Бердяев настаивает и на том, что «русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства», связавшего воедино русский морализм и русский аморализм и зафиксировавшего широкий спектр болезней русского нравственного сознания, а именно: а) отрицание личной нравственной ответственности и нравственной дисциплины; б) «слабое развитие чувства долга и чувства чести»; в) отсутствие осознания нравственной ценности личных качеств, и в целом «русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым», будучи чрезмерно погруженным в коллектив; г) он не чувствует неразрывной связи между своими правами и обязанностями; д) его моральная настроенность характеризуется болезненными претензиями ко всему

окружающему; е) «ему труднее всего почувствовать, что он сам – кузнец своей судьбы»; ж) он движется истребляющей моралью максимализма и дышит ненавистью ко всему историческому; з) наполнен иступленной эгалитарной страстью, в то время как мир сложен, иерархичен, многообразен и разнокачественен; и) следует антигосударственным анархическим инстинктам (для него государство – источник зла, в то время как оно изобличает грех и ставит ему пределы); к) склонен к идеализации простого народа как источника правды [7, с. 79, 81–82].

В силу того, что Л. Толстой в своих произведениях позитивно относится к этим качествам русского человека и всячески их поддерживает, Бердяев утверждает, что великий русский писатель мешал народному и развитию в России нравственно ответственной личности и потому был злым ее гением и соблазнителем. По его убеждению, толстовская мораль расслабила русский народ, лишила его мужества и достоинства в суровой исторической борьбе, убила в нем инстинкт силы и славы, но оставила инстинкт эгоизма, зависти и злобы. Бердяев отмечает, что «именно Толстой потребовал безумия в жизни, именно он не хотел допустить никакого компромисса между Богом и миром, именно он предложит рискнуть всем», что потенциально заключало риск радикализации революционного процесса [8, с. 157–158].

Одновременно в заслугу Л. Толстому Бердяев ставит то, что он раскрыл и продемонстрировал миру совокупность «нигилистических бесов», овладевших в предреволюционную эпоху русским народом, а именно: беса лжи и подмены, беса равенства, беса бесчестия, беса отрицания, беса непротивления и многих других. В конечном счете Бердяев, отмечая, что в русской революции проявляется великие грехи и соблазны, раскрытые великими русскими писателями, верит, что у низко павшего русского народа скрыты и великие возможности, а путь к национальному возрождению «лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских» [7, с. 89].

В представлении русского философа, в большевистской революции в полной мере и «в дурном смысле» проявилось также иррациональное душевное начало, «темное вино», не поддающееся рациональным объяснениям. Оно выступает в действиях людей как скрытая сила, безумная и опьяненная, как стихия непросветленная и не поддающаяся просветлению, отрицающая «трезвую правость». Эта сила способствует превращению России в мятежную страну и более того порождает жуткий, не желающий знать конкретной формы, совсем не эллинский – «варварский дионисизм», сопровождающийся взрывом необузданных страстей животной и божественной природы русского человека. По этой причине русский бунт является пламенной, огненной стихией, неведомой другим нациям и народам.

В представлении Бердяева душе русского человека по ее природе исторически присущи крайности: в ней достаточно сильно были представлены ангельское и звериное начала, их вечные колебания, но традиционно недостаточно было раскрыто человеческое, гуманистическое. В своем «ангельском» проявлении русский человек в социальной стихии бывает упоен неведомыми западным народам святостью, бескорыстием, жертвенностью, может быть устремлен к абсолютному, «последнему и окончательному», поиску абсолютной и божественной правды и спасения для всего мира. Но в меньшей степени он может быть «упоен грехом, низостью». Однако, как отмечает русский мыслитель, «в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы слишком часто приводит к рабству... и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти» [5, с. 32]. В этом отношении русская революция выступает как чисто национальная и азиатская, тем более что в ней существуют «мистические реакции» против прав и достоинства личности.

Очевидно, что социальные ориентации русского человека в ту или иную сторону зависят от уровня его культуры, от степени присвоения гуманистических ценностей. Этот «варварский дионисизм» приобрел огромную силу, поскольку, по мнению Бердяева, в ходе войны произошло значительное понижение уровня культуры населения страны. Поэтому русская революция оказалась грубой, и большевики продемонстрировали «уродливые выражения лица и жесты», поскольку были переполнены ненавистью и мстительностью, уродливыми по своей природе и им, в отличие от французских революционеров, не были свойственны ни риторика, ни театральность. Однако это иррациональное начало русской души, проявляющееся в революционной стихии, вполне поддается рационализации, если политиками выбраны верные смыслы и символы. По убеждению Бердяева, «иррациональные стихийные силы могут принять формы крайней рационализации. Таковы свойства революции. Революция всегда лишь результат взрыва иррациональных сил. И вместе с тем революция всегда стоит под знаком рациональных идей, тоталитарной рациональной доктрины... Миф революции, которым она движется, есть обыкновенно рациональный миф, он связан с верой в торжество социального разума, с рациональной утопией» [5, с. 330]. Идея коммунизма в ее рациональных аргументах и символах оказалась достаточно органичной для того, чтобы овладеть социальными массами и отдать предпочтение, образно говоря, «машине» вместо Бога.

Бердяев исходит и из того, что на ходе революции и ее последствиях существенным образом сказались и то, что русский народ в своем большинстве не является «мужественным строителем» и что его природа определяется как женственная, пассивная и покорная, традиционно ищущая и ждущая жениха, мужа, господина. И в первую очередь эта пассивность и «рецептивная женственность» проявляются по отношению к государственной власти и ее руководителям. В силу того, что она «вечно бабья», то и стремится к подчинению превосходящей ее силы, которую в полной мере продемонстрировали большевики и их лидеры. Это предопределяет принадлежность России к «лидерскому типу обществ», в котором «недостаток социального порядка компенсируется лидерством (монарха, диктатора, харизматика). Поэтому лидерское общество чрезвычайно зависимо от личных особенностей главы страны» [9, с. 23]. Ключевая его функция – «пьяной и темной дикости» противопоставить государственную волю, принуждающую к культуре, порядку, самодисциплине.

Заключение

Критический взгляд Бердяева на истоки и смысл русской революции основывается на нескольких соображениях. В первую очередь, он указывает на историческую вину русской интеллигенции, которая «заболела» атеизмом и «народополконством», а следовательно, предложила обществу утопические социальные проекты, основанные на лжи, отходе от социально-философской истины и на политической конъюнктуре.

В его представлении роковую роль в детерминации революции оказала и марксистская доктрина в ее российской (большевистской) версии, поскольку выступила в роли социального соблазна, обещая ни больше ни меньше социальное чудо и рай на земле. Для того чтобы появилась вера в то, что небеса, образно говоря, «упали на землю», необходимо было радикальным образом трансформировать душу русского человека, искоренив в ней религию, мораль и народную традицию.

Бердяев указывает и на то, что исторически в русском человеке существовала душевная предрасположенность к революционной стихии, описанная в произведениях Гоголя, Достоевского и Л. Толстого и пробудившая в 1917 г. «духи русской революции» и иррациональное «темное вино», овладевшие массами.

Неудача коммунистического проекта в России объясняется Бердяевым как результат отхода в жизни русского человека от приоритета ценностей к приоритету блага, от духовного и культурного к материальному и утилитарному.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1991. – 224 с.
2. Шкода, В. В. О человеке, который ставил свободу выше Бога / В. В. Шкода // Философия свободы. – М., 2004. – С. 3–23.
3. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 24–42.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
5. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Совет. писатель, 1990. – 348 с.
6. Бердяев, Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев // Философия свободы. – М., 2004. – С. 477–728.
7. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Из глубины : сб. ст. о русской революции. – М., 1990. – С. 55–89.
8. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Самопознание : сочинения / Н. А. Бердяев. – М., 2005. – С. 13–258.
9. Пригожин, А. И. Патологии политического лидерства в России / А. И. Пригожин // Обществ. науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 23–29.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2019

Lysiuk A.I. Russian Revolution in the Conception of Nikolai Berdyaev

In the article, the works of the Russian philosopher Nikolai Berdyaev devoted to the Russian revolution are subjected to a critical analysis. According to the Russian philosopher, its (revolution) key creators were Russian intelligentsia and Russian Marxists, who had been creating and proposing to society utopian and false social projects. Their main disadvantage was atheism, materialism, amoralism and excessive egalitarianism. Berdyaev points out to the spiritual predisposition of Russian people, including irrational, to social upheavals, as well as to an inconsistency inherent to their soul, inclination to extreme and to radical ways of social reorganization.

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: Endhause1982@mail.ru

ТЕОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Многие из трудноразрешимых задач в области прав человека, стоящих сегодня перед мировым сообществом, тесно связаны с религией и верой. Усложнение политических конфликтов религиозными факторами, мировоззренческая нетерпимость, рост религиозной ненависти, а также широко распространенное недопонимание относительно характера отношений между религией и универсальными правами и свободами приводит к усложнению процесса их обеспечения. В современном политическом пространстве все мировые религиозные традиции демонстрируют дуализм в восприятии прав человека, сочетая консервативные и прогрессивные подходы. В предложенном исследовании на основе католической, православной и исламской концепций рассматривается специфика теоцентрического понимания феномена прав и свобод человека.

Введение

В современном поликультурном и поликонфессиональном мире сложно прийти к согласию относительно того, какое содержательное пространство охватывают такие значимые феномены, как «человек» и «права и свободы». Развитие информационного общества, миграционные и иные демографические тенденции привели к тому, что мир больше не делится на изолированные мировоззренческие регионы. Чем более многонациональным, многоязыким, поликонфессиональным и поликультурным является проживающее на территории государства население, тем труднее прийти к согласию относительно основных принципов демократии и, соответственно, тем сложнее становится политическая жизнь [1].

Через 80 лет после принятия Всеобщей декларации прав человека транскультурная значимость прав человека находится под вопросом. В центре этого дискурса, который осуществляется различными идеологическими средствами, важное место занимает религиозный фактор.

На этапе становления и развития идея прав человека неоднократно сталкивалась с противодействием со стороны церкви, которая воспринимала идею универсальных прав человека как проявление греховной автономии личности, как пренебрежение авторитетом духовной власти или как попытку заменить христианскую мораль альтернативой светской. Политические основания данного конфликта базируются на расколе союза церкви и государства, на противоречиях, возникших между духовной и светской властью, христианским гуманизмом и революционным характером социально-политических преобразований, между консервативно ориентированной идеологией католицизма и верой в неограниченные возможности разума, либеральную концепцию человека. Тем не менее распространение идеалов свободы религиозной совести, идей антиклерикализма, секуляризма в сознании широких народных масс в эпоху Возрождения и Реформации было подготовлено средневековыми ересями [2, с. 23].

С историко-политической точки зрения права человека стали логическим завершением процессов Возрождения и Реформации, означавшей системную перестройку католической церкви и государства в соответствии с требованиями грядущей капиталистической эры, противопоставившей сословно-феодалным порядкам идеологию гуманизма и частного предпринимательства, личной инициативы и свободы, идею незави-

симости мировоззренческих позиций. «Именно на этом поле битвы, – утверждает Дж. Милль, – права меньшинства были принципиально утверждены и отвергнуты притязания общества управлять диссидентами. Великие писатели, которым мир обязан религиозной терпимостью, определяли свободу совести как неоспоримое право» [3, с. 12]. По существу, исходя из логики развития прав человека, свобода совести стала предпосылкой возникновения светской концепции прав человека. При этом непререкаемым источником христианского плюрализма и идеи прав человека стала Библия. Процесс политико-правового признания прав человека в европейском цивилизационном пространстве сопровождался становлением суверенных национальных государств, утверждением независимости национальной церкви.

На наш взгляд, и закон, и религия являются нормативными системами. Верховенство права основывается прежде всего на безусловном приоритете и главенстве закона в политико-правовой системе. В демократических политических системах права человека являются ценностным основанием закона, который в свою очередь является механизмом реализации прав и свобод, накладывая обязательства и ответственность как на индивидов и институты гражданского общества, так и на государство. Правила поведения в религиозном понимании не имеют обязательной юридической силы, хотя нельзя игнорировать явное влияние религии как источника моральных норм на развитие общества. Сегодня большинство государств позиционируют ценностно-нейтральный подход, реализуя в национальной политико-правовой практике принцип идеологического плюрализма. С другой стороны, религия оказывает значительное влияние не только на моральные аспекты жизнедеятельности индивидов, но также и на процессы нормотворчества и правоприменения. Следует согласиться и с утверждением, что современное светское право в значительной степени основано на религиозных ценностях и исходит из них.

Исследуемая нами проблематика нашла свое отражение в ряде международных политико-правовых актов: Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.), Парижской хартии для Новой Европы (21 ноября 1990 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (25 ноября 1981 г.), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (26 мая 1995 г.) и др. Отдельные государства сделали оговорки к статьям основных конвенций по правам человека на том основании, что национальные законы, традиции, религия или культура не соответствуют принципам и положениям, изложенным в соответствующем политико-правовом акте. По мнению американского ученого Ф. Фукуямы, «как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [4, с. 155].

Несмотря на то, что фактически невозможно достичь политического консенсуса в вопросах, в которых замешана религия, начиная с 1960-х гг. XX в. большинство церквей одобрило идею универсальных прав человека в целом и свободы совести в частности. Начало этому процессу положил Второй Ватиканский Собор (1962–1965 гг.), одним из итогов которого стало принятие Декларации о религиозной свободе. Следует отметить, что «Римско-католическая церковь – особый актер, совмещающий в себе свойства транснационального неправительственного учреждения и одновременно суверенного государства» [5, с. 168]. К настоящему времени наиболее системно позиции христианских и исламских религиозных институтов в области прав человека представлены в таких сводах и региональных политико-правовых актах, как «Основы социального концепции Русской Православной Церкви», «Компендиум социального учения Костела»,

Всеобщая исламская декларация прав человека, Каирская декларация о правах человека в исламе, Арабская хартия прав человека.

В религиозном понимании творцом человека его прав и свобод утверждается Бог, первоисточниками божественного закона являются священные книги. Основанием христианской концепции прав человека является Библия – основа христианского гуманизма. В Православии неизменно присутствует убежденность в том, что общество, устраивая земную жизнь, должно учитывать не только человеческие интересы и желания, но и Божию правду, данный Творцом вечный нравственный закон, действующий в мире вне зависимости от того, согласна ли с ним воля отдельных людей или человеческих сообществ. Этот закон, запечатленный в Священном Писании, для православного христианина выше любых иных установлений [6, с. 17].

Русская Православная Церковь утверждает, что «политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и действовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию» [6, с. 18–19]. Современная концепция прав и свобод человека воспринимается Русской Православной Церковью как достижение развития человеческой цивилизации, а также в качестве эффективного института построения отношений как между государствами, так между различными социальными группами внутри одного государства. Официальная церковная позиция по правам и свободам человека признает необходимость их соотношения с национальными традициями, национальным менталитетом, национальной культурой того или иного общества.

В свою очередь, Костел видит в правах человека фундамент обеспечения достоинства человека, «исключительную возможность, которую дает наше время, через которую подтверждается и укрепляется человеческое достоинство, как черта, которой Бог Создатель наделил свое творение» [7, с. 118]. Ватикан отметил исключительную важность факта международного признания широкой концепции прав человека – принятия Всеобщей декларации прав человека, которую Иоанн Павел II назвал «настоящей вехой на пути морального развития человечества» [7, с. 119].

Исламская концепция прав человека представляет собой совокупность допустимых исламом норм, регулирующих взаимоотношения исламских государств с мусульманами и не мусульманами, проживающими на территории мусульманских государств, направленных на защиту прав и свобод человека. Из-за специфики религиозной системы ислама в политической области существует принцип неразделенности светской и духовной властей, а в социальной – равенство членов общины и безусловный приоритет общественных целей над индивидуальными [8, с. 67].

Источниками исламской концепции прав человека в первую очередь являются Коран и Сунна (описание жизни Пророка). После смерти Пророка стали возникать новые вопросы, однозначного ответа на которые в исламских первоисточниках не содержалось. «В связи с этим, – утверждает Аль Али Насер, – появилась вторая категория источников мусульманского права и прав человека в исламе, которая приспособила мусульманские правила поведения к потребностям общественного развития... Источником второй категории является иджтихад – творческая разработка новых правовых норм» [9, с. 23]. Иджтихад не может проводиться по тем аятам Корана или хадисам, смысл которых ясен и однозначен, а также по тем проблемам, по которым имеется идж-

ма – единодушное мнение муджтахидов относительно правовых вопросов. «Иджтихадом является либо вынесение независимых решений непосредственно из первоисточников, либо же применение уже решенных предшественниками проблем» [10, с. 265]. Хадисы представляют собой предания о словах и действиях Мухаммада.

«Ведущим конституционным принципом, отражающим влияние исламских институтов и норм на государственное право и одновременно выступающим правовой основой такого влияния, является признание ислама государственной религией» [11, с. 150]. Ее сторонники утверждают, что исламские источники способны обеспечить эффективную защиту прав и свобод человека, а следовательно, нет необходимости опираться на международные стандарты в этой области. Четырнадцать столетий назад Ислам дал человечеству идеальный кодекс прав человека. Основная цель этого кодекса – даровать человечеству гарантию чести и достоинства [11].

Во Всеобщей декларации прав человека отмечается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и своих правах» (ст. 1). «В восточной христианской традиции понятие «достоинство» имеет в первую очередь нравственный смысл, а представления о том, что достойно, а что недостойно, крепко связано с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души. Учитывая помраченное грехом состояние человеческой природы, важно ясно различать достойное и недостойное в жизни человека», – утверждает в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [6, с. 45].

«Люди в наше время все яснее осознают достоинство человеческой личности, и растет число тех, кто требует, чтобы в своей деятельности люди обладали и пользовались собственным разумением и ответственной свободой – не по принуждению, но руководствуясь сознанием собственного долга. Они требуют также юридического ограничения гражданской власти, чтобы границы достойной свободы личности и объединений не слишком сужались», – отмечено в Декларации о религиозной свободе Католической Церкви [7, с. 9].

Религиозный взгляд на свободу и права человека всегда был и остается тесно связанным с определенным видением нравственного порядка, в котором человеческая личность представляется в первую очередь как духовная сущность. Рассматривая права человека в данном контексте с точки зрения моральных обязательств, следует понимать, что речь идет не просто о «свободе», а о «свободе от греха». На наш взгляд, диалектика прав и обязанностей, закреплённая в международных и национальных политико-правовых актах, устанавливает нужный предел. Фундаментальные принципы мировых религий отрицают любые властные тоталитарные устремления ко всемогуществу, что в конечном итоге подтверждает стремление современного сообщества к достижению внутренней и внешней человеческой свободы. Присущее каждой личности достоинство связывает нас с другими людьми, с порядком и завершенностью нашего мира, является источником прав и свобод. Таким образом, такая фундаментальная категория, как достоинство, объединяет права и свободы человека практически со всеми религиозными традициями, утверждая концепт прав и свобод в качестве значимого достижения мировой культуры и цивилизации.

Мы полагаем, что «участие религиозных организаций в обсуждении прав и свобод человека важно и необходимо не только с позиции того, что свобода совести получает все большее развитие в современной политической реальности, но также как необходимое условие построения демократического общества, в котором на первом месте стоит взаимное уважение и желание услышать и понять своих собеседников и оппонентов» [15].

Согласно положениям «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», «утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует

об утрате обществом религиозных целей и ценностей... Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих и неверующих слоев общества» [6, с. 55–56].

Католическая концепция обосновывает безусловную значимость феномена свободы совести. «Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения со стороны как отдельных лиц, так и социальных групп, а также какой бы то ни было человеческой власти, дабы благодаря этому в религиозных вопросах никого не заставляли действовать против своей совести и не препятствовали действовать в должных пределах согласно своей совести: как в частной, так и в общественной жизни, как в одиночку, так и в сообществе с другими людьми...» [7, с. 23].

«Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения. Кто не верует в тагута, а верует в Аллаха, тот ухватился за самую надежную ручку, которая никогда не обломится... Если бы твой Господь пожелал, то уверовали бы все. Разве ты стал бы принуждать людей обратиться в верующих?», – в свою очередь утверждается в Коране (сура 2 «Корова», аят 256; сура 10 «Йунус», аят 99) [14].

Вместе с тем именно свобода совести способствуют консолидации современного политического и религиозного мира в борьбе с нарушениями прав человека. Как социально-политическое явление свобода совести ориентирована на терпимое восприятие оппонента, его мировоззрения и мнения ориентированного на общечеловеческие ценности; склонность к консенсусному разрешению назревших проблем и бесконфликтному характеру политической деятельности.

На наш взгляд, мировые религии и права человека имеют единые общечеловеческие морально-нравственные основания, обладают мощнейшим воспитательным культурообразующим потенциалом. Альянс прав человека и религии является значимым фактором, обеспечивающим как легитимность религиозной идеологии и идеологии прав человека, так и стабильность политического миропорядка в целом. Сила веры во взаимодействии с правами человека с одной стороны необходима для защиты светской и духовной властей, с другой – для предотвращения их злоупотребления в отношении личности. Права человека и религии разделяют утверждение, что права и свободы имеют догосударственное происхождение и присущи каждому индивиду с момента рождения уже на том основании, что он является человеком. Действия, вдохновленные религией и правами человека, были и остаются одним из самых важных факторов борьбы против репрессивных политических систем во всем мире.

Принимая законы, основанные на правах человека, государство помогает различным религиозным конфессиям, а также членам с различным мировоззрением одной и той же конфессии жить вместе в общем политическом пространстве. Религиозные институты, стараясь привести свои позиции в соответствие со стандартами в области прав человека, обеспечивают политико-правовой фундамент своей жизнедеятельности в условиях меняющегося мира. Проблему прав и свобод человека невозможно решить только в пространстве религии, политики или правового поля; это комплексный вопрос, который необходимо решать системно.

Заключение

Попытки обоснования прав человека имеются во всех мировых религиях. Но в настоящее время все мировые религии в том или ином виде пропагандируют идеи равенства и справедливости, но, как правило, в рамках своих конфессий. Другим важным постулатом теоцентрической парадигмы является наличие, наряду с правами, обязанностей у последователей той или иной веры, соблюдение которых является обязательным.

«Среди характеристик, объединяющих различные религиозные подходы, можно назвать следующие:

- подразумеваемые права человека пользуются авторитетом, так как они возвращаются к Создателю везде и всюду, независимо от культурных традиций и политических господствующих форм;
- человеку (общности) как божественному творению присуждается неоспоримая ценность. Достоинство человека невозможно опровергнуть светской властью;
- права человека диалектически связаны с обязанностями человека перед Богом. Ядром религии является вера. Духовно-этический компонент человеческой личности, стремление человека к моральному абсолюту находит свое наиболее полное выражение в вере и служении Создателю;
- религиозная позиция общеприменима в той мере, в какой она базируется на гуманистических ценностях;
- полное применение религиозного подхода фактически лишает современное секулярное учение о неотъемлемых правах человека всякого позитивного содержания;
- традиционно религиозные институты ограничивали круг субъектов прав единоверцами» [15, с. 77].

С религиозной точки зрения, личность и общество не самодостаточны, поэтому для их нравственного усовершенствования обязательно потребуются некое богословское каноническое вторжение ценностей более высокого порядка, чем те, которые выработал человек. Религия строит моральную систему или теорию прав человека «сверху», от Бога, секулярный либерализм, напротив, делает это «снизу», от воли человека. Человек – духовное-материальное существо. Попытки сузить духовную составляющую человека к материальной подмывают подлинное понимание ценности человеческой личности, прав, свобод и обязанностей. Именно мировой религиозный опыт принес в социально-политическую реальность моральный критерий – меру человеческого достоинства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Линц, Х. Государственность, национализм и демократизация [Электронный ресурс] / Х. Линц, А. Степан. – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/1997-5-2-Linz-Stepan.pdf>. – Дата доступа: 23.12.2018.
2. Савельев, В. Н. Свобода совести: история и теория / В. Н. Савельев. – М. : Высш. шк., 1991. – 144 с.
3. Милль, Дж. О свободе / Дж. Милль // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15.
4. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
5. Земляков, Л. Е. Актуальные вопросы взаимоотношения государства и Римско-католической церкви в современной Беларуси / Л. Е. Земляков, А. В. Шерис // Филос. исслед. : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: Т. И. Адуло (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 3. – 292 с.
6. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М. : Данил. благовестник, 2000. – 188 с.
7. Кампендый сацыяльнага вучэння Касцёла / Папская рада «IUSTITIA ET PAX». – Мінск : Про Хрысто, 2011. – 605 с.
8. Малашенко, А. Ислам в политике и политика в исламе / А. Малашенко // Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 11. – С. 67–76.

9. Насер, Аль Али. Защита прав и свобод человека в арабских странах : монография / Аль Али Насер. – М. : КНОРУС, 2015. – 192 с.
10. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – М. : Ансар, 2007. – 400 с.
11. Сюкияйнен, Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики / Л. Р. Сюкияйнен. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
12. Всеобщая исламская декларация прав человека [Электронный ресурс] : [принята по инициативе Исламского совета Европы и зачитана 19 сент. 1981 г. в Париже (Франция) в штаб-квартире ЮНЕСКО] // СА&С Press АВhttps. – Режим доступа: https://ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml. – Дата доступа: 24.01.2019.
13. Всеобщая декларация прав человека : [принята и провозглашена резолюцией 217А(III) Генер. Ассамблеи ООН, 10 дек. 1948 г.] // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск, 2009. – Т. 1. – С. 78–82.
14. Кулиев, Э. Смысловой перевод Корана на русском языке [Электронный ресурс] / Э. Кулиев // vkoqane.info. – Режим доступа: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=%3A/>. – Дата доступа: 16.02.2019.
15. Северин, Э. Н. Теоретические аспекты прав человека / Э. Н. Северин // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2017. – № 1. – С. 73–80.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.03.2019

Severin E.N. Theocentric Human Rights Paradigm: Political Aspects

In the area of human rights some of the most difficult tasks facing the global community are closely related to religion and faith. Religious aggravation of political conflicts, intolerance to beliefs, growing religious hatred as well as the widespread misinterpretation of the nature of the relations between religion and universal rights and freedoms impedes their implementation process. The modern political space is characterized by the dualistic conservative and progressive approach to the understanding of human rights demonstrated by each and every religious tradition of the world. This research considers the specific character of the theocentric approach to human rights and freedoms based on the concepts of Catholicism, Orthodoxy and Islam.

УДК 316.454.5

Н.Н. Левчук

канд. полит. наук, нач. научно-исследовательского отдела
Научно-исследовательского института Вооруженных сил Республики Беларусь
e-mail: 1234_73@list.ru

БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ: ОТ ИННОВАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ К ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследуется феномен инновационной безопасности, который реализуется на основе интегративного подхода к реализации инновационного комплекса повышения конкурентоспособности, обороноспособности и политической стабильности. Выявляются параметры четвертой промышленной революции и ее роль в переходе белорусской экономики к новому (шестому) технологическому укладу. Концептуализация инновационной безопасности отражает возрастающую зависимость экономического роста от параметров инновационного развития, с одной стороны, и неуклонное движение в сторону повышения роли экономического обеспечения национальной безопасности, с другой. Это усиливает значение технологической составляющей в развитии экономики. Задача статьи – детализация фактора технологического уклада в системе национальной безопасности, его корреляция с общеэкономическими процессами, включая процессы инновационного развития.

Введение

Разностороннее влияние инновационного фактора на обеспечение национальной безопасности выявляет комплекс техносциальных оснований защиты интересов государства в инновационной сфере, которая в условиях перехода к новому (шестому) технологическому укладу требует постоянного научного осмысления, выработки референтных методологических подходов. Меры по обеспечению инновационной безопасности предполагают работу на опережение, а для их применения необходимо прогностическое (форсайтное) видение инновационно-технологических процессов в глобальном масштабе.

Целью настоящей статьи является концептуализация инновационной безопасности. Для достижения поставленной цели использован интегративный подход, реализуемый в целостном соединении обороноспособности, конкурентоспособности и политической стабильности, которые, являясь формально разнородными элементами, характеризующими эффективное функционирование государства, формируют комплекс инновационной безопасности. Техносциальные основания данного феномена предполагают гуманитарное осмысление процессов влияния технологической эволюции на рефлексивные организованности социума, институциональное и общественное развитие.

Предметное поле статьи предопределяется социосистемным комплексом инновационной безопасности, представляющей собой ряд научно-технологических и институциональных мер, синтез экономических, геополитических и оборонных мероприятий по защите жизненно важных интересов страны в отношении развития ее инновационного потенциала.

Под инновационной эффективностью подразумевается конкурентоспособность национальной инновационной системы (НИС) по показателям планомерного внедрения инноваций и роста доли инновационных продуктов в ВВП, достижение баланса между стабильностью (управление традиционной технологией) и усилиями по внедрению новой технологии. Технологический уклад – устоявшийся и устойчивый воспроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему

типу общественного потребления, который в свою очередь предопределяет уровень развития технологий. Как отмечает С.Ю. Глазьев, в технологической структуре экономики можно выделить группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности – технологические уклады. Жизненный цикл технологического уклада охватывает около столетия, при этом период его доминирования в развитии экономики составляет от 40 до 60 лет, по мере ускорения НТП и сокращения длительности научно-производственных циклов этот период постепенно сокращается [1, с. 11]. Драйвер перехода к новому укладу – 4-я промышленная революция (рисунок 1), которая нацелена на коренное преобразование глобальных цепочек создания стоимости.

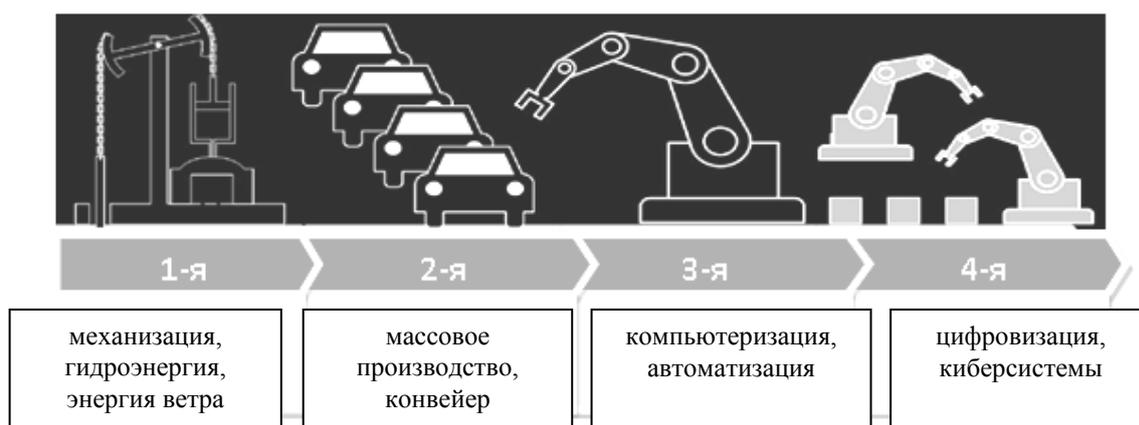

Рисунок 1. – 4-я промышленная революция в порядке классификации [2, с. 11]

Как отмечает К. Шваб, распространяя технологию «умных заводов», 4-я промышленная революция создает мир, в котором виртуальные и физические системы производства гибко взаимодействуют между собой на глобальном уровне. Это обеспечивает полную адаптацию продуктов и создание новых операционных моделей. Одновременно возникают волны дальнейших прорывов в самых различных областях: от расшифровки информации, записанной в человеческих генах, до нанотехнологий, от возобновляемых энергоресурсов до квантовых вычислений. Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций. В ходе этой революции новейшие технологии и универсальные инновации распространяются значительно быстрее и куда более масштабно, чем во время ее предшественниц, которые, кстати, еще продолжают в некоторых странах мира [2, с. 12].

Техносоциальные презумпции [3, с. 28] четвертой промышленной революции заставляют пересмотреть господствующую экономикоцентричную матрицу инновационного процесса в научных представлениях. О том, что такой пересмотр назрел, свидетельствуют, как минимум, две предпосылки, на которые обращает внимание К. Шваб. Во-первых, существующий уровень управления и осознания текущих изменений по всем областям, которые затрагивают инновационный процесс, крайне низок в сравнении с необходимостью переосмысления экономических, социальных и политических систем, чтобы ответить на вызовы четвертой промышленной революции, в результате чего национальные и глобальные организационные структуры, необходимые для регулируемого распространения инноваций, в лучшем случае являются неадекватными, а в худшем – полностью отсутствуют.

Во-вторых, отсутствует последовательная, позитивная и единая концепция представлений об инновационном будущем человечества, которая могла бы предопределить

возможности и вызовы четвертой промышленной революции и которая имеет принципиальное значение для вовлечения в процесс различных слоев и сообществ, а также для предотвращения негативной реакции общества на происходящие кардинальные изменения [2, с. 12]. При поступательном массовом вовлечении социума в данные процессы инновационное сознание общества будет приобретать осязаемые социокультурные очертания, но для этого необходима соответствующая базовая стратегия.

В ходе II съезда белорусских ученых был представлен проект стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» [4], где определена модель «Беларуси интеллектуальной». Ее ключевые компоненты – сквозная цифровизация экономики и создание IT-страны, развитый неоиндустриальный комплекс, отвечающий вызовам четвертой промышленной революции; высокоинтеллектуальное общество. В условиях возрастающей глобальной научно-технологической и экономической конкуренции, приводящей и к возникновению военных конфликтов, данный проект можно рассматривать в контексте концептуализации инновационной безопасности. «Беларусь интеллектуальная» представляет собой концепцию инновационного рывка, но она требует социогуманитарной научной рефлексии для адаптации белорусского общества в грядущем мире инновационных технологий и войн нового поколения.

Такие войны ориентированы на принуждение к капитуляции неподготовленных в информационном и экономическом плане противников путем внедрения хаоса, паники и временного вывода из строя основополагающих составляющих жизнедеятельности государства без их физического уничтожения. Решающая роль отводится уже не большому количеству сухопутных войск, не ядерному, а высокоточному обычному и ударному оборонительному и оружию на новых физических принципах, информационному оружию [5, с. 38], что позволяет заявить о возникновении нового феномена – инновационной войны. Она является таковой не только по формам и способам действия, но и объектам воздействия. Мощь агрессора направлена на безусловное поражение объектов экономики противника путем одновременного нанесения мощнейших информационных ударов и массированных ударов непилотируемого высокоточного оружия различного базирования [5, с. 38]. Такие удары способны парализовать жизнедеятельность любого государства в любом регионе мира для того, чтобы в итоге взять под контроль его политическую сферу и экономику.

В своем высшем проявлении инновационная война – это системное соревнование научно-технологических и организационных решений, позволяющих содержать вооруженные силы на инновационном уровне оборонной достаточности. Ее технологическим базисом на современном уровне развития полупроводниковой технологии является электронно-компонентная база автоматизированных систем управления, выполненная на уровне современных нанотехнологий [6]. Их внедрение в производство символизирует переход к VI технологическому укладу, является индикатором состоятельности в сфере обеспечения инновационной безопасности государства.

С точки зрения технологической эволюции отражение угроз в военной сфере означает развитие отечественного технологического базиса полупроводникового производства систем на кристалле (нанотехнологий). Данная компонентная база предопределяет технологическую устойчивость управления не только вооруженными силами и образцами вооружения и военной техники, но и объектами экономики, государством в целом, поэтому ее развитие и внедрение играет и технологическую, и социальную роль, интегрируясь в техносциальном комплексе инновационной безопасности. Развитие отечественного базиса полупроводникового производства исключает возможность блокирования извне средств и систем государственного и военного управления, образцов вооружения и военной техники, других основополагающих составляющих жизнедеятельности [6], а в итоге позволяет предупредить развитие дестабилизационного сце-

нария. В более широком контексте одним из главных вызовов инновационной безопасности Республики Беларусь является фрагментированность и несистемность инновационной инфраструктуры, цепочка низкой инновационности [7] в белорусской экономике. Возможности для ее повышения дает наблюдаемое в настоящее время оживление инвестиционной активности на мировом уровне: Беларусь должна быть готова включиться в борьбу за прямые иностранные инвестиции (ПИИ) на выгодных для себя условиях.

Так, по данным ЮНКТАД, в 2017 г. мировой приток ПИИ вырос примерно на 5 % к предыдущему году, в 2018 г. достиг 1,85 трлн долл. США. Привлечение ПИИ в белорусскую экономику является важнейшим фактором воздействия на инновационную сферу, позволяет стимулировать технологическое развитие и увеличивать финансирование национальных исследований и разработок. Вместе с тем удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в организациях с иностранными инвестициями в среднем в 2011–2015 гг. составил 12,2 %, тогда как в целом по стране данный показатель за тот же период составил 15,4 %, что свидетельствует о невысокой эффективности привлечения ПИИ. В большей степени это обусловлено проблемой инвестиционного климата и неразвитостью институциональной среды по сравнению с другими странами региона [8, с. 5]. Чтобы реализовать инвестиционный потенциал Беларуси, необходимы целенаправленные усилия по привлечению ПИИ. Одна из системных мер заключается в стимулировании и развитии института государственно-частного партнерства. Для устранения сложившихся негативных тенденций в инвестиционной сфере Республики Беларусь необходимо более рациональное распределение имеющихся инвестиционных ресурсов между отраслями экономики, направление их на реализацию эффективных инвестиционных проектов со сроком окупаемости не более 5–7 лет.

Инвестиционная привлекательность страны является значимым фактором обеспечения инновационной безопасности, которая все больше ассоциируется со способностью перехода ее экономики на новый, более передовой технологический уклад. Мировой тренд современного развития диктует переход от четвертого, индустриального, через пятый, постиндустриальный, к шестому, технологическому, укладу (рисунок 2). Его ключевые направления: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Их реализация обеспечивает многократное повышение эффективности производства, снижение его энерго- и материалоемкости. Дальнейшее развитие получат гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиоперевозки.

Рост атомной энергетики будет дополнен расширением сферы использования водорода и бурным ростом солнечной энергетики. Переход к шестому (зарождающемуся) технологическому укладу основывается на применении нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной метра и способных менять строение вещества на молекулярном и атомном уровне, придавая ему принципиально новые свойства, а также проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя их. Наряду с качественно более высокой мощностью вычислительной техники нанотехнологии позволяют создавать новые структуры живой и неживой материи, выращивая их на основе алгоритмов самовоспроизводства [1, с. 6]. Такой переход зависит не только от обладания суммой технологий, но и от целого ряда факторов: формирования экономических источников роста, развития институциональной среды, уровня инновационного сознания общества, включая компетенции и мировоззренческие ориентиры представи-

телей государственной элиты, грамотные управленческие решения, которые в совокупности создают «силовое поле» инновационной безопасности.

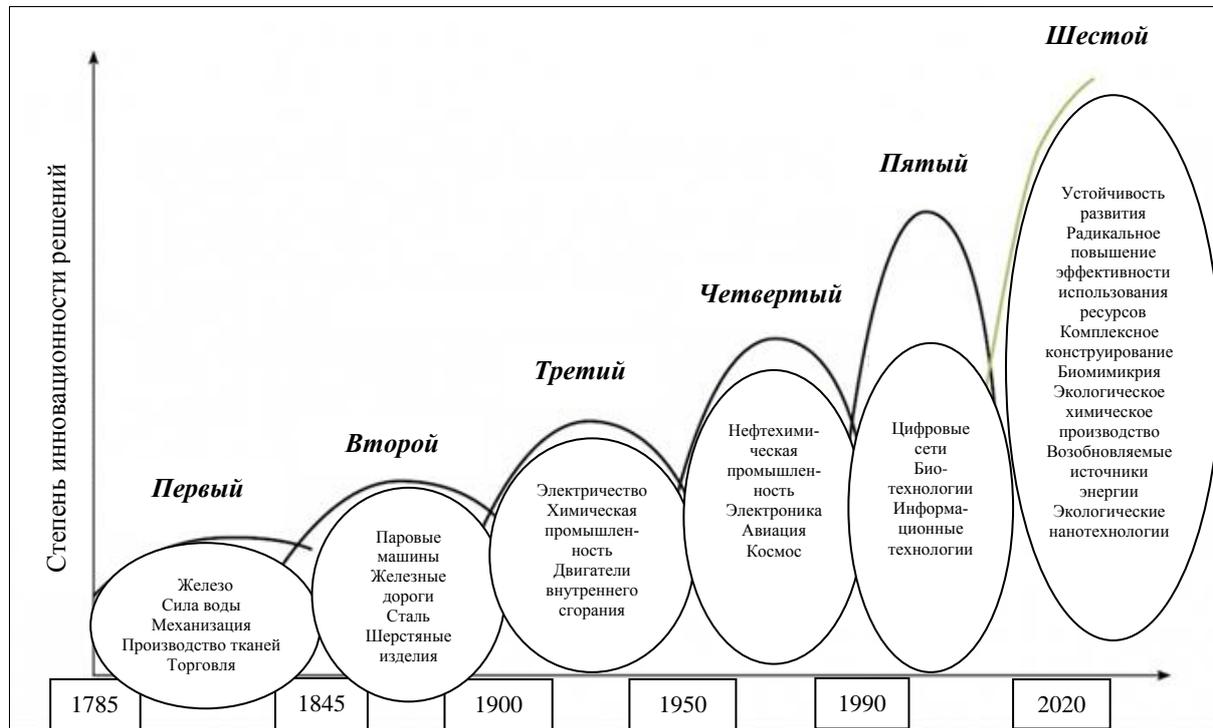

Рисунок 2. – Классификация технологических укладов [1, с. 11]

Заключение

В общефилософском смысле обеспечение инновационной безопасности государства – это способность привносить идеи извне социально-экономической системы для совершенствования ее внутренних ресурсов, которые в совокупности позволяют достичь инновационной эффективности и как следствие состояния защищенности страны в инновационной сфере. Инновационный путь развития государства предполагает не только его способность перехода к новому технологическому укладу, но и мировоззренческие, а также социально-психологические, политические, образовательные, социокультурные трансформации, предписывая рассмотрение инновационной безопасности в качестве как экономического, так и техносциального феномена.

Как отмечается в стратегии «Наука и технологии 2018–2040», государства, не способные наращивать свой научно-технический потенциал и адаптировать его к жесткой конкуренции, существующей сегодня на мировом рынке, будут обречены в лучшем случае на глубокую зависимость, а скорее, на поглощение (прямое или косвенное) более развитыми соседями. В недопущении такого сценария и заключается сущность обеспечения инновационной безопасности.

Разностороннее влияние инновационного фактора на национальную безопасность выявляет комплекс техносциальных оснований ее обеспечения, что в условиях перехода к новому технологическому укладу требует постоянного научного осмысления, выработки референтных методологических подходов.

Интегративный подход, предложенный в статье, применим для повышения эффективности НИС Республики Беларусь, выработки комплекса мер по обеспечению ее инновационной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев [и др.]. – М. : Тривант, 2009. – 304 с.
2. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М. : Эксмо, 2016. – 138 с.
3. Митчем, К. Что такое философия техники / К. Мичем ; под ред. В. Горохова. – М. : Аспект-Пресс, 1995. – 149 с.
4. Стратегия «Наука и технологии 2018–2040» [Электронный ресурс] // Нац. акад. наук Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 19.12. 2017.
5. Слипченко, В. И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего / В. И. Слипченко. – М. : Вече, 2002. – 384 с.
6. Лазаревич, Э. Г. Технологическая основа обеспечения военной безопасности государства / Э. Г. Лазаревич, С. К. Колганов, А. Н. Семашко // Наука и воен. безопасность. – 2007. – № 2. – С. 32–36.
7. О негативных тенденциях в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, предложениях НАН Беларуси по их преодолению и обеспечению устойчивого сбалансированного развития Республики Беларусь в 2016–2020 годах : науч.-аналит. докл. [Электронный ресурс] / Ин-т экономики НАН. – Режим доступа: <http://economics.basnet.by/files/NegTen.pdf>. – Дата доступа: 15.09.2016.
8. Муха, Д. В. Макроэкономическая эффективность привлечения прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь / Д. В. Муха. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 260 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.02.2019

Levchuk N.N. Belarus in the Conditions of Transition to New Technological Way: from Innovative Efficiency to Innovative Safety

In the article the phenomenon of innovative safety which is implemented on the basis of integrative approach to realization of an innovative complex of improving competitiveness, defense capability and political stability is investigated. Parameters of the fourth industrial revolution and its role in transition of the Belarusian economy to new (sixth) technological way come to light. Conceptualization of innovative safety reflects the increasing dependence of economic growth on parameters of innovative development, on the one hand, and the steady movement towards the increase in the role of economic ensuring national security – on the other. It enhances value of a technological component in the development of economy. One of the objectives of the article is to detail the factor of technological order in the national security system, its correlation with general economic processes, including innovation development processes.

УДК 316.77:070

С.В. Венідзіктаў

канд. філал. навук, дац., нач. каф. сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Магілёўскага інстытута Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь
e-mail: tv.lab.mogilev@gmail.com

**ІНТЭГРАЦЫЙНЫ РЭСУРС АРАБСКАГА ТЭЛЕБАЧАННЯ
ЯК СУБ'ЕКТА ПАЛІТЫЧНАЙ КАМУНІКАЦЫІ**

Даследуюцца дзейнасць арабскіх тэлевізійных кампаній з пункту гледжання іх уплыву на сацыяльна-палітычныя працэсы і ролі ў сусветнай камунікацыйнай прасторы. Аналізуюцца прычыны ўзнікнення «феномену Al Jazeera», дзейнасць кампаній Al Manar, Al Resalah, Abu Dhabi Media, Al Alam News Network. Асэнсоўваецца ўплыў на функцыянаванне інфармацыйнага поля заходніх медыя: BBC Arabic television, Arab News Network, Sky News Arabia, France 24, RT Arabic, Al Hurra. Сцвярджаецца, што дзейнасць гэтых медыяструктур прыводзіць да неадназначных наступстваў: з аднаго боку, адбываецца згуртаванне аўдыторыі, у медыясферы ствараецца вобраз мусульманскай цывілізацыі, які выходзіць за межы яго нацыянальных складнікаў; з іншага боку, асобныя медыя арыентуюцца на абвастранне міжнацыянальных супярэчнасцей, правакуюць рост канфліктнасці, што спрыяе актывізацыі дэзінтэграцыйных працэсаў.

Уводзіны

Тэндэнцыі медыйнага развіцця арабскіх дзяржаў дазваляюць перагледзець аргументы ў дыскусіі аб усталяванні новага сусветнага інфармацыйна-камунікцыйнага парадку, дзе дамінуюць заходнееўрапейскія і амерыканскія кампаніі. Ранейшы падзел сфер інфармацыйнага ўплыву па напрамках «Поўнач – Поўдзень» і «Захад – Усход» з відавочным адставаннем азіяцкага вектару больш не выглядае безапеляцыйным. З перааналізаем сусветнага эканамічнага цэнтру ў бок Азіі пачаўся і працэс глабальнага пераразмеркавання інфармацыйных плыняў. Напрыклад, у пачатку XXI ст. узрасло значэнне ў сусветнай камунікацыйнай прасторы кампаніі Al Jazeera, якая ператварылася ў эксклюзіўнага пастаўшчыка навін для ўплывовых медыяструктур глабальнага фармату. Гэта дапамагло ўключыць у сусветны парадак дня пытанні і праблемы рэгіёну, якія раней неадэкватна адлюстроўваліся ў медыяпрасторы. А працэсы эканамічнай інтэграцыі арабскіх дзяржаў заканамерна запатрабавалі адэкватнага медыйнага суправаджэння, стварэння камунікацыйнай асновы для супрацоўніцтва. «Лічбавы раскол» паміж Захадам і астатнім светам, пра які загаварылі на мяжы XX–XXI стагоддзяў, зараз у значнай ступені пераадолены. Вырашэнне праблемы тэхналагічнага і камунікацыйнага адставання дазволіла звярнуцца да пытанняў пабудовы новай інфраструктуры камунікатыўнага ўзаемадзеяння ў макрарэгіёне.

Інстытут СМІ ў перыяд сацыяльна-палітычнай трансфармацыі арабскіх дзяржаў і інтэграцыі іх інфармацыйных сістэм замяняе цэнтралізаваную сістэму палітычнай камунікацыі, спрыяючы фарміраванню палітычнай культуры аўдыторыі: «Адбываецца поўнае перапляценне сферы палітычнага і СМІ, што дазваляе казаць аб медыятызацыі палітыкі і фарміраванні медыяпалітычнай сістэмы» [1, с. 87] (тут і далей пераклад наш. – С. В.). СМІ ў палітычным працэсе ператварыліся ў «актыўна зацікаўлены фактар» [2], у сувязі з чым наяўнасць пастаяннага палітычнага фону ў камунікатыўным працэсе мы лічым адным з вырашальных фактараў палітычнай інтэграцыі. «Арабская вясна» і выкліканыя ёй сацыяльна-палітычныя працэсы паказалі, наколькі вялікі патэнцыял інфармацыйна-камунікцыйных тэхналогій у дэманстрацыі, арганізацыі, кіраванні і стымуляванні розных форм грамадзянскай актыўнасці. У гэтым рэгіёне інфармацыйны канал сацыяльна-палітычнай інтэграцыі паказаў сваю эфектыўнасць, а насельніцтва прадэманстравала гатоўнасць у рэальных практыках рэагаваць на медыйныя паведамленні. У камунікатыўнай прасторы арабскага свету ўзрос ўплыў сродкаў масавай інфармацыі традыцыйнага фармату, у першую чаргу тэлевізійнага вясчання. У фокусе

сучасных даследаванняў найчасцей аказваецца тэлекампанія Al Jazeera, аднак аналіз толькі яе дзейнасці не дазваляе ацаніць рэсурс арабскага тэлебачання як суб'екта палітычнай камунікацыі, што выклікае неабходнасць паглыбленага аналізу працэсаў у медыясферы рэгіёну.

Медыйнае ўзаемадзеянне ў працэсе сацыяльна-палітычнай інтэграцыі арабскіх дзяржаў

У арабскім рэгіёне тэлевізійнае стваралася ва ўмовах паскоранага развіцця. Толькі ў 1950-х гг. з'явіліся першыя тэлестудыі ў Саудаўскай Аравіі, Іраку і Ліване. Напрыклад, масавыя тэлетрансляцыі на арабскай і англійскай мовах у Саудаўскай Аравіі пачаліся ў 1965 г., да гэтага вяшчанне было абмежавана тэрыторыяй нафтавых промыслаў, дзе працавалі амерыканскія спецыялісты. Першапачаткова тэлекампаніі ў рэгіёне былі выключна дзяржаўнай формы ўласнасці – толькі ў Ліване развіваўся прыватны сектар, што адлюстроўвала імкненне кіраўніцтва краіны да развіцця канкурэнцыі і павышэння канкурэнтаздольнасці нацыянальных СМІ на міжнародным узроўні.

Перыяд аўтаномнага развіцця медыйных сістэм арабскіх дзяржаў завяршыўся ў 1969 г., калі быў заснаваны Вяшчальны саюз арабскіх дзяржаў (ASBU). ASBU аказвае тэхнічную падтрымку, удзельнічае ў абмене навінамі, праграмаванні, арганізуе адукацыйныя праекты, садзейнічае выгаднаму набыццю вяшчальных правоў арганізацыямі-ўдзельнікамі. ASBU з'яўляецца актыўным членам Сусветнага саюза вяшчальнікаў (WBU), арыентуючыся на «ўмацаванне сувязей і садзейнічанне супрацоўніцтву паміж вяшчальнікамі ў арабскіх дзяржавах для паляпшэння якасці медыяпрадукцыі» [3].

У 2009 г. ASBU афіцыйна запусціў Мультымедычную спадарожнікавую сетку абмену (MENOS), якая дазволіла аптымізаваць сістэму функцыянавання інфармацыйных рэсурсаў. У 1976 г. па рашэнні Лігі арабскіх дзяржаў была створана Арабская арганізацыя спадарожнікавай сувязі (Arabsat). Нягледзячы на шэраг палітычных супярэчнасцей паміж арабскімі дзяржавамі, якія адбіваюцца на фінансаванні і арганізацыйным узаемадзеянні, Arabsat і цяпер застаецца найбольш уплывовай структурай, аб'ядноўваючы больш за 20 дзяржаў. А сам вопыт міждзяржаўнага тэхналагічнага ўзаемадзеяння ў медыясферы з'яўляецца надзвычай карысным з пункту гледжання інфармацыйнай інтэграцыі арабскага свету.

Менавіта з'яўленне спадарожнікавага тэлебачання, на наш погляд, стала ключавым фактарам развіцця ў рэгіёне сучаснай журналістыкі. Плюралізм і патрэба ў канкурэнцыі (як унутры рэгіёну, так і ў міжнароднай прасторы) прымусілі СМІ адмовіцца ад архаічнага фармату пратакольнай фіксацыі навін з дзяржаўных структур, непазбежным стаў рост прафесіяналізму медыя. Колькасць спадарожнікавых каналаў, якія вяшчаюць на арабскай мове, імкліва расце і складае ўжо каля 400, што з'яўляецца важным кампанентам камунікатыўнай інтэграцыі. Большая частка медыя прадстаўлена дзяржаўнымі структурамі: нацыянальныя ўрады выкарыстоўваюць СМІ як інструменты палітычнага ўплыву.

Катарскі кампанія Al Jazeera са штаб-кватэрай у Досе, вяшчае з 1996 г. Пасля таго, як у 1997 г. кампанія атрымала доступ да рэсурсаў спадарожніка Arabsat, яе праграмы сталі даступнымі ў 22 краінах рэгіёну [4]. Канал быў першым сярод буйных СМІ, якія рызыкнулі адкрыць прадстаўніцтва ў Кабуле (1999 г.). Сусветнае значэнне тэлеканал набыў з пачаткам антытэрарыстычнай аперацыі ЗША ў Афганістане 2001 г.: Al Jazeera стаў для сусветнай грамадскасці эксклюзіўным пастаўшчыком медыяпрадукту з тэрыторыі, якую кантралявалі талібы, наладзіў кантакт з «тэрарыстам нумар адзін» бен Ладэнам. У кастрычніку 2001 г. Al Jazeera адзіным сярод сусветных СМІ трансліраваў у прамым эфіры авіяатаку на Кабул. Не абмінуў увагай канал і палестына-ізраільскі канфлікт: «[Al Jazeera] падрабязна адлюстроўваў арабскую інтыфаду на акупіраваных палестынскіх тэрыторыях Заходняга берагу ракі Іардан і ў сектары Газа, але пры гэтым надаваў увагу ходу ізраільскай перадвыбарчай кампаніі» [5, с. 203].

У сусветнай інфармацыйнай прасторы канал хутка набыў рэпутацыю прафесійнага і надзейнага медыя, з меркаваннем якога лічацца палітыкі і СМІ ўзроўню BBC і CNN. Аўдыторыя Арабскага Усходу са з'яўленнем Al Jazeera атрымала магчымасць усвядоміць уласную суб'ектнасць у інфармацыйнай прасторы, голас краін «трэцяга свету» ў эфіры загучаў побач з голасам Захаду. Al Jazeera змагла зацікавіць вядучыя медыя свету новым падыходам да адлюстравання падзей на Блізкім Усходзе (парушэннем негалоснай забароны на крытыку палітычных рэжымаў арабскіх краін). У 2006 г. было пачата вяшчанне на англійскай мове, што дазволіла значна павялічыць аўдыторыю (у тым ліку за кошт жыхароў неарабскіх мусульманскіх краін). Тым не менш неадназначнымі былі і агульная ацэнка значэння кампаніі для сусветнай інфармацыйнай прасторы, і трактоўка пазіцыі тэлеканала па ключавых палітычных пытаннях, і аналіз яго ўплыву на грамадскую думку.

Зараз, акрамя арабскага, у склад кампаніі ўваходзяць Al Jazeera English, Al Jazeera Documentary Channel, Al Jazeera Sports, Al Jazeera Mubasher (палітычны канал), Al Jazeera Turk (турэцкая версія канала), Al Jazeera Kiswahili (усходнеафрыканская версія на мове суахілі) і іншыя тэлеканалы. Склад журналістаў тут шматнацыянальны і шматканфесійны, што дазваляе зніжаць узровень канфліктнасці ў аналізе вострых палітычных і рэлігійных пытанняў: «Маштабнасць “Аль-Джазіры” дазваляе выступаць не толькі кансалідатарам арабскай дыяспары і... “аўтахтонных” аўдыторый, але і валодае велізарным патэнцыялам пашырэння... панарабізму на новыя тэрыторыі» [6, с. 76].

Імкненне Al Jazeera да незалежнай трактоўкі падзей у Афганістане і Іраку ў пачатку XXI ст. выклікала незадаволенасць ЗША. У красавіку 2004 г. рэзананс атрымала размешчаная ў СМІ інфармацыя аб тым, што прэзідэнт ЗША Джордж Буш і брытанскі прэм'ер Тоні Блэр падчас сустрэчы ў Белым доме абмяркоўвалі магчымасць авіяўдару па штаб-кватэры Al Jazeera [7]. Пасля падзей «Арабскай вясны» 2010–2011 гг. стаўленне амерыканскага ўраду да Al Jazeera змянілася на катэгарычна станоўчае: «мяккая сіла» медыйнага ўплыву на грамадска-палітычныя працэсы спрацавала ў адпаведнасці з палітычнымі прыярытэтамі ЗША. Рэпартажы Al Jazeera, прысвечаныя падзеям «Арабскай вясны», мелі характар прадуманай PR-кампаніі, накіраванай на сацыяльна-палітычную дэстабілізацыю. Характар адлюстравання падзей у пратэстуючых рэгіёнах узмацняў эффект Facebook-рэвалюцыі, прыводзіў да змены рэжымаў і паслаблення палітычных канкурэнтаў Катара. Масавыя хваляванні і наступная грамадзянская вайна ў Лівіі, паказаныя ў рэпартажах Al Jazeera, таксама прывялі да фарміравання ў аўдыторыі скажоных уяўленняў: «Сумесна з заходнімі тэлеканаламі “Аль-Джазіра” спрыяла стварэнню міфу аб “Арабскай вясне” як дэмакратычнай рэвалюцыі супраць тыраніі ў рэгіёне» [5, с. 206].

Нельга не адзначыць і адваротны бок падобных працэсаў, які сведчыць аб велізарным камунікатыўным рэсурсе Al Jazeera: тая ступень уплыву на грамадскія настроі, здольнасць кіраваць палітычнымі арыентацыямі насельніцтва, якую прадэманстравалі арабскія медыя, відавочна, з'яўляецца недасягальнай у прасторы еўрапейскай інтэграцыі. У гэтым праяўляецца і цывілізацыйная спецыфіка рэгіёну, і адсутнасць устойлівых традыцый да міжзьяржаўнай палітычнай інтэграцыі, і высокі ўзровень канфліктнасці грамадскай сферы ў цэлым. Геапалітычная абстаноўка ў арабскім свеце на мяжы XX–XXI стагоддзяў складвалася такім чынам, што ўзнікла аб'ектыўная патрэба ў стварэнні камунікатыўнай прасторы, якая змагла б адлюстраваць новую грамадскую рэальнасць. Рэцэпцыя прапануемай Al Jazeera інфармацыі і наступная на яе рэакцыя з'яўляюцца відавочнымі сведчаннямі камунікатыўнай інтэграцыі Блізкага Усходу: «“Аль-Джазіра”, пры ўсіх агаворках, адыграла ролю ў стварэнні і фарміраванні панарабскай грамадскай думкі, аўдыторыя ў розных краінах знайшла агульныя падыходы, выявіла агульныя праблемы, змагла асэнсаваць шляхі іх вырашэння. Гэтыя дасягненні ўяўляюцца кансалідуючымі эфектамі дзейнасці канала» [6, с. 79].

Al Jazeera працягвае функцыянаваць ва ўмовах канкурэнцыі з іншымі арабскімі тэлесеткамі. З 2003 г. ажыццяўляе вяшчанне канал Al Arabiya («умераная альтэрнатыва Al Jazeera»), арганізаваны ў Дубаі. Існуе меркаванне, што члены каралеўскай сям'і саудзітаў стварылі гэты рэсурс, грунтуючыся на прынцыпах, цалкам процілеглых палітыцы Al Jazeera – у падтрымку «ўмераным» арабскім рэжымам. З улікам рэгулярнай крытыкі саудзітаў з боку Al Jazeera, а таксама сімпатый радыкальным групам, Al Arabiya развіваецца ў канкурэнтным асяроддзі. Інфармацыйнае вяшчанне Al Arabiya ўключае ў сябе палітычныя, фінансава-эканамічныя, культурныя, спартыўныя праекты і інш. З 2004 г. працуе інтэрнэт-партал Al Arabiya, дзе размяшчаюцца матэрыялы на арабскай, англійскай мовах, фарсі і урду (з 2008 г.). У праграмных дакументах канала паказана, што ён «створаны для задавальнення патрэбы арабскай аўдыторыі ў надзейнай, актуальнай... інфармацыі» [цыт. па: 8, с. 155]. Нягледзячы на гэта, у 2004 і 2006 гг. канал часова забараняўся ў Іране, а ў 2017 г. брытанская арганізацыя OFCOM выкарыстала цэнзуру, каб не дапусціць распаўсюджвання інтэрв'ю з ахвярай катаванняў у Бахрэйн.

З 2000 г. існуе ліванскі канал Al Manar, які характарызуецца радыкальнымі шыіцкімі памкненнямі. Пры гэтым назіраюцца адрозненні ў падачы інфармацыі на мясцовым (для Лівана) і на міжнародным узроўнях: у панарабскім фармаце канал фармальна прытрымліваецца нейтралітэту ў адлюстраванні палітычных і рэлігійных пытанняў. Аднак у шэрагу еўрапейскіх краін Al Manar заблакіраваны пасля абвінавачванняў у антысіянісцкай, антыізраільскай і антыамерыканскай прапагандзе, у сувязях з партыяй «Хез-бала» (у эфіры гучаць заклікі ахвяраваць ёй грошы). У ЗША канал абвешчаны тэарыстычным. Падчас Ліванскай вайны 2006 г. офіс кампаніі ў Бейруце ў абыход нормам міжнароднага права атакавалі ваенна-паветраныя сілы Ізраіля (асацыяцыя журналістаў Ізраіля ў адказ на крытыку заявіла, што на Al Manar працуюць не журналісты, а тэарысты). Такім чынам, аб'ектыўнасць і неангажаванасць як характарыстыкі інфармацыйнага вяшчання ў палітыцы Al Manar адсутнічаюць: «Мы паказваем толькі ахвяр, а не агрэсара... Al Jazeera нейтральная, а Al Manar стаіць на баку Палестыны» [9].

Ісламскі спадарожнік канал Al Resalah («Пасланне») з офісам у Каіры працуе з 2006 г., пакрываючы вяшчаннем Блізкі Усход, Паўночную Афрыку і частку Еўропы. Асноўнай мэтай канала з'яўляецца кансалідацыя мусульманскага грамадства, стварэнне платформы для дыялогу па розных пытаннях сацыяльна-палітычнага, рэлігійнага, эканамічнага жыцця. Першапачаткова Al Resalah арыентаваўся на маладзёвую частку арабскай аўдыторыі, затым пашырыў уплыў за кошт англамоўнага вяшчання, імкнучыся не дапусціць распаўсюджвання экстрэмісцкай ідэалогіі і скажэння сутнасці ісламу.

У 1998 г. пачаў вяшчанне канал Iqraa, мэтавай аўдыторыяй якога з'яўляюцца прадстаўнікі мусульманскіх абшчын краін Еўропы, Аўстраліі і Паўночнай Амерыкі: «Імкненне захаваць сваю мову і культуру з'яўляецца моцным стымулам для арабаў-мусульман, якія эмігрыравалі ў Заходнюю Еўропу, каб развіваць сістэму нацыянальных СМІ за мяжой. З той жа прычыны арабскія дзяржавы культывуюць свае міжнародныя (панарабскія) медыя» [8, с. 22]. Праз асветніцкія праекты і тлумачэнне палажэнняў ісламу канал імкнецца спрыяць інтэграцыі мусульман у супольнасці заходняга тыпу, пашырэнню талерантнасці.

У 2007 г. у Аб'яднаных Арабскіх Эміратах пачала дзейнічаць медыйная арганізацыя ўраду Абу-Дабі – Abu Dhabi Media (ADM), якая ўключае 18 падраздзяленняў у тэлекамунікацыйнай, друкаванай і інтэрнэт-галінах. Нягледзячы на фінансавую падтрымку з боку дзяржавы, ADM карыстаецца досыць шырокай рэдакцыйнай і арганізацыйнай свабодай. ADM арыентуецца як на задавальненне ўнутраных інфармацыйных патрэб Эміратаў, так і на дасягненне камерцыйнага эфекту, падтрымліваючы партнёрскія адносіны з замежнымі структурамі. Уплывовы тэлеканал Abu Dhabi TV, які ўваходзіць у склад ADM, набыў папулярнасць у 2003 г. праз адлюстраванне на Захадзе ваеннай кампаніі ў Іраку. Зараз канал даступны гледачам у Паўночнай і Паўднёвай Амерыцы, Еўропе, Аўстраліі.

Дзяржаўная медыякарпарацыя Ірана IRIB кантралюе сеткавы канал навін Al Alam News Network (AANN), заснаваны ў 2003 г. Сусветная аўдыторыя канала дасягае 300 млн, найбольшая колькасць глядачоў засяроджана ў дзяржавах Персідскага заліву і Міжземнаморскага рэгіёну, спадарожнікавае вяшчанне даступна на пяці кантынентах. У кантэксце напружанасці ў сусветнай і рэгіянальнай геапалітычнай прасторы, а таксама росту ўплыву арабскіх медыя на палітычныя працэсы, роля AANN у захаванні ўстойлівасці інфармацыйнай прасторы рэгіёну ўяўляе асаблівую цікавасць. Напрыклад, AANN адлюстроўваў ваенную аперацыю ЗША ў Іраку, фарміруючы стаўленне да яе, у першую чаргу, саміх грамадзян Ірака. У 2006 г. канал паказваў падзеі 33-дзённай вайны паміж Ізраілем і Ліванам, у 2008–2009 гг. – ваенны канфлікт у сектары Газа, сцвярджаючы афіцыйную пазіцыю Ірана.

Заходні вектар інфармацыйнага ўплыву

Варта звярнуць увагу і на ролю ў сацыяльна-палітычных працэсах рэгіёну еўрапейскіх і амерыканскіх тэлеканалаў на арабскай мове. Напрыклад, з 2008 г. функцыянуе брытанскі міжнародны грамадскі канал кругласутачнага вяшчання BBC Arabic television. Першы праект інфармацыйнага вяшчання BBC быў закрыты ў 1996 г. у выніку рознагалоссяў з кіраўніцтвам Саудаўскай Аравіі. Адноўлены канал адрасаваны ў першую чаргу аўдыторыі краін Блізкага Усходу; ён даступны ў Паўночнай Афрыцы, краінах Персідскага заліву, дэкларуючы палітыку прафесійных і свабодных ад палітычнага ўціску навін. Пазіцыі BBC у арабскім сектары інфармацыйнай прасторы можна растлумачыць, у тым ліку, іміджавай палітыкай канала, якая дазволіла сфарміраваць у свядомасці міжнароднай аўдыторыі вобраз аб'ектыўнага і карэктнага СМІ. Паказальна, што скарачэнне брытанскім урадам у 2011 г. расходаў на фінансаванне BBC World Service не закранула арабскі канал – наадварот, яго бюджэт быў павялічаны. У гэтым бачыцца і прызнанне асаблівай ролі тэлебачання для брытанскай знешняй палітыкі, і жаданне захаваць інструмент інфармацыйнага ўплыву на блізкаўсходнюю палітыку.

Яшчэ да з'яўлення BBC Arabic з Лондана вялося вяшчанне тэлеканала Arab News Network (ANN, заснаваны ў 1997 г.), які пазіцыянуецца як дэмакратычны інфармацыйны рэсурс. У 2004–2006 гг. тэлеканал выпускаў штодзённыя навіны на англійскай мове, у 2006–2014 гг. вяшчанне вялося выключна на арабскай мове. Вынікам супрацоўніцтва брытанскай Sky News і карпарацыі Abu Dhabi Media Investment Corporation (ADMIC) стала з'яўленне ў 2012 г. гібрыднага араба-брытанскага канала Sky News Arabia, які вяшчае ў асноўным на тэрыторыі Блізкага Усходу і Паўночнай Афрыкі. З канца 2006 г. ажыццяўляе трансляцыю на арабскай, французскай і англійскай мовах канал France 24, які складае сур'ёзную канкурэнцыю як Al Jazeera, так і BBC Arabic television. З 2010 г. France 24 перайшоў на кругласутачны фармат і прапануе аўдыторыі значны аб'ём інфармацыйна-аналітычных, інтэрактыўных праектаў, інтэрв'ю. У адрозненне ад амерыканскіх СМІ, якія робяць акцэнт на эканамічных складніках міждзяржаўнага супрацоўніцтва, France 24 значную ўвагу надае супрацоўніцтву ў сферы культуры [10, с. 100]. З 2007 г. функцыянуе расійскі тэлевізійны канал на арабскай мове – RT Arabic (першапачаткова называўся «Русія аль-Яўм» – «Расія сёння»), арыентаваны на шырокае адлюстраванне пытанняў палітыкі, эканомікі, культуры, спорту. У 2008–2009 гг. «Русія аль-Яўм» быў адзіным расійскім тэлеканалам, які рэагаваў на падзеі ў сектары Газа падчас араба-ізраільскага канфлікту. Раней, падчас ваенных дзеянняў 2008 г., канал рэгулярна рыхтаваў сюжэты з Тбілісі, Горы, Цхінвіла. Да 2014 г. аўдыторыя RT Arabic наблізілася да 10 млн, а сайт тэлеканала увайшоў у лік трох найлепшых інфармацыйных рэсурсаў у арабскім свеце [11].

Асобна варта згадаць аб амерыканскім праекце спадарожнікавага вяшчання на арабскай мове – канале Al Nura («Свабодны»), які функцыянуе з 2004 г. у якасці альтэрнатывы Al Jazeera і Al Arabiya. Адною з асноўных задач канала было стварэнне станоўчага вобразу ЗША ў процівагу антыамерыканскай прапагандзе арабскіх СМІ.

Al Hurra не змог замацавацца сярод найбольш уплывовых панарабскіх СМІ, дзейнічаючы на аснове амерыканскіх прынцыпаў і тэхналогій у цывілізацыйным асяроддзі абсалютна іншага тыпу (напрыклад, шырока абмяркоўваўся выпадак звароту аднаго з тэлеведучых да мусульманскай аўдыторыі ў свята Вялікдня са словамі «Хрыстос уваскрос!»). Непрафесіяналізм рэдакцыі Al Hurra выяўляўся і ў адсутнасці выразнай інфармацыйнай стратэгіі, і ў ідэалагічнай нетрываласці: «“Свабодны”, апраўдваючы сваю назву, мог выпусціць у эфір выступленне лідэра шыіцкай і тэрарыстычнай арганізацыі “Хезбала” альбо матэрыял аб правядзенні канферэнцыі па абвяржэнні “міфу аб халакосте” ў Іране, удзельнікі якой прама заяўлялі пра “неабходнасць знішчэння Ізраіля як дзяржавы”» [12]. Адарванасць ад рэальнай аўдыторыі і немагчымасць канкуруаваць з іншымі панарабскімі СМІ ў плане вастрэні і актуальнасці вяшчання сталі прычынамі таго, што ў 2008 г. адміністрацыя ЗША спыніла фінансаванне праекту.

Заклучэнне

Дзейнасць медыяструктур арабскага свету прыводзіць да неадназначных наступстваў. З аднаго боку, каналы, падобныя Al Jazeera, садзейнічаюць згуртаванню аўдыторыі рэгіёну, ствараючы ў медыясферы вобраз мусульманскай цывілізацыі, які выходзіць за межы асобных нацыянальных яго складнікаў: «Панарабскія і панісламскія СМІ робяць значныя намаганні для таго, каб стварыць станоўчы вобраз ісламу і арабскай культуры ў цэлым у вачах заходняй супольнасці і станоўча ўплываць на этнаканфесійныя адносіны ва ўсім свеце» [8, с. 157]. Міжнароднае вяшчанне арабскага тэлебачання таксама спрыяе захаванню культурнай ідэнтычнасці дыяспар. З іншага боку, тэлеканал Al Manar і падобныя яму медыяструктуры арыентуюцца на абвастрэнне міжнацыянальных супярэчнасцей, стымуляванне росту канфліктнасці, адкрытага ваеннага супрацьстаяння, што актывізуе зваротную, дэінтэграцыйную тэндэнцыю [13]. Можна сцвярджаць, што працэсы ў медыясферы дадзенага рэгіёну з’яўляюцца адлюстраваннем агульнай сацыяльна-палітычнай і рэлігійнай сітуацыі ў арабскім свеце, імкліва рэагуючы на змены ў ёй.

Такім чынам, панарабскія СМІ, на наш погляд, уяўляюць цікавасць як аб’ект далейшага вывучэння з некалькіх пунктаў гледжання. Па-першае, з пазіцыі наладжвання ўзаемадзеяння розных медыйных сістэм, якія адрозніваюцца структурна-арганізацыйна, палітычна, ідэалагічна і аўдыторна. Да мяжы XX і XXI стагоддзяў нельга было весці гаворку пра існаванне адзінага інфармацыйнага поля (а тым больш – прасторы) арабскага свету, а цяпер яно ўспрымаецца як рэальнасць. Па-другое, з пункту гледжання пабудовы дэцэнтралізаванай, сеткавай сістэмы масавага інфармавання, у якой змест медыяпаведамленняў вызначаецца патрэбамі аўдыторыі і аб’ектыўным парадкам дня рэгіёну. Па-трэцяе, з пункту гледжання ўзаемадзеяння з іншымі, знешнімі медыйнымі сістэмамі, уваходу ў архітэктурную сусветнай інфармацыйнай прасторы. Буйныя вяшчальнікі арабскага рэгіёну не проста прапанавалі альтэрнатыву заходняму медыякантэнту – яны стварылі сваю ўнікальную інфармацыйную прастору. Іх медыйны прадукт удала дапаўняе заходні, ліквідуе прабелы ў апошнім, прапануе аўдыторыі альтэрнатыўны (хоць, трэба прызнаць, далёка не заўсёды аб’ектыўны) погляд на сацыяльна-палітычную рэальнасць. Нарэшце, вопыт арабскага тэлебачання ўяўляе цікавасць з пункту гледжання арганізацыі яго функцыянавання ва ўмовах знешняга інфармацыйнага процідзеяння, неабходнасці сцвярджэння ўласнай унікальнасці і самастойнага месца ў сусветнай медыяпрасторы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Засурский, И. И. Масс-медиа второй республики / И. И. Засурский. – М. : МГУ, 1999. – 270 с.

2. McCombs, M. Setting the agenda : The mass media and public opinion / M. McCombs. – Cambridge : UK Polity Press, 2004. – 184 p.
3. Arab States Broadcasting Union [Electronic source] // WorldDAB : online global forum. – Mode of access: <http://www.worlddab.org/membership/worlddambmembers/781/arab-states-broadcasting-union>. – Date of access: 24.02.2019.
4. Виниченко, В. М. Феномен «Аль-Джазиры» на ближневосточном и глобальном информационных рынках / В. М. Виниченко // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2014. – № 13 (184). – С. 156–166.
5. Шафель, А. Эволюция состава новостных арабоязычных спутниковых телеканалов в начале XXI в. / А. Шафель, Х. Шаиф // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2014. – № 6 (177). – С. 202–209.
6. Савельева, Е. А. Медиатексты «Аль-Джазиры»: факторы консолидации или конфронтации? / Е. А. Савельева, А. В. Чернов // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2015. – № 5 (66). – С. 76–80.
7. Paper Says Bush Talked of Bombing Arab TV Network [Electronic source] // The Washington Post : official web-site. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/11/22/AR2005112201784.html?noredirect=on>. – Date of access: 29.01.2019.
8. Пую, А. С. Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур / А. С. Пую, А. А. Садыхова // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 11 (257). – С. 153–157.
9. Goldberg, J. Are terrorists in Lebanon preparing for a larger war? [Electronic source] / J. Goldberg // The New Yorker. – 2002. – Oct. 14. – Mode of access: https://www.webcitation.org/5gbBkEx6J?url=http://www.jeffreygoldberg.net/articles/tny/a_reporter_at_large_in_the_par.php. – Date of access: 22.02.2019.
10. Федотова, Л. Н. Глобальные и национальные аспекты развития мировой информационной среды / Л. Н. Федотова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. – 2012. – № 4. – С. 98–107.
11. Сайт телеканала RT на арабском языке вошел в тройку лидеров в арабском мире [Электронный ресурс] // RT на русском : официальный сайт. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/2527>. – Дата доступа: 05.03.2019.
12. Свободный от смысла: американский конкурент «Аль-Джазиры» не смог оправдать надежд Вашингтона [Электронный ресурс] // Взгляд : деловая газета : официальный сайт. – Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2008/6/23/180186.html>. – Дата доступа: 05.03.2019.
13. Венидиктов, С. В. Медиакоммуникация в развитии евразийского пространства: стратегический ресурс интеграции : монография / С. В. Венидиктов. – Минск : БГУ, 2018. – 263 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.03.2019

Venidziktau S.V. Integration Resource of the Arab Television as the Political Communication Subject

The article examines the activities of television companies of the Arab countries in terms of their impact on the socio-political processes and the role in the global communication space. The author analyzes the causes of the «Al Jazeera phenomenon», the activities of companies Al Manar, Al Resalah, Abu Dhabi Media, Al Alam News Network, interpreted the impact on the information field functioning of the Western media – the BBC Arabic television, Arab News Network, Sky News Arabia, France 24, RT Arabic, Al Hurra. It is alleged that the activities of these media structures leads to dual consequences: on the one hand, there is unity of the audience, creates an image of the Muslim civilization in the media field, which goes beyond its national components; on the other hand, some media are guided by the exacerbation of ethnic conflicts, to promote the growth of conflicts that activates the disintegrative trends.

УДК 32.001:001

Е.В. Король

нач. сектора международной технической помощи
отдела финансирования и привлечения международной технической помощи
главного управления финансов и контроля
Государственного таможенного комитета Республики Беларусь,
соискатель каф. политологии Белорусского государственного университета
e-mail: korol_e_v@mail.ru

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исследуется феномен таможенной политики, ее реализация в системе обеспечения экономической безопасности. Анализируются роль таможенной политики и взаимоотношения ее при обеспечении экономической безопасности как одной из основных функций, выполняемых таможенными органами. Государственная таможенная политика и ее реализация серьезно влияют как на экономическое развитие общества, так и на процессы, происходящие в социальной, политической, правовой, духовной и других сферах национальной безопасности. Повышение эффективности таможенной политики в системе обеспечения национальной безопасности требует осуществления согласованных мер законодательной и исполнительной власти в политической и правовой сферах, совершенствования системы и структуры субъектов таможенной политики.

Введение

В настоящее время осуществляемая внешнеэкономическая и внешнеторговая деятельность под влиянием процессов глобализации распространилась на все мировое экономическое пространство. Важную роль в системе обеспечения национальной экономической безопасности играют таможенные органы, как центральный институт, регулирующий политические, экономические, правовые, информационные и другие сферы во внешнеэкономической деятельности. Таможенная политика государства адаптирует национальную экономику к системе глобальных экономических связей. В данной статье ставится цель исследовать таможенную политику в процессе обеспечения экономической безопасности. Методологической основой исследования стали функциональные положения прежде всего политологических и экономических наук, теории национальной безопасности. В основу положены научные методы системного анализа, логический подход, а также методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения.

Расширение международных экономических контактов по-новому обращает внимание на вопрос обеспечения экономической безопасности. Интерес, острота и значимость исследования экономической безопасности привлекают внимание политиков, ученых, широкий круг общественности, поскольку экономическая безопасность не только обеспечивает политическую независимость и защиту экономических интересов общества, но является фактором устойчивого поступательного развития национальной экономики.

Экономика любой страны представляет собой огромную, сложную, очень динамичную систему [1, с. 8]. Обеспечение экономической безопасности позволяет поддерживать стабильное и эффективное экономическое развитие, результаты которого – экономическая независимость, своевременное обновление, повышение благосостояния людей, а также достижение внешнеэкономического развития.

Научный руководитель – С.В. Решетников, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного университета

Потребность обеспечения экономической безопасности является базовой в системе жизнедеятельности как отдельной личности, так и общества и государства в целом, которые стремятся защитить себя от нежелательных внешних воздействий и внутренних изменений. Экономическая безопасность является частью системы национальной безопасности. Если обратиться к термину, закреплённому на законодательном уровне, то, в соответствии с абз. 7 п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, под экономической безопасностью понимается состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищённость национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [2]. Вместе с тем экономическая безопасность составляет основу для реализации всех других элементов, входящих в систему национальной безопасности, таких как политическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная и экологическая.

Необходимыми характеристиками процесса развития являются последовательность, направленность и устойчивость, что зависит от управления, которое реализуется через соответствующий механизм.

Среди организационных механизмов, обладающих достаточными возможностями для эффективной организации системы экономической безопасности, следует выделить таможенные органы. При этом такой механизм должен осуществляться с учётом международных стандартов, а также интересов и потребностей общества и государства конкретной страны.

В результате масштабных политических и социально-экономических преобразований значительно расширились связи экономики страны с другими субъектами мировой экономики. Более того, это имеет особое значение, когда она связана с процессами интернационализации, информатизации и глобализации. Чтобы успешно развиваться, экономика страны должна находить эффективные способы взаимодействия с другими экономиками и международными институтами.

Современные условия функционирования таможенных органов предполагают высокую степень динамичности, что связано, во-первых, с процессами глобализации и интеграции во внешнеэкономической системе, а во-вторых, с необходимостью упрощения и ускорения всех процедур. Учитывая это, таможенные органы просто обязаны постоянно развиваться как государственный институт для решения задач и осуществления функций, возложенных на них.

Таможенная служба – это один из базовых институтов экономики в деле обеспечения экономических интересов любого государства. Таможенная политика и таможенная служба изначально в силу специфической природы и структуры таможенного дела направлены на обеспечение экономической безопасности [1, с. 8]. Таможенное дело является инструментом обеспечения экономических интересов государства, его устойчивого развития, национальной экономической безопасности. И эти цели могут быть достигнуты только в результате проведения целенаправленной таможенной политики государства по регулированию внешнеэкономической деятельности.

Таможенная политика является мощным рычагом, с помощью которого государство может стимулировать рост отечественного производства (экспортной продукции), а также ввоз импортных товаров.

Роль проведения такой политики очевидна, учитывая то, что сегодня в современном мире жизнеспособность и эффективность любой национальной экономики зависит от интеграции в мировую экономику, а последняя в свою очередь предполагает такое соотношение экспорта и импорта, что полученные новые ресурсы стимулируют национальную экономику для дальнейшего развития. Таможенная политика, ее специфиче-

ский характер и многоплановость проявляются в диверсификации выполняемых таможенными органами функций.

Согласно подп. 1.2 п. 1 ст. 12 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» одной из основных функций, выполняемых таможенными органами, является обеспечение в пределах своей компетенции экономической безопасности Республики Беларусь, защиты ее экономических интересов [3].

Обеспечение экономической безопасности страны, оперативное реагирование на возникающие риски и угрозы в сфере таможенного дела, достижение полноты сбора в бюджет платежей, создание благоприятных условий для ведения бизнеса на основе повышения качества и результативности таможенного администрирования при оптимизации расходов на обеспечение деятельности – все это таможенная служба.

Система таможенных органов – это живой единый организм, состоящий из «клеток» всех его подсистем, и развивается он только при условии, что каждая подсистема имеет свое место.

Реализация новых задач при проведении государственной таможенной политики может потребовать новых способов и средств ее осуществления либо корректировки. Однако какие бы задачи ни ставились перед таможенными органами, в совокупности они будут направлены на защиту экономической безопасности.

Необходимо отметить, что одним из основных элементов механизма обеспечения экономической безопасности является система показателей, структура и наполнение которой определяют качество.

Проводимый таможенными органами курс на применение всеобъемлющего, комплексного и сбалансированного подхода в осуществлении правоохранительной деятельности позволили обеспечить необходимый уровень защиты экономической безопасности Республики Беларусь.

Так, за январь–июнь 2018 г. должностными лицами таможенных органов Республики Беларусь выявлено более 15,8 тыс. правонарушений. В первом полугодии 2018 г. выявлено 134 преступления, из которых непосредственно таможенными органами возбуждено 85 уголовных дел; подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь по материалам, переданным таможнями, возбуждено 49 уголовных дел.

Во взаимодействии и самостоятельно должностными лицами таможенных органов изъято более 128,5 кг наркотиков, а также более 5,6 тыс. препаратов, содержащих в своем составе психотропные вещества. По фактам незаконного перемещения и оборота наркотиков в первом полугодии 2018 г. таможенными органами, а также следственными органами по материалам, переданным из таможен, возбуждено 34 уголовных дела, что на 30 % превышает показатель за аналогичный период 2017 г. [4].

Заключение

Таким образом, надежно и эффективно выстроенная система экономической безопасности является гарантом суверенитета, стабильности и устойчивого развития страны. Безопасность государства достигается наличием эффективного механизма управления, а также действенных институтов их защиты. Важное место в таком механизме обеспечения экономической безопасности имеют таможенные органы. Современная таможенная политика и активная позиция таможенных органов являются одним из факторов стимулирования в стране повышения обеспечения экономической безопасности. Поэтапная модернизация и совершенствование таможенной службы в целях соответствия современным вызовам и угрозам является важным элементом обеспечения безопасности белорусского контура таможенной границы Евразийского экономического союза,

развития внешнеэкономических связей республики с иными государствами и национальной экономики в целом.

Таможенная политика, будучи производной от внутренней и внешней политики государства, является призмой, сквозь которую преломляются его интересы во внешнеэкономической, финансовой, налоговой, валютной и других сферах. В то же время таможенная политика должна быть динамичной, учитывая новые реалии, гибкой, а также достаточно устойчивой и стабильной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решетников, С. В. Функциональный подход как системная методология анализа таможенной политики современного государства / С. В. Решетников, Е. В. Король // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2016. – № 1. – С. 138–144.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24 янв. 2014 г., № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-З : в ред. от 19 июня 2017 г., № 32-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Результаты работы таможенных органов Республики Беларусь в первом полугодии 2018 г. по линии правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] / Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь – Режим доступа: <http://www.customs.gov.by/ru/pravoohraneniye-ru/>. – Дата доступа: 11.10.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.10.2018

Korol E.V. The Customs Policy in the Process of Providing Economic Security

The article studies the phenomenon of customs policy; its implementation in the system of economic security is investigated. The role of customs policy and its relationship in ensuring economic security as one of the main functions performed by customs authorities are analyzed. State customs policy and its implementation seriously affect both the economic development of society and the processes taking place in the social, political, legal, spiritual and other spheres of national security. Improving its effectiveness in the system of national security requires the implementation of coordinated measures of the legislative and executive authorities in the political and legal spheres, improvement of the system and structure of the subjects of customs policy. In general, the state customs policy should be linked to the parameters of development, as well as external and internal realities.

УДК 316.346.32-053.9(438)

Н.В. Цыбульская

канд. социол. наук, доц., зав. отделом социологии культуры
Института социологии Национальной академии наук Беларуси
e-mail: n-tsybulskaya@yandex.by

«ЦИФРОВОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ» ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ ПОЛЬСКИХ СОЦИОЛОГОВ)

Дается обзор некоторых публикаций польских социологов, посвященных исследованиям проблем адаптации пожилых людей к широкой цифровизации современного общества. В контексте теории перехода от обычая к моде рассматриваются, как социокультурные условия, в которых люди выросли и социализировались, влияют на их отношение к использованию информационно-коммуникационных технологий. В контексте теории социальных практик выявляются особенности и типы повседневных практик, в рамках которых пожилые люди осваивают (или не осваивают) новые цифровые технологии.

Введение

В Польше пожилые люди в значительно меньшей степени пользуются информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), чем остальное население. Люди в возрасте 65 лет и старше значительно реже пользуются компьютерами, чем население страны в целом. На вопрос «Как часто Вы пользуетесь компьютером?» в 2017 г. только 13 % пожилых людей ответили «ежедневно или практически ежедневно» (для сравнения: так ответили 60 % жителей Польши старше 16 лет). 2/3 пожилых людей в возрасте 65+ вообще не пользуются интернетом [1]. Пожилые люди, как и некоторые другие группы людей (имеющие невысокий уровень образования; проживающие в небольших населенных пунктах; имеющие низкий доход), находятся под угрозой «цифрового исключения». Это понятие используется польскими социологами для обозначения «разницы между теми, кто имеет регулярный доступ к цифровым технологиям и может эффективно ими пользоваться, и теми, кто этого доступа не имеет» [2, с. 225]. В эмпирических исследованиях выявлено, что упомянутая эффективность пользования цифровыми технологиями связана с лучшим социальным функционированием людей, использующих ИКТ, по сравнению с людьми, подвергающимися цифровому исключению в социокультурных сферах и на рынке труда [3].

Проблема цифрового исключения (в терминологии белорусских социологов – «цифрового неравенства») пожилых людей весьма актуальна для Беларуси, поскольку население нашей страны является, по заключению демографов, «быстро стареющим». Быстро растущее количество пожилых людей требует от государства выработки новых подходов и применения новых мер для обеспечения пожилым людям достойного уровня жизни, доступа к ценностям коммуникации, образования, саморазвития, посильного труда, равенства с другими членами общества. Доступ к цифровым технологиям и пользование ими является для пожилых людей важным условием их приобщения к указанным ценностям.

Цель статьи – выявление особенностей и результатов исследования польскими социологами проблемы «цифрового исключения» пожилых людей в современном обществе. Реализация цели может осуществиться в выполнении следующих задач:

1) выяснить, как, по мнению польских социологов, социокультурные условия взросления и социализации пожилых людей могут влиять на их отношение к ИКТ в настоящее время;

2) выявить потенциал применения цифровых технологий в процессе реализации пожилыми людьми повседневных социокультурных практик;

3) оценить значение применения теории перехода от обычая (традиции) к моде и теории социальных практик к исследованию проблем цифрового исключения пожилых людей в современном обществе.

Доктор социологии Йоанна Залевска провела исследование использования цифровых технологий (Интернета, компьютера, сотового телефона) среди людей пенсионного возраста. Для этого она применила теорию социальных практик, адаптированную профессором Школы социологии университета Манчестера Аланом Варде для изучения процесса потребления [4]. В таком виде теория социальных практик может быть использована и для изучения процесса потребления новых технологий. Кроме того, была применена теория перехода от обычая к моде, которую развил французский философ и социолог Жиль Липовецки [5] на основе размышлений Габриэля Тарда. При помощи этих инструментов Йоанна Залевска провела и проанализировала 18 глубинных интервью с людьми, родившимися в 1918–1942 гг., на тему происходивших в их жизни изменений. В интервью была затронута и тема отношения к новым технологиям [6].

Подключение к сети в контексте теории практик

Американский социолог Теодор Шацки [7] сделал попытку создания интегрированной теории практик. Практики складываются из сети рассредоточенных в пространстве и времени действий и высказываний, которые объединяет между собой один способ понимания, – что говорить и что делать. Существуют нормы, правила и инструкции, касающиеся способа выполнения действия. Деятельность сопровождают определенные мотивационно-эмоциональные структуры выполняющих ее индивидов – цели, проекты, задания, убеждения, эмоции и настроения. Т. Шацки делит практики на две категории – дисперсные (рассеянные, раздробленные) и интегративные. Дисперсные практики появляются во многих сферах социальной жизни. Их примером будет «воображение себя», «выполнение инструкции», «выяснение». Интегративные практики более сложны, например, это «приготовление пищи» или «ведение бизнеса». Дисперсные практики складываются в более широкие – интегративные.

А. Варде отмечает, что большинство практик (и, вероятно, все интегративные практики) в процессе своей реализации складываются из моментов потребления понимаемого как использование благ, услуг, информации. Если подобный подход применить к использованию ИКТ, то увидим, что ИКТ нужно рассматривать как аспекты реализации практик или как дисперсные практики, которые являются частью интегративных практик. Возьмем в качестве примера написание и отправку электронного письма. Эта активность требует подключения к Интернету, что является действием-условием реализации указанной практики. Написание электронного письма можно считать дисперсной практикой: нужно знать, как писать такое письмо (практическое понимание); нужно уметь пользоваться клавиатурой; можно только написать письмо на компьютере или смартфоне (использование предметов в качестве средства). Такая практика является частью многих интегративных практик.

Если порассуждать о курсах пользования компьютером и Интернетом для пожилых людей, организованных в Польше в университетах третьего возраста и клубах пожилых людей («Клубах сеньора»), то представляется, что пользование ИКТ трактуется на таких курсах как определенная целостность, как отдельная (интегративная) практи-

ка. Пожилые люди учатся пользоваться компьютером в отрыве от своих повседневных занятий. Может быть, это причина, по которой пожилые люди садятся перед компьютером на час или два, трактуя использование ИКТ как отдельную практику, понимая ее как поиск информации? И только с приобретением стажа пользования ИКТ, в процессе которого возрастает разнообразие видов использования Интернета, пожилые люди начинают понимать, что Интернет – это скорее особое социальное пространство, которое можно использовать для реализации множества разных практик (например, во время приготовления пищи можно уточнить рецепт блюда). Таким образом, подключение к Сети становится условием, облегчающим реализацию многих практик.

В контексте теории практик у пожилых людей, которые не пользуются ИКТ, нет мотивации к изменениям своих повседневных практик. Наличие или отсутствие мотивации к использованию ИКТ у пожилых людей можно понять в категориях изменения видов социальных связей.

Традиционные нормы, идея прогресса и мода как регуляторы социальных практик

Г. Тард отмечал, что существуют две основанные на подражании базовые формы социальных связей – обычай (традиция) и мода. Обычай основан на подражании предкам и старшим в собственном сообществе, он направлен в прошлое. Изменения и новации в таком сообществе не приветствуются. Мода же основывается на подражании чужим, внешним и современным образцам. Престижным считается поведение новаторское, не похожее на прежние образцы. Мода ориентирована на современность. Г. Тард писал о том, что доминирующим способом социального подражания является обычай, а мода доминирует в короткие периоды перехода смены традиций.

Ж. Липовецки [5] не соглашается с этим тезисом. Он считает, что с XVIII в. в Европе мода стала доминирующим видом социальных связей. В настоящее время мы живем в обществе моды, где индивид подражает во многих мелких аспектах большому количеству людей, которых встречает на своем пути даже мимоходом, и таким способом индивидуально творит собственный образ жизни на основе мелких позаимствованных отовсюду элементов.

Применив теорию Тарда – Липовецки к теории социальных практик, Й. Залевска делает вывод о том, что в так называемую традиционную эпоху делался акцент на постоянство реализуемых практик. Традиционные нормы как регуляторы практик в данном сообществе были формой социального контроля. Общественное мнение «следило», чтобы нормы не были нарушены. Традиционные нормы устанавливали символические границы общности. Все, что оказывалось за этими границами, относилось к сфере чужого. Чужими считались те черты внешнего вида и поведения, которые осуждались или воспринимались в сообществе как странные.

Моду можно назвать современным регулятором практик. Как отмечает А. Варде [4], современные практики не реализуются разными людьми идентично, на основе общего представления, – тому примером практика вождения: каждый водитель формирует индивидуальные навыки вождения на основе своего опыта. Практикам, регулируемым модой, присущи изменчивость и индивидуальность.

Поскольку целью исследования Й. Залевской было получение информации от представителей поколений, которые родились еще в традиционном обществе, для интервью были приглашены люди, родившиеся в период 1918–1942 гг. Важное значение для изучения использования новых технологий и отношения к ним среди пожилых людей имела их поколенческая принадлежность. Респонденты, принадлежащие к одному поколению, выражали сходное отношение к новым технологиям, а между представителями разных поколений проявлялась разница в отношении к ИКТ. Поколения были выделе-

ны на основе схожих социокультурных условий в период первичной социализации и взросления их представителей. Й. Залевска разделила респондентов на пять поколений: 1) межвоенное поколение – «поколение Второй Речи Посполитой» (социализировалось в период между первой и второй мировыми войнами; 2) военное поколение (молодость пришлась на период оккупации Польши во время Второй мировой войны); 3) «поколение ZMP – Польского молодежного союза» (эта политическая и идеологическая организация действовала в Польше в 1948–1957 гг. по образцу советского комсомола и помогала властям в перестройке общества по коммунистическим образцам); 4) поколение противостояния обычаям (взросли в сталинский период, но уже поставили под сомнение социалистическую идеологию, что проявлялось в их поведении); 5) поколение «оттепели» (взросло в период ослабления террора со стороны властей после смерти Сталина).

Человек обычая: новые технологии как чужие

Респонденты поколения 1, а частично и респонденты поколения 2 не имели никаких контактов с компьютером и Интернетом, а разговоры по мобильному телефону вынуждены были слушать в общественном транспорте, нарекая на громкость и беспредметное содержание таких разговоров. Наблюдается полное отсутствие заинтересованности ИКТ, связанное, по мнению Й. Залевской, с отсутствием интереса к настоящему и к современной жизни. «Человек обычая» не интересуется тем, чего не знает. Автор считает, что восприятие новых технологий в контексте категории «чужого» обусловлено принадлежностью этих людей к т.н. традиционной эпохе. Полное равнодушие к ИКТ – это выражение осознания собственного «ухода» вместе с миром предвоенной и военной эпохи.

Человек прогресса: новые технологии как полезный инструмент

Понятие прогресса употребляли практически все респонденты, однако для части представителей поколения 3 (военного) и поколения 4 (ZMP) это понятие играло важную роль. Основным критерием отношения к новым технологиям была оценка их социальной полезности. В этой группе респондентов новые технологии используют те, кому это нужно, так как они продолжают работать, ведут социальную деятельность, или те, от кого этого требует семья. Например, живущие далеко дети хотят, чтобы с родителями было легче связаться. Отправление и получение СМС, разговор по мобильному телефону – это дисперсные практики, облегчающие пенсионерам реализацию текущих целостных (интегративных) практик. С началом использования новых технологий в информационном обществе способы реализации большинства социокультурных практик изменились. «Люди прогресса» понимают это и (пока хотят остаться полезными для общества) адаптируются к изменениям.

Человек моды: новые технологии для «удовольствия»

Для человека моды главным условием осуществления выбора и деятельности являются эмоции. Опираясь на эмоции, такие люди решаются включиться в различные практики. Так функционирует механизм моды. Среди респондентов было немного людей, которые начали пользоваться ИКТ или развивают свои умения пользователя в ответ на собственные «внутренние» эмоции. Самой старшей из этой группы была женщина поколения 3 (ZMP), которая в то же время была проникнута идеей прогресса. Во второй половине 1970-х гг. она сменила работу, чтобы заниматься информатикой. Кроме этой участницы исследования еще две женщины (моложе ее) оказались компетентными и всесторонними пользователями новых технологий. Насколько можно судить, практика, которая «втянула» самую старшую из этой группы собеседницу, была

именно практикой освоения новых технологий. Для более молодых женщин пользование компьютером, Интернетом, сканером были практиками дисперсными, реализация которых была для них обязательной, чтобы они могли развивать свое участие в интегративных практиках. Для собеседницы поколения 4, журналистки, компьютер и Интернет были необходимы, чтобы не выпасть из профессиональной «обоймы». Другая собеседница (из поколения 5 («оттепель»)) начала пользоваться компьютером и Интернетом, движимая потребностью общения с дочерью, живущей за границей. Однако скоро оказалось, что освоенную дисперсную практику можно применить в интегративной практике – сохранении памяти о прошлом семьи. Практика основывалась на оцифровке документов об отце – офицере, воевавшем во Второй мировой войне, а также на цифровой архивизации документов (видео, фотографий) о местах, связанных с семейными корнями. Без компьютера и других цифровых устройств такая практика была бы очень трудной для реализации.

Поколение 5 (самое младшее из исследованных поколений) вовлекается в реализацию практик, которые доставляют эмоциональное удовольствие. Способ реализации практик меняется вместе с появлением на рынке новых товаров и услуг, а также с условиями развития «карьеры» в рамках реализуемой практики. В связи с этим углубляются навыки пользования новыми технологиями. Происходит это «мимоходом», когда компетентность в выполнении дисперсных практик обеспечивает полноценное выполнение целостных (интегративных) практик, в которых индивид заинтересован.

Заключение

По итогам своего исследования Й. Залевска делает вывод о том, что, описывая человека обычая, человека прогресса и человека моды, она не имела в виду, что разные социокультурные регуляторы практик формируют разные типы людей. Это, скорее, символический и краткий тезис о том, что психическая структура индивидов зависит от типа социальных связей. В малых замкнутых сообществах традиционные нормы «охраняли» символические границы общины. В формирующейся нации идея прогресса открывала сознание людей для более широкого влияния новаций, индивидуализируя личность. В глобальном рыночном обществе мода становится фактором сплоченности, а потребительская культура – общей платформой взаимопонимания. Среди респондентов трудно выявить «чистые» типы человека, проникнутого традиционными нормами, идеологией прогресса или модой. Выделены теоретические модели, указывающие на черты, характерные для человека, живущего в обществе с определенным типом социокультурных связей. Респонденты были до определенной степени воспитаны всеми указанными социальными порядками.

Применение теории перехода от обычая к моде позволило понять культурные различия между разными поколениями пожилых людей. Социальные и культурные условия, влияющие на пожилых людей в течение их жизни, служат важным контекстом понимания их адаптации в современном мире. Цифровое исключение представителей поколения 2 (межвоенного) можно объяснить отнесением новых технологий к «чужо-му» как к категории мышления человека традиции. И это не психологический, а социокультурный барьер. Причины «неиспользования» новых технологий поколениями 3 и 4 тоже имеют культурную подоплеку. Представители этих поколений воспринимают технологии в контексте их социальной прогрессивности и полезности и не используют их после оставления рынка труда. Если представители этих поколений и дальше работают и занимаются социальной деятельностью, они стараются использовать новые технологии, но иначе, чем младшие поколения: в основном для поиска информации. Это тоже объясняется культурными отличиями, связанными с социализацией поколений в раз-

ных социокультурных условиях. Представители поколения 5 («оттепель») уже частично руководствуются модой – современным регулятором практик.

Как показывают данные качественных исследований, описанные в этой статье, использование исторической и культурной перспективы может быть полезным в области исследований цифрового исключения пожилых людей. Эта перспектива должна быть более широко использована в социологии старения, поскольку она позволяет понять различия между поколениями и проблему адаптации пожилых людей к изменяющимся культурным условиям. Проблемное поле для научных дискуссий остается: является ли концепция перехода от обычая к моде, дополненная идеей господства прогресса, наиболее адекватным способом распознавания культурных перемен, затрагивающих старшее поколение. Можно сделать вывод о том, что эта идея оказалась полезной для анализа отношения пожилых людей к ИКТ.

В свою очередь, теория социальных практик может помочь в выработке нового метода противодействия процессу цифрового исключения пожилых людей. Этот метод основывался бы на включении дисперсных практик использования ИКТ в уже реализуемые пожилыми людьми практики, как, например, коммуникация с далеко живущими родственниками или получение новых знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Program rządowy Dostępność Plus 2018–2025 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.mii.gov.pl/media/60878/Program_Dostepnosc_Plus.pdf. – Date of access: 20.03.2019.
2. Batorski, D. Wykluczenie cyfrowe w Polsce / D. Batorski // *Studia Biura Analiz Sejmowych*. – 2009. – № 3 (19). – S. 223–249.
3. Batorski, D. Korzystanie z technologii informacyjno-komunikacyjnych / D. Batorski // *Diagnoza społeczna 2009: Warunki i jakość życia Polaków* / J. Czapiński, T. Panek (red.). – Warszawa, 2009. – S. 281–309.
4. Warde, A. Consumption and Theories of Practice / A. Warde // *Journal of Consumer Culture*. – 2005. – № 5 (2). – S. 131–153.
5. Lipovetsky, G. Postępująca zmiana istoty tego, co społeczne / G. Lipovetsky // *Socjologia codzienności* / P. Sztompka i M. Bogunia-Borowska (red.). – Kraków, 2008. – S. 393–410.
6. Zalewska, J. Między obyczajem a modą: wykluczenie cyfrowe osób starszych w perspektywie przemian praktyk społecznych / J. Zalewska // *Studia socjologiczne*. – 2015. – № 2 (217). – S. 241–263.
7. Schatzki, T. Introduction: Practice Theory / T. Schatzki // *The Practice Turn in Contemporary Theory* / T. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny (red.). – London, 2001. – P. 1–14.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.03.2019

Tsybulskaya N.V. «Digital Exclusion» of Older People in Modern Society (Based on Publications by Polish Sociologists)

The article provides an overview of some publications by Polish sociologists devoted to research on the problems of older people's adaptation to the digitalization of modern society. It is considered how the socio-cultural conditions in which people live and socialize affect their attitudes towards ICT. The features and types of everyday practices in which older people learn (or do not learn) new digital technologies are identified.

УДК 316. 023.5: 316.334.52(467.7)

Е.В. Скакун

канд. полит. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: politolog@brsu.brest.by

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируются критериям идентификации среднего класса в регионе. На основе данных социологического исследования, проведенного в Брестской области, рассмотрен состав, образ и стиль жизни, ценности среднего класса в региональном социуме. Показаны особенности функционирования среднего класса, который составляет крайне незначительную часть населения в Брестском регионе. Средний класс находится в процессе формирования, и для этого в регионе существуют необходимые предпосылки.

Введение

Процесс формирования и развития среднего класса относится к числу базовых социальных процессов в трансформационных экономиках. История показывает: средний класс в развитых странах с рыночной экономикой формировался достаточно продолжительное время. От уровня социально-экономического развития конкретной страны зависят структура, численность, положение среднего класса в обществе и экономике, другие характеристики.

Решение задачи формирования среднего класса носит комплексный и долгосрочный характер. Это решение предполагает успешное проведение рыночных реформ, государственную поддержку среднего и малого бизнеса, государственную защиту частной собственности, продуманную и долгосрочную налоговую и кредитную политику. Во многом оно зависит от ясного и четкого законодательства и наличия механизмов реализации принятых законов. Успешное развитие среднего класса в Республике Беларусь невозможно без пересмотра государственной политики инвестирования в материальные и нематериальные ресурсы общества. Именно здесь находится центральное звено, взявшись за которое, можно вытащить всю цепочку проблем, связанных с развитием среднего класса.

Одним из приоритетных направлений социальной политики Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. определяет «повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране» [1, с. 25].

Профессор Г.Н. Соколова считает, что средний класс белорусского общества мог бы выйти из своего эмбрионального состояния при выполнении ряда условий, главным из которых является повышение его удельного веса и интеллектуального влияния в обществе. При улучшении социально-экономической ситуации этот класс начнет пополняться наиболее образованными и активными профессионалами из нынешнего базового слоя, станет более весомым и совершенным по своей структуре [2, с. 63].

В конкретном регионе средний класс является поставщиком квалифицированных кадров на региональный рынок труда. Его высокая потребительская активность является стимулом для развития региональных потребительских рынков. Успешные жизненные стратегии среднего класса делают его привлекательным каналом вертикальной мобильности для других социальных групп региона. Чем выше уровень социально-экономического развития региона, тем выше доля среднего класса в структуре регионального социума и тем выше доля «ядра» – сегмента с максимальной концентрацией признаков – в его внутренней структуре. Именно этот основной сегмент регио-

нального среднего класса демонстрирует максимальную стабильность и единство образа жизни на уровне повседневных практик – получения дохода и распоряжения им, потребления, досуга.

Кафедра политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина на протяжении последних трех лет занимается изучением процесса формирования среднего класса в Республике Беларусь. Целью социологического исследования «Особенности социальной структуры региона», которое проведено в октябре–ноябре 2017 г., было выявление структуры и особенностей функционирования среднего класса в Брестском регионе. Эмпирическим объектом исследования является трудоспособное население в возрасте от 18 лет, проживающее в Брестской области. Социологический опрос проводился в г. Бресте и крупных городах Брестской области (Барановичи и Пинск), районных центрах и сельской местности. Именно в городах, согласно мнению большинства социологов, в наибольшей степени сконцентрирован средний класс (в связи с высокой степенью сосредоточенности в них всех видов социально значимых ресурсов).

Состав и образ жизни среднего класса в региональном социуме

Процесс социально-экономических преобразований в Республике Беларусь сопровождается активным формированием новых слоев и классов, что влечет за собой серьезную трансформацию всей социальной структуры. Затрагивают эти процессы и областные регионы.

Социальная структура является способом организации и связи отдельных элементов социальной системы в единое целое. Характер структурирования социальной системы определяется как свойствами ее элементов, так и основным системообразующим фактором, который упорядочивает элементы. Социальная структура общества является частью социальной системы, объединяющей в себе два компонента: первый – это социальный состав, т.е. набор элементов данной структуры, среди которых различные по типу социальные общности и группы людей, а второй – это социальные связи, т.е. набор связей этих элементов, которые различаются как по широте распространения их действия, так и по их значению в характеристике социальной структуры общества на определенной ступени его функционирования и развития.

Главным критерием отнесения себя к среднему классу в рамках социологического исследования является экономическое состояние (доход) личности.

Для большей части представителей среднего класса Брестской области основным и зачастую единственным источником дохода является заработная плата по основному месту работы. Так считают 88,1 % респондентов, принявших участие в опросе. Личное подсобное хозяйство тоже является источником существования для 15,7 % ответивших; «помогают родственники» – 13,1 %. Каждый десятый ответивший (10,2 %) имеет дополнительные приработки, на пенсию живут 9,3 % ответивших.

Материальное положение жителей Брестской области выглядит так: «У нас хватает денег на еду, но купить одежду для нас серьезная проблема» – 8,5 %; «Нам хватает на еду и одежду, но купить телевизор, холодильник или стиральную машину нам будет сложно» – 37,3 %; «Мы можем купить основную бытовую технику, но на автомобиль нам не хватает» – 26,3 %; «Наших средств хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира или загородный дом» – 18,6 %; «У нас нет никаких финансовых затруднений. При необходимости мы можем купить новый дорогой автомобиль, квартиру и пр.» – 3,8 %. Не ответили на вопрос 5,5 %.

Как показали результаты исследования, 37,3 % респондентов считают, что денег хватает только на еду и одежду, но купить телевизор или другую бытовую технику сложно. В то же время каждый четвертый (26,3 %) может позволить купить бытовую

технику, но на автомобиль денег не хватит. И около 20 % ответивших могут купить все, кроме квартиры или загородного дома.

В зависимости от материального положения респонденты идентифицируют себя следующим образом (таблица 1):

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос: «К какой группе по материальному положению Вы бы себя отнесли?», %

К высокообеспеченным	0,8
С доходом выше среднего	9,3
К среднеобеспеченным	36,0
С доходом ниже среднего	39,4
К бедным	7,6
Затрудняюсь ответить	6,9

Как мы видим, к среднеобеспеченным слоям себя отнесли 36,0 % респондентов.

С каждым годом увеличивается ввод жилья в Брестской области, запланировано увеличение и на ближайшие годы. Результаты социологического исследования показали, что 40 % респондентов являются собственниками квартиры; 28,8 % ответивших живут в собственном доме; с родителями проживают 17,4 %, снимают (арендуют жилье) 7,6 %. Наличие собственного жилья является ярким признаком уровня благосостояния, так как наряду с ощущением стабильности и защищенности наличие собственного жилья дает возможность перенаправлять средства на другие потребности.

Об уровне материального благополучия свидетельствует наличие в домохозяйстве дорогостоящих предметов обихода. Телевизор, стиральная машина или компьютер на сегодняшний день являются настолько распространенными бытовыми предметами, что обладание ими не может служить «водоразделом» между базовыми слоями населения и средним классом.

В целом население Брестской области за последние семь лет чаще совершало покупки бытовой техники. Данные социологических исследований показали, что телевизоры (61,9 % ответов) и персональные компьютеры (72,9 %) перестают быть статусными вещами, в то время как покупка автомобиля (28,4 %) является признаком материального благосостояния в зависимости от года производства. Наличие второй квартиры или загородного дома (11,4 %) также является одним из ярких признаков принадлежности к верхним слоям среднего класса.

К факторам региональной среды следует отнести уровень и динамику доходов населения региона, степень социального расслоения регионального социума, уровень урбанизации региона, отраслевую структуру региональной экономики, инновационную активность, уровень развития предпринимательства, доступность высшего образования, развитость информационно-коммуникационной инфраструктуры, уровень развития гражданских институтов и степень доверия к региональным институтам власти [3, с. 45–46].

Брестская область располагает 15 % численности населения и 14 % трудовых ресурсов в их общем объеме по стране, а производит всего 9,7 % валового регионального продукта (10,4 % продукции промышленности, но 17,9 % сельскохозяйственной продукции). На ее долю приходится 6,9 % объема экспорта товаров.

Одной из функций регионального среднего класса является функция поставщика высококвалифицированных кадров. Роль этой функции зависит от ситуации на региональном рынке труда. Социально-экономический уровень развития региона существенно влияет на доступность качественного высшего образования, наличие которого является ключевой характеристикой среднего класса.

В четырех высших учебных заведениях области на начало 2017/2018 учебного года обучалось 21,8 тыс. студентов. В расчете на 10 тыс. человек населения области приходится 157 студентов учреждений высшего образования. За счет бюджетных средств обучается 35 % всех студентов, в том числе на дневной форме обучения – 52 %. В 2017 г. студентами стали 4,7 тыс. человек, из них 37 % обучались за счет бюджетных средств. Специальности экономического и юридического профиля выбрали 31 % первокурсников, технического и строительного – 24 %, педагогического – 18 %, сельскохозяйственного – 9 %. Специалистами с высшим образованием в 2017 г. стали 7 тыс. выпускников, что в расчете на 10 тыс. человек населения области, занятого в экономике, составило 118 специалистов с высшим образованием [4].

По мнению российского исследователя Л.А. Абалтусовой, получение высшего образования в современной России не является «социальным лифтом» и не гарантирует его обладателю повышение социального статуса, а фактически становится лишь средством выживания, обеспечивая шанс на трудоустройство [5, с. 56]. Эти тенденции характерны и для Республики Беларусь.

Развитие предпринимательства может стать одним из ведущих путей формирования среднего класса в современной Беларуси. В нашей стране развитие предпринимательства происходило и происходит в непростых условиях. Особенности постсоветского менталитета значительной части белорусских граждан выступают недоверие к частной собственности, стремление к социальной справедливости через призму уравнительных тенденций, а не эффекта достигнутого результата [6, с. 125]. Для Республики Беларусь, находящейся на этапе построения рыночных отношений, создание и развитие сектора предпринимательства постепенно становится основой социальной реструктуризации общества. Особенно это актуально для приграничных территорий Западной Беларуси, поскольку предпринимательство будет способствовать повышению конкурентоспособности и гибкости, созданию дополнительных рабочих мест и решению прочих экономических и социальных проблем. Создание условий для развития предпринимательства в регионе станет стимулом для роста и качественного преобразования среднего класса. Таким образом, процесс формирования и функционирования среднего класса в региональном социуме протекает под влиянием факторов макро- и мезоуровней (социетальной и региональной среды). В числе социально-демографических характеристик – соотношение городского и сельского населения, его возрастная и гендерная структура, особенности внутренней и внешней миграции в регионе.

Комплексное социологическое исследование, проведенное в рамках проекта изучения среднего класса, позволило конкретизировать критерии этой категории социальной структуры. Очень важным показателем критерия материальной обеспеченности респондентов является среднемесячный доход на одного члена семьи. В нашем исследовании нас интересовала категория респондентов, которая отнесла себя к среднеобеспеченным. На вопрос: «Каков был среднемесячный доход на одного члена Вашей семьи за последние 6 месяцев?» в группе среднеобеспеченных были получены следующие ответы: от 1 501 до 2 000 руб. получали 1,9 % ответивших; от 1 001 до 1 500 руб. – 2,6 %; от 901 до 1 000 руб. – 0,6 %; от 701 до 900 руб. – 7,1 %, от 501 до 700 руб. – 12,8 %, от 351 до 500 руб. – 30,1 %, от 201 до 350 руб. – 25,6 %, от 100 до 200 руб. – 8,3 %. Таким образом, более половины (55,7 %) среднеобеспеченных респондентов имеют доход на одного члена семьи от 351 до 500 руб.

Постоянный стабильный заработок имеют 92,8 % респондентов (89,9 % мужчин, 94,6 % женщин). В категории среднеобеспеченных 96,2 % опрошенных имеют постоянный доход.

Свою занятость респонденты дифференцировали следующим образом: 87,8 % среднеобеспеченных слоев населения работает по найму; 4,5 % имеют собственный бизнес или самостоятельно заняты; не ответили на вопрос 3,2 % (таблица 2).

Таблица 2. – Занятость групп населения по уровню материального положения, %

«Вы заняты самостоятельным бизнесом или работаете по найму?»	«К какой группе населения по уровню материального положения Вы себя относите?»						
	Высоко-обеспеченный	Доход выше среднего	Средне-обеспеченный	Доход ниже среднего	Бедный	Затрудняюсь ответить	Итого
Собственный бизнес	0,8	22,2	4,5			9,1	5,9
По найму (по контракту, трудовому соглашению)		66,7	87,8	88,9	100	81,8	86,4
Самостоятельно занят			4,5				3,0
Затрудняюсь ответить		11,1	3,2	11,1		9,1	4,7

К средним слоям относят себя: работающие руководители высшего звена (генеральный директор) – 2,6 %; заместители руководителей, главные специалисты – 10,3 %; руководители среднего звена (руководители отдела, подразделения) – 14,1 %; квалифицированные специалисты с высшим образованием (врачи, юристы) – 26,3 %; служащие без высшего образования (секретарь, кассир, машинист) – 15,4 %; технический или обслуживающий персонал – 9,0 %; квалифицированные рабочие, мастера, бригадиры – 15,4 %; подсобные рабочие – 1,9 %; пенсионеры – 1,3 %.

Отвечая на вопрос об изменениях материального положения в 2017 г., респонденты, которые отнесли себя к категории среднеобеспеченных, оценили свое положение следующим образом: материальное положение улучшилось у 19,9 % ответивших, не изменилось у 54,5 % и ухудшилось у 25,6 %. Если сравнивать в целом со всеми категориями социальной структуры респондентов, то они не сильно отличаются. В целом материальное положение улучшилось у 19,5 % ответивших, не изменилось у 49,2 % и ухудшилось почти у каждого третьего (31,4 %).

Еще одним из важных критериев выделения среднего класса в структуре областного региона является образование. Именно образование, по убеждению опрошенных, позволяет получать устойчивый доход современным цивилизованным способом. А высшее образование можно считать пропуском в группу состоятельных граждан. Исследование показало, что 42,4 % респондентов имеют высшее образование, 32,2 % – среднее специальное, 10,6 % – среднее, 8,1 % – профессионально-техническое; 4,7 % ответивших имеют два высших образования.

Респонденты оценили ценность высшего образования и его получение.

Таблица 3. – Ценность высшего образования и его получение, %

«Является ли для Вас высшее образование и его получение ценностью?»	«К какой группе населения по уровню материального положения Вы себя относите?»						Итого
	Высоко-обеспеченный	Доход выше среднего	Средне-обеспеченный	Доход ниже среднего	Бедный	Затрудняюсь ответить	
Да, это очень важно для меня		33,3	27,6	11,1	33,3	9,1	24,2
Это важно	100	44,4	42,3	64,4	33,3	45,5	46,6
Это неважно		22,2	12,8	11,1	16,7	9,1	13,1
Это неважно, т.к. можно обойтись без него			11,5	6,7	16,7	9,1	9,7
Затрудняюсь ответить			5,8	6,7		27,3	6,4

Результаты социологического исследования показали, что для 69,9 % средне-обеспеченных слоев высшее образование является значимой ценностью (для 27,6 % это «очень важно» и 42,3 % – «важно»). Для 12,8 % респондентов это «не очень важно», и 11,5 % считают, что можно обойтись без высшего образования. 77,7 % респондентов с доходами выше среднего тоже полагают, что получение высшего образования является ценностью. Как видим, высшее образование и его получение является ценностью для большинства респондентов вне зависимости от социального статуса, так как оно гарантирует престижную должность и высокооплачиваемую работу.

Стиль жизни и ценности среднего класса

Стиль жизни и ценности среднего класса всегда вызывали интерес у современных социологов, изучающих средние слои. Стиль потребления – это то, что отличает средний класс от других слоев. Уровень благосостояния и стиль потребления характеризует самая крупная покупка, которую планируют сделать респонденты в ближайшие 12 месяцев. В результате проведенного опроса выяснилось, что потратить средства на образование планирует каждый третий представитель среднего класса; на ремонт квартиры – каждый четвертый респондент (26,3 %), на туристическую поездку – 15,4 % опрошенных, на мебель – 14,1 %. В меньшей степени респонденты будут тратить на крупную бытовую технику (4,5 %), на компьютеры и периферийные устройства (3,8 %), на покупку квартиры/дачи (0,6 %), аудио/видео технику (0,6 %). Ничего не планируют покупать 16,0 % ответивших. Как видим, типичный представитель среднего класса Брестской области в первую очередь планирует тратить свои сбережения на образование, ремонт квартиры, туризм и мебель.

Возможность отдыхать за границей является еще одним признаком среднего класса. Согласно Белстату, в 2016 г. отдыхали за границей 495 727 белорусов. В 2017 г. из Беларуси за границу выезжали почти 730 тыс. человек (около 16 % от всего занятого в экономике страны населения). И это только те, кто выезжал организованно, через турфирмы. Если же брать данные Госпогранкомитета, то границу белорусы за прошлый год пересекали почти 8,4 млн раз [7]. По данным нашего исследования, последний отпуск более половины респондентов (55,8 %) провели дома, за границей отдыхал каждый пятый ответивший (21,8 %), на даче проводил отпуск каждый десятый (10,2 %), в доме отдыха/санатории – 4,5 %. Не отдыхали за последний год 7,1 % респондентов.

Ярким символом социального статуса, по мнению французского исследователя Ж. Дамона, в послевоенный Европе являлось наличие автомобиля. И теперь автомобиль из предмета роскоши превратился в затратную необходимость. Все-таки наличие автомобиля, его производитель и модель являются признаком социального статуса. Количество автомобилей на душу населения в Беларуси растет. Так, если в 2000 г. в собственности населения было 1 386 000 легковых автомобилей, то в 2016 г. – 2 951 000 штук. Т.е. авто есть у 37 % населения [8]. Как показали результаты опроса, более половины респондентов (55,8 %), которые относят себя к среднему классу, имеют автомобиль.

В любом обществе можно выделить основные ценности, которым отдает предпочтение средний класс. Такие, как хорошее образование, способности, трудолюбие, личная свобода и вытекающее отсюда стремление жить в свободных экономических условиях. Экономические ценности различных слоев социальной иерархии также различны. Высший слой среднего класса отдает предпочтение либеральной модели экономики, предусматривающей минимальное вмешательство государства. Это связано с его экономической независимостью. Экономическая модель, которой отдает предпочтение средний слой среднего класса, – это модель рыночной экономики, в которой роль государства более ощутима. Это связано с верой представителей среднего и малого бизнеса в поддержку государством предпринимательства в случае необходимости. Низший

слой среднего класса предпочитает государственно-капиталистическую, или социально ориентированную, экономическую модель. Причина в том, что представители этого слоя не уверены в будущем, устойчивости своего материального положения и видят выход в социальной поддержке со стороны государства. Связано это с их недоверием к рыночным отношениям, что убеждает их в необходимости поддержки со стороны государственных структур [9].

Оценивая свои жизненные предпочтения, 66,7 % представителей среднего класса выразили желание «жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». «Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой», предпочитают 30,8 % респондентов. Не ответили на вопрос 2,5 %. Если проанализировать группу респондентов с доходами «выше среднего», то получим другую картинку: мнение «жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой», предпочли 55,6 %. Показатели оценки жизненных предпочтений представителями разных социальных групп отражены в таблице 4.

Таблица 4. – Оценка жизненных предпочтений представителями социальных групп, %

	«К какой группе населения по уровню материального положения Вы себя относите?»						Итого
	Высоко-обеспеченный	Доход выше среднего	Средне-обеспеченный	Доход ниже среднего	Бедный	Затрудняюсь ответить	
«Жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска»		44,4	66,7	71,1	83,3	72,7	66,5
«Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой»	100	55,6	30,8	28,9	16,7	27,3	31,8
Нет ответа		2,5					1,7

Проанализировав таблицу, мы можем констатировать взаимосвязь между уровнем денежного дохода и выбором того или иного варианта предпочтений. Чем выше доход, тем скорее представители с доходами выше среднего склонны согласиться на риск, инициативу, чтобы повысить свое качество жизни.

Таким образом, формирующийся средний класс Брестской области характеризуется определенным стилем жизни и ценностями, которые служат основой для выполнения приписываемых ему функций. Траты на образование, ремонт, туристическую поездку и мебель являются характерным признаком среднего класса Брестской области. Только каждый пятый ответивший (21,8 %) в отпуске отдыхал за границей. «Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой», предпочитают только 30,8 % респондентов. Все эти признаки говорят о том, что в Брестской области очень медленно идет процесс формирования среднего класса.

Региональная специфика формирования среднего класса

В начале экономических реформ предполагалось, что они приведут к рождению масштабного среднего класса – экономически самостоятельного социального субъекта, способного эффективно выполнять традиционные для него функции – инвестировать в экономику Республики Беларусь, играть роль основного налогоплательщика, выступать в качестве стабилизатора общественно-политических процессов.

Но, как показала жизнь, все не так просто. В условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой в Республике Беларусь произошла деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в них приобрели:

- а) владение капиталом, приносящим прибыль;
- б) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности;
- в) уровень личного дохода и потребления.

Ведущая отрасль хозяйства Брестской области – промышленность, доля которой в общереспубликанском объеме промышленной продукции в 2016 г. составляла 9,9 %. В структуре промышленности выделяются пищевая (48,2 %), машиностроение и металлообработка (14 %), легкая промышленность (4,5 %), стройиндустрия (4,4 %) и производство мебели (5 %).

В области производят почти все белорусские электролампы, бытовые газовые и электрические плиты (99,95 и 96,9 % соответственно), все компрессоры для бытовых холодильников, более 65,4 % общереспубликанского производства кузнечнопрессового оборудования, около 38 % мебели, 36,1 % керамической плитки, 45 % синтетических моющих средств, 24,2 % сахара-песка, 20,4 % чулочно-носочных изделий и др.

Динамично развивающийся агропромышленный комплекс области обеспечивает более 27 % общереспубликанского экспорта продуктов питания. Причем по данному показателю Брестчина – абсолютный лидер среди регионов Республики Беларусь.

Характер занятости, мотивы выбора места работы, способы воспроизводства образовательно-квалификационного потенциала, вектор социально-профессиональной мобильности – эти и другие компоненты социально-профессионального поведения определяют роль регионального среднего класса как поставщика высококвалифицированной рабочей силы, распространителя инновационных практик в экономике и образовании [3, с. 107].

Чем выше уровень социально-экономического развития региона, тем выше доля среднего класса в структуре регионального социума и тем выше доля «ядра» – сегмента с максимальной концентрацией признаков – в его внутренней структуре. Именно этот основной сегмент регионального среднего класса демонстрирует максимальную стабильность и единство образа жизни на уровне повседневных практик – получения дохода и распоряжения им, потребления, досуга.

Если рассматривать рейтинг факторов, которые в большей степени влияют на социальное положение в обществе, то это профессиональные факторы. Около пятидесяти процентов респондентов (49,4 %), которые ассоциируют себя с представителями среднеобеспеченных слоев, отдали предпочтение занимаемой должности. В тройку лидеров также вошли образование (46,2 %) и профессия (43,6 %). В меньшей степени влияют регион проживания (10,3 %), место проживания (район, город, село) (16,7 %), статус членов семьи (17,3 %) и размер дохода семьи (26,3 %).

Частота смены профессии характеризует динамичность региональной социально-экономической ситуации и рынка труда. Смена профессии может быть реакцией, с одной стороны, на неблагоприятную ситуацию в сфере или отрасли, сопряженную с выбранной профессией (например, низкая оплата труда специалистов сферы образования), с другой – реакцией на появление и развитие перспективных отраслей (информационных технологий, финансовых услуг, инновационных практик) [3, с. 126].

В среде изучаемых нами представителей средних классов смена профессии не является распространенной практикой. Так, за последние 10 лет основное место работы не меняли 62,2 % ответивших. Среди тех, кто менял место работы, в основном респонденты с высшим образованием. Меняли профессию 23,1 % опрошенных.

Смена должности является менее радикальной траекторией профессиональной мобильности и часто свидетельствует о карьерном продвижении. Закономерно, что должность меняют гораздо чаще, чем профессию. По мнению представителей среднеобеспеченных слоев, более тридцати процентов (35,9 %) меняли должность. Начинали

собственное дело 7,1 % респондентов. Эти данные можно оценивать по-разному. С одной стороны, людей устраивают условия, в которых они живут и работают, с другой – в Беларуси только начинают создаваться благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса, чтобы начать собственное дело.

Для анализа социального положения и самочувствия среднего класса важно восприятие им изменений, протекающих на различных уровнях общественной жизни. Эти изменения могут относиться непосредственно к повседневной жизнедеятельности респондента, его семье и ближайшему окружению (микроуровню), они могут происходить в социально-экономической или общественно-политической жизни города и региона, в котором проживает респондент (мезоуровень); также на индивида могут влиять изменения, происходящие на социетальном уровне – на уровне государства (макроуровень) [3, с. 135]. Так, за последние три года 37,8 % респондентов улучшили жилищные условия, 34,0 % побывали в другой стране мира, 32,7 % сделали дорогостоящие приобретения (квартира, автомобиль, мебель), 32,1 % повысили уровень образования или квалификацию, 28,8 % повысили уровень своего материального положения, 28,2 % получили повышение на работе или нашли новую, более подходящую работу.

Изменения в своем материальном положении, которые произойдут с ними через год, они оценивают по-разному. Около трети опрошенных (27,6 %) среднеобеспеченного слоя считают, что материальное положение «не изменится». Каждый четвертый (19,2 %) настроен оптимистично («немного улучшится»); 7,1 % считают, что «может существенно улучшиться»; каждый десятый считает, что оно «ухудшится» («немного ухудшится» – 9,0 % и «значительно ухудшится» – 1,9 %); затруднились ответить 35,3 % респондентов.

Представители среднего класса склонны планировать свою жизнь на год-два: «Я знаю, что со мной будет в ближайшие год-два, на большее я не загадываю». Это мнение разделяют 38,5 % респондентов. Еще 35,3 % не строят планов на будущее. Большинство опрошиваемых отказываются планировать свое будущее, более полагаясь на реализацию краткосрочных целей.

Заключение

Таким образом, проведенное социологическое исследование на региональном уровне позволило сделать следующие выводы:

1. В Брестской области формируются условия для развития среднего класса. По мнению представителей среднего класса Брестского региона, наиболее значимыми факторами, которые влияют на социальное положение в обществе, являются профессиональные: занимаемая должность, образование и профессия. Средний класс Брестской области мотивирован больше зарабатывать, строить карьеру и трудиться на пенсии.

2. В белорусском обществе существует социальное расслоение, которое увеличивается в кризисные периоды. Наиболее многочисленным социальным слоем является группа населения – 39,4 %, которая по материальному положению относит себя к группе с доходами ниже среднего. К этой группе населения себя отнесли: квалифицированные специалисты с высшим образованием (врач, юрист) – 22,2 %; технический или обслуживающий персонал – 22,2 %; квалифицированный рабочий, мастер, бригадир – 20,0 % и др.

3. Анализ результатов социологического исследования показал, что ядро представителей среднего класса в Брестской области составляют квалифицированные специалисты с высшим образованием (врач, юрист), а в группе населения с доходом выше среднего – это руководители высшего звена (генеральный директор) и квалифицированные специалисты с высшим образованием (врач, юрист).

4. Представитель среднего класса в любом государстве отличается прежде всего уровнем образования. Высшее образование является приоритетом у среднеобеспеченных слоев (47,5 %) и у респондентов с доходами выше среднего – 55,5 %.

5. Рост или уменьшение среднеобеспеченных слоев связан с неравномерностью экономического развития социума.

6. Проблема формирования и функционирования среднего класса на областном уровне остается актуальной и требует дальнейшего теоретического и эмпирического изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск : ГНУ НИЭИ, 2015. – 143 с.

2. Соколова, Г. Н. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества / Г. Н. Соколова // Социол. альм. – 2011. – № 2. – С. 55–67.

3. Шиняева, О. В. Средний класс в социальной структуре региона / О. В. Шиняева, Е. М. Власова. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – 171 с.

4. Образование в Брестской области (2017/2018 учебный год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest.belstat.gov.by/o-belstate/novosti-i-meropriyatiya/novosti/obrazovanie-v-brestskoy-oblasti-2017-2018-uchebnyu-god>. – Дата доступа: 27.02.2018.

5. Абалтусова, Л. А. Высшее профессиональное образование как фактор преодоления и воспроизводства социального неравенства в России / Л. А. Абалтусова // Изв. ТРТУ. – 2006. – № 13. – С. 53–57.

6. Кавецкий, С. Т. Социологический барометр предпринимательства в приграничных районах Брестской области / С. Т. Кавецкий, Е. В. Скакун // Социология. – 2016. – № 2. – С. 124–131.

7. В какие страны ездили белорусы в 2017 году и сколько на это тратили денег [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.intex-press.by/2018/03/07/v-kakie-strany-ezdili-belorusy-v-2017-godu-i-skolko-na-eto-tratili-deneg/. – Дата доступа: 02.09.2018.

8. «Жировая прослойка». Белорусский средний класс в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.by/social/zhirovaya_prosloyka_belorusskiy_sredniy_klass_v_cifrah. – Дата доступа: 03.09.2018.

9. Гаджиев, О. Ю. Ценности среднего класса в обществе [Электронный ресурс] / О. Ю. Гаджиев. – Режим доступа: <https://finlit.online/mirovaya-ekonomika-kniga/tsennosti-srednego-klassa-obschestve-gadjiev-15916.html>. – Дата доступа: 10.11.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2019

Skakun E.V. Features of the Formation of the Middle Class in the Brest Region: a Sociological Aspect

The article is devoted to the specifics of the formation of the middle class in the Brest region. The criteria for identifying the middle class in the region are analyzed. On the basis of data from a sociological study conducted under the guidance of the author in the Brest region, the composition, lifestyle and values of the middle class in a regional society are considered. The features of the functioning of the middle class in the Brest region are shown. The middle class in the Brest region is an extremely small part of the population, it is in the process of formation and there are necessary prerequisites in the region to provide it.

УДК 159.923

Е.С. Лученкова¹, А.П. Мядель²¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. «Социально-гуманитарные дисциплины»
Витебского государственного технологического университета²канд. филос. наук, доц., доц. каф. «Социально-гуманитарные дисциплины»
Витебского государственного технологического университета
e-mail: ¹elena.stepanovna@tut.by; ²apalych61@mail.ru**СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА
В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БИХЕВИОРИЗМА**

Раскрывается содержание понятия «социальный интеллект», которое определяется как способность к работе в сотрудничестве с другими людьми, а также к вербальной и невербальной коммуникации. Дана развернутая характеристика информационного обмена, и определены условия его успешного осуществления, которыми являются наличие процесса обратной связи, средств коммуникации, коммуникативных барьеров, феноменов межличностного влияния, различных уровней передачи информации или субъективных каналов восприятия и передачи информации, влияния пространства и времени на передачу содержания информации. Показаны специфика и содержание процессов селективного внимания и селективного восприятия и акцентировано внимание на видах и особенностях активного слушания. Обоснован вывод о необходимости изучения механизмов передачи и усвоения информации в условиях роста информационных рисков и угроз в современном мире.

Введение

Общемировой тренд современного этапа цивилизационного развития человечества состоит в переходе от индустриального общества к обществу информационному и далее к сетевому. Процесс транзитивности сопровождается кризисными явлениями разной степени глубины всех элементов социальной структуры. Для государств постсоветского пространства ситуация перехода отягощена необходимостью преодоления тоталитарного наследия прошлого и созидания демократических форм социальной организации. На этом пути происходит существенная деформация традиционных ценностей. Ответственное отношение к труду как источнику материального благосостояния и средству совершенствования личности заменяется культом обогащения любым способом, падает доверие к институтам государственной власти, политическим партиям и иным общественным организациям. Социум зачастую теряет объединяющее начало и переходит в «атомарное» состояние. Преодоление кризисных явлений в значительной мере зависит от переориентации массового сознания в сторону демократических норм и ценностей и выработки механизмов социальной адаптации граждан к радикально изменившимся условиям общественного бытия. При этом процессы социальной трансформации, как правило, инициируются властными структурами методом проб и ошибок без глубокого научного анализа новых условий существования социума. Подобный анализ должен осуществляться на междисциплинарном уровне и включать в себя философско-мировоззренческие, культурологические, исторические и социально-психологические аспекты социальной модернизации. Одним из инструментов теоретико-методологического осмысления проблемы социального транзита способна стать экспликация гносеологического потенциала категории «социальный интеллект» в рамках концепции бихевиоризма.

Понятие социального интеллекта

Термин «социальный интеллект» ввел в научный оборот американский психолог и педагог Э. Торндайк, который обозначал им «способность добиваться успеха в меж-

личностных ситуациях, способность управлять мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками – вести себя мудро в человеческих взаимоотношениях» [1, с. 179].

Почти за сто лет (с 1920 г.) данная дефиниция многократно уточнялась и дополнялась. Например, известный канадско-американский исследователь Ф.Е. Вернон под социальным интеллектом понимал способность ладить с другими людьми в целом; умение вести себя свободно и непринужденно в обществе других людей; знание социальных вопросов и проблем; чувствительность к стимулам, исходящим от других членов социальной группы [2, с. 44].

Американский психолог Дж. Гилфорд рассматривал социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, связанных прежде всего с познанием поведенческой информации. При этом главный упор делал на когнитивные способности:

- 1) определения характера внутренних ментальных состояний индивида;
- 2) группировать ментальное состояние других людей на основании их схожести;
- 3) интерпретировать значимые связи между поведенческими актами;
- 4) интерпретировать последовательность социального поведения;
- 5) гибко реагировать на изменения в социальном поведении;
- 6) предугадывать, что произойдет в дальнейшем [3, с. 124–145].

Исходя из приведенных определений социального интеллекта, можно говорить о сущностном содержании этого понятия – владение навыками социального поведения, которое предполагает способность к работе в сотрудничестве с другими людьми и коммуникации как вербальной, так и невербальной. Понятие коммуникации связано с информационными обменах, которые возникают между людьми в процессе совместной деятельности и общения.

Информационный обмен

Информационный обмен – это глобальное явление современной жизни, которое выходит за пределы простого человеческого общения. В коммуникативном процессе происходит не простое движение информации, а ее активная передача от партнера к партнеру, которые посредством системы знаков могут влиять друг на друга. Условиями межличностного информационного обмена являются наличие:

- а) процесса обратной связи;
- б) средств коммуникации;
- в) коммуникативных барьеров;
- г) феноменов межличностного влияния;
- д) различных уровней передачи информации или субъективных каналов восприятия и передачи информации;
- е) влияния пространства и времени на передачу содержания информации.

В восприятии индивидом окружающего мира участвуют два типа информации. Информация первого рода включает в себя весь комплекс ощущений и восприятий, который получает человек благодаря органам чувств. Она не навязывает личности никакой объективной реальности и обретает смысл только по отношению к информации второго рода. Информация второго рода – опыт, надежды, ожидания, страхи, симпатии и антипатии, запас знаний, а также душевное состояние в момент получения сообщения. Эмоции для человека особенно важны потому, что все входящие сообщения сначала обрабатываются той частью мозга, которая отвечает за чувства, а уже потом поступают в высшие отделы для более объективного рационального анализа. Данный процесс иногда называют «бабочкой» коммуникации. Этот образ служит иллюстрацией того, что не только смысловая составляющая сообщения, но и его внутреннее содержание, внешняя обстановка достигает областей сознания личности. Другая информация воздействует на подсознательном уровне. Следовательно, на субъективную оценку по-

лучаемого слушателем сообщения наибольшее влияние оказывают три элемента: личная значимость, селективное внимание, селективное восприятие.

Большинство людей наибольшее внимание уделяют тем сообщениям, которые имеют максимальную личностную значимость. Чем большую личностную значимость имеет сообщение, тем выше шансы, что оно достигнет цели. В то же время отправителю сообщения необходимо, чтобы вся информация дошла до получателя. Чтобы справиться с несоответствием между потенциально достигнутой информацией и возможностью мозга ее обрабатывать, индивид должен проявлять высокую степень изобретательности. Эта цель достигается посредством двух процессов.

Селективное внимание и селективное восприятие

Селективное внимание действует на уровне низших отделов мозга, где определяется значимость поступающих сообщений. Многие суждения и действия индивида определяются ощущениями, в основе которых лежит информация из области подсознательного. Селективный отбор внимания происходят только те сообщения, которые по какой-то причине выделяются из окружающего объема информации: сообщения, особенно важные в данный момент; сообщения, совпадающие со взглядами, ценностями и установками личности; сообщения, содержащие новую или неожиданную информацию. Из этого следует, что селективное внимание, оценивая значимость ситуации, рассматривает доступный человеку блок информации первого рода в терминах сочетания информации второго рода, которая накладывается на него. Точно так же каждый видит то, что ожидает увидеть, воспринимает то, что ожидает воспринять. Узнавая о каком-либо объекте, индивид формирует у себя ожидание относительно этого объекта. Подобные ожидания часто ассоциируются с убеждениями, стереотипами, установками, эмоциями и ощущениями.

Таким образом, внимание и восприятие избирательны и субъективны: далеко не всегда содержание сообщения и его интерпретация тождественны. Следовательно, подготовка любого важного сообщения требует определение его цели, содержания, количества времени для передачи. Соответственно, условиями эффективного общения выступают: а) осведомленность о потребностях аудитории; б) внимание к структуре своего сообщения; в) способность справиться с волнением в инертной или враждебной аудитории. Центральное место в этой триаде занимает осведомленность о потребностях слушателей. Механизмом обратной связи здесь выступает активное слушание, благодаря которому можно понять мотивы и побуждения собеседников, а также оценить, к каким типам сообщений они окажутся наиболее или наименее восприимчивы.

В практике общения различают три вида активного слушания.

1. **Оценивающее слушание.** При этом виде коммуникации следует оставаться непредвзятым, обращать внимание на тон сообщения. Очень полезным является изучение лица собеседника, его жестов и поз. При таком виде слушания можно определить состояние собеседника. Например, напряженность в сочетании с нервными, суетливыми движениями указывает на стресс. Длинные паузы или повторения тоже вызывают тревогу. Особое внимание следует уделять парапраксии – невольным оговоркам, которые, как правило, указывают на подсознательные чувства относительно кого-либо или чего-либо. Оценивающее слушание можно сделать максимально эффективным, если использовать прием, носящий название ПИН: надо начинать с фокусировки на Позитивных моментах в общении с собеседником, находить Интересное и только потом обращаться к Негативным аспектам его идей.

2. **Рефлексивное слушание** предполагает пересказ и повторение того, что только что было сообщено. Данный прием позволяет проверить полноту понимания сообщения, что помогает избежать ошибок и недоразумений в общении. Кроме того, реф-

лективное слушание помогает обнаруживать ошибки в самом общении, поскольку иногда услышав пересказ собственных идей, говорящий способен сам осознать их истинный смысл.

3. *Эмпатическое слушание* позволяет идентифицировать на основе использования языка и движений глаз стиль общения, предполагаемый собеседникам. Этот вид слушания предполагает следование некоторым правилам:

- 1) четкое представление о цели общения;
- 2) обеспечение предварительного психологического преимущества путем проявления инициативы в общении;
- 3) позитивный настрой и проявление внешней заинтересованности в общении;
- 4) проверка своего понимания услышанного посредством вопросов «кто?», «что?», «когда?», «где?», «почему?» и т.п.;
- 5) особое внимание к паузам, колебаниям или повторениям, которые указывают на волнение собеседника.

Эти виды слушания составляют суть обратной связи, которая необходима при выработке единой знаковой системы и единого понимания обсуждаемых вопросов во время общения. Адекватная интерпретация сообщения во многом зависит от визуальной репрезентативной системы. Наблюдения за ораторами свидетельствуют, что в разные моменты общения движение их глаз различно. В определенные моменты разговора одни люди поднимают глаза вверх и вправо, другие смотрят в сторону и влево, третьи опускают глаза вправо и вниз. Специалисты в области нейролингвистического программирования утверждают, что эти движения глаз неслучайны и характеризуют реакцию данного индивида на окружающую действительность. В нейролингвистическом программировании выделяют три вида модальности: визуальную, аудиальную и кинестическую.

Визуалы – люди, которые мыслят преимущественно образами и картинками. Они перемещают взгляд влево вверх, когда вспоминают реальное событие, и вправо вверх, когда что-нибудь придумывают. Поэтому, общаясь с визуалами, в свою речь следует включать такие слова, как «показать», «ясно», «видеть», «смотреть» и использовать такие фразы: «Я вижу, вы хотите сказать...», «Хотел бы взглянуть на это...», «Позвольте продемонстрировать» и т.д.

Аудиалы – люди, мыслящие преимущественно звуками и словами. Они перемещают взгляд влево в сторону, когда вспоминают реальные события, и вправо в сторону, когда что-нибудь придумывают. Для эффективного общения с людьми этого типа можно использовать фразы: «Я слышу, что вы говорите», «Мне нравится, как это звучит», «Я бы хотел рассказать вам о своих идеях...» и т.д. Когда их взгляд устремлен влево вниз, это свидетельствует о том, что они внимательно анализируют сказанное и говорят о необходимости паузы в общении.

Кинестетики – люди, которые хорошо осознают движение и реакции своего тела. Они часто обладают хорошей координацией и повышенной чувствительностью к жестам, позе и выражению лица других. Они переводят взгляд влево вниз, когда ослаблены, и вправо вниз, когда размышляют. Для эффективного общения с такими людьми обычно используют фразы, упоминающие о физическом контакте: «У меня такое ощущение, что мы на верном пути», «Позвольте коснуться некоторых основных положений...» и т.д.

Таким образом, необходимыми условиями успешного и эффективного общения являются понимание потребностей аудитории и максимальное приближение содержания сообщения и стиля изложения к этим потребностям. Только достигнув понимания,

можно определить структуру своего сообщения, которая позволит достичь поставленной цели.

Социальный интеллект – сложное многогранное явление со своей исторической динамикой и онтологическим содержанием, ядро которого составляют три понятия: «когнитивная (социальная) способность», «свойство личности» и «компетентность». В описании социального интеллекта главную роль играют социальные знаки, управление поведением и умение ладить с людьми.

Заклучение

С развитием компьютерно-информационных технологий в мировом сообществе особую остроту и актуальность приобрела проблема информационной безопасности. Международный терроризм, практика «гибридных» войн, наркотрафик и другие деструктивные проявления свидетельствуют о превращении информации определенного рода в подлинное оружие массового поражения. Осознание этой угрозы привело к необходимости выработки в нашей стране концепции информационной безопасности [4]. Практика последних лет показывает, что в обеспечении информационной безопасности решающее значение придается мерам ограничительного характера. Они призваны ограничить доступ к источникам информационного негатива. Не отрицая необходимости ограничений и запретов, следует отметить и их слабую сторону, а именно: реальные возможности современных компьютерных технологий в преодолении информационных барьеров. Не менее важным представляется изучение механизмов влияния информационных потоков на массовое сознание и выявление характера поведенческих реакций на них. Для этого необходима выработка маркеров определения уровня социального интеллекта общества, подбор оптимальных методик повышения уровня культуры межличностного общения, осуществление гуманитарной экспертизы управленческих решений. Реализация этих мер позволит существенно повысить качество социального планирования и прогнозирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лунева, О. В. История исследования социального интеллекта / О. В. Лунева // Знание. Понимание. Умение. – № 4. – С. 177–182.
2. Лунева, О. В. Основные модели социального интеллекта / О. В. Лунева // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2012. – Т. 18. – С. 44–46.
3. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. – М., 1965. – 533 с.
4. Президент: необходима эффективная деятельность по обеспечению информационной безопасности [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/>. – Дата доступа: 18.03.2019.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.04.2019

Luchenkova E.S., Myadel A.P. Social Intelligence Transition Society in Epistemological Discourse of Behaviorism

The article deals with the concept of «social intelligence», which is defined as the ability to work in collaboration with others, as well as verbal and non-verbal communication. Detailed characteristic of information exchange and the conditions for its successful implementation, namely the existence of feedback process, communication, communication barriers, phenomena of interpersonal influence, various levels of information transfer or subjective perception and information transfer channels, effects of space and time to transfer content is given. The specificity and content processes of selective attention and selective perception and attention on types and characteristics of active listening is shown. The author comes to the conclusion that it is necessary to study the mechanisms of transmission and assimilation of information in the context of growing information risks and threats in the modern world.

УДК 316.472.3:32.019.5:352

М.Я. Тишкевич

канд. социол. наук, доц. каф. политологии и социологии
Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины
e-mail: tishkevich@gsu.by

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

Статья посвящена актуальной проблематике формирования, накопления и реализации социального капитала на местном уровне управления и самоуправления. Дана характеристика ресурсного потенциала социального капитала с позиций социолого-управленческого подхода, проанализирован уровень информированности жителей о деятельности органов местной власти (на примере Гомельской области), поскольку информация является важнейшим компонентом социального капитала. На основании сравнительного анализа данных социологических исследований выясняются особенности деятельности по связям с общественностью органов местной власти в формировании, накоплении и реализации социального капитала. Рассмотрены как традиционные формы связей с общественностью органов местной власти, так и инновационные, показана их доступность и востребованность в оценках жителей Гомельской области.

Введение

Возрастающая роль социального капитала в развитии современного общества вызывает интерес у представителей как научного сообщества, так и органов власти, управленцев-практиков. Тесная связь социального капитала с положениями Конституции Республики Беларусь о социальном государстве подчеркивает общественную природу этого социального феномена. Вовлечение жителей в процесс управления на местном уровне выступает одной из приоритетных задач органов местного управления и самоуправления при реализации положений Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. Социальный капитал формируется и накапливается через различные виды деятельности и оформляется в систему устойчивых социальных связей (сетей) и отношений, основанных на общеразделяемых нормах и ценностях. Но, как справедливо подчеркивает С.А. Шавель, указывая на методологическую ошибку Ф. Фукуямы, это «общественно одобряемые и нравственно оправданные ценности и нормы» [1, с. 26]. Сохраняя свою устойчивость в целом, структура социального капитала на различных уровнях – национальном, региональном и местном – изменяется количественно и качественно в зависимости от имеющегося ресурсного потенциала. П. Бурдье, характеризуя социальный капитал пишет: «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [2, с. 66].

Ресурсный потенциал социального капитала в местном управлении и самоуправлении проявляет себя через вовлеченность жителей в практическое решение местных проблем. Гражданская вовлеченность в процесс управления на местном уровне на основе общепринятых и общеразделяемых местными сообществами социальных норм и ценностей выступает и как соучастие в управлении, и как совокупность форм контроля над процессом принятия управленческих решений органами власти местного уровня. Социальный капитал выполняет консолидирующую роль в обществе, но, как и другие формы капитала, выступает как стратифицирующий фактор, неизбежно воспроизводящий социальное неравенство. Определяя социальный капитал как «самовоспроизводящийся ресурс», С.А. Шавель, тем не менее, исключает автоматизм и спонтанность его реализации в обществе. Условия реализации потенциала социального капитала «мо-

гут и должны быть созданы совместными усилиями гражданского общества и управленческих структур всех уровней» [1, с. 18]. Очевидно, что участие жителей в процессе принятия и реализации управленческих решений зависит от своевременного информирования общественности о соответствующих аспектах деятельности органов местной власти и создания структурных и персональных каналов коммуникации с органами власти. Информированность местных жителей о различных аспектах деятельности органов местного управления и самоуправления способствует приумножению и реализации социального капитала, поскольку требует от жителей непосредственного реагирования и участия в проектах реализуемых органами местной власти. Так, Дж. Коулман пишет: «Важная форма социального капитала – возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям. Информация имеет большое значение для действия» [3, с. 128]. Органы местного управления и самоуправления, в свою очередь, заинтересованы в общественной поддержке реализуемых проектов, позитивных реакциях широкой общественности в отношении повседневной «рутинной» управленческой деятельности, формировании положительного имиджа местной власти.

Данные двух исследовательских проектов (2008 и 2016 гг.) по изучению мнения жителей Гомельской области о деятельности органов управления, проведенных по заданию Гомельского областного исполнительного комитета с применением аналогичного социологического инструментария для обеспечения единообразия базовых параметров и последующей сопоставимости полученных данных, отражают динамику изменения информированности жителей о деятельности органов исполнительной власти (таблица 1).

Таблица 1. – Как вы оцениваете свой уровень информированности о деятельности органов исполнительной власти?, %

	Год	
	2008	2016
Знаю все, что необходимо знать	21,8	26,5
Знаю все, что касается моей деятельности, рода занятий	20,8	27,6
Имею некоторое представление	44,6	30,9
Совсем ничего не знаю	7,5	7,4
Затрудняюсь ответить	5,3	7,6

Выделяются три группы жителей, различающихся уровнем информированности о деятельности органов местной исполнительной власти. Первая группа – это довольно значительная доля респондентов, заявивших о своей информированности в пределах необходимых интересов и компетенций. В исследовании 2016 г. – это каждый второй респондент (54,1 %), в исследовании 2008 г. – 42,6 %. Как видим, доля информированных жителей в 2016 г. выросла на 11,5 %. Почти каждый четвертый респондент (26,5 %) в 2016 г. указал, что знает «все, что ему необходимо», и практически столько же (27,6%), что знает «все, что касается его деятельности, рода занятий». В исследовании 2008 г. только каждый пятый респондент (21,8 %) указал что «знает все, что ему необходимо», и чуть меньше респондентов (20,8 %) указали, что знают «все, что касается их деятельности и рода занятий».

Вторая группа – это «малоинформированные» о деятельности местных органов власти жители Гомельской области, ответившие: «Имею некоторое представление»; в исследованиях 2016 и 2008 гг. это соответственно 30,9 и 44,6 %. За восемь лет доля «малоинформированных» жителей уменьшилась на 13,7 %.

Третья группа респондентов – это те, кто «совсем ничего не знает» о деятельности органов исполнительной власти. Доля таких жителей Гомельской области за период

2008–2016 гг. практически не изменилась (2016 г. – 7,4 %, в 2008 г. – 7,5 %). Затруднились ответить на этот вопрос анкеты 7,6 % респондентов в 2016 г. и 5,3 % в 2008 г.

Сравнительный анализ полученных данных показывает некоторые сдвиги в уровне информированности жителей о деятельности органов местной власти: увеличилась доля «информированных» граждан в рамках необходимых компетенций, и уменьшилась доля граждан, имеющих «некое представление» об этой деятельности. В содержательном аспекте полученные оценки в значительной степени обусловлены уровнем гражданской культуры общества, гражданственности местных жителей. Эти оценки также сформированы под влиянием информационных запросов и ожиданий людей относительно политических институтов общества, что связано с типом политического участия и поведения местных жителей.

Информированность людей о деятельности органов местной власти определяет степень их включенности в местную политическую и общественную жизнь, степень доверия и поддержки местных институтов власти, приумножение социального капитала. По мнению Р. Патнэма, доверие – «важнейший компонент социального капитала» [4, с. 173]. При этом социальный капитал понимается как «особенности социальной организации (принципы, нормы, структуры), которые способны упрочить эффективность осуществляемых обществом координированных действий» [4, с. 170].

Учитывая разработанную в социологии типологию социального капитала, мы делаем акцент прежде всего на «соединяющем» (Р. Патнэм) социальном капитале вертикальной направленности, связях между различающимися по статусным позициям людьми на разных уровнях власти. В свою очередь, развитие социальных связей «по горизонтали» и взаимодействия «по вертикали» властно-управленческих отношений активизирует соединяющие различные уровни таких отношений и взаимодействий компоненты социального капитала в виде идей, информации, общественной поддержки при решении местных проблем. Неформальный уровень коммуникации горизонтальной направленности поддерживается локальностью социальной среды, родственными, семейными отношениями и частыми обратными связями. Отвечая на вопрос анкеты о предпочтительных источниках информации о деятельности органов местной исполнительной власти (с выбором нескольких вариантов ответа одновременно), 39,1 % респондентов назвали коллег по работе, а 48,4 % опрошенных – знакомых и родственников. Можно полагать, что в этом проявляется одна из особенностей гражданской культуры жителей нашей страны, в которой коммуникационная активность реализуется как в высокой интенсивности формальных (институциональных), так и неформальных коммуникаций.

Предпочтения в выборе источников информации о деятельности органов местного управления характеризуют доступность и востребованность тех или иных информационных каналов, а также возможности органов местной власти использовать данные каналы при осуществлении связей с общественностью. Исследовательские данные 2008 и 2016 гг. показывают практикуемые формы работы местных органов власти по связям с общественностью, их оценки жителями Гомельской области (таблица 2).

Таблица 2. – Какие формы работы органов исполнительной власти практикуются на территории Вашего населенного пункта?, %

	Год	
	2008	2016
Выездные приемы граждан руководителями органов госуправления	31,2	39,0
«Прямая линия»	41,6	64,4
Теле- и радиопередачи с участием руководителей госучреждений	25,1	41,1
Выезд информационных групп в трудовые коллективы по месту жительства	16,7	30,8

Окончание

Выступления руководителей органов госуправления в трудовых коллективах	23,6	37,6
Выступления руководителей госучреждений в городской и районной прессе	28,4	40,1
Рассмотрение обращений граждан в средствах массовой информации	10,4	33,4
SMS-сообщения жителям города, района, села	–	9,5
Другое	1,7	1,9

Примечание – Респонденты выбирали несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

Сравнительные данные показывают, что лидирующую позицию в двух опросах сохранила «прямая линия» с руководителем: в 2016 г. на доступность и востребованность этой формы работы с общественностью указали 64,4 % респондентов, в 2008 г. – 41,6 %. Как видим, практика этой формы общественных связей возросла на 22,8 %.

Второй по степени значимости практикуемой формой работы по связям с общественностью в исследовании 2016 г. по оценке респондентов являются «теле- и радиопередачи с участием руководителей госучреждений» – 41,1 % ответов. В исследовании 2008 г. эта форма связи с общественностью в оценке респондентов занимала четвертую позицию – 25,1 % ответов.

Третью позицию среди практикуемых органами власти форм связей с общественностью заняли «выступления руководителей госучреждений в городской и районной прессе»: 40,1 % ответов респондентов в исследовании 2016 г. и 28,4 % – в 2008 г. Практика применения этой формы общественных связей увеличилась на 11,7 %.

Четвертую позицию среди практикуемых местными органами власти форм связей с общественностью в 2016 г. заняли «выездные приемы граждан руководителями органов госуправления» – 39 % ответов респондентов; в исследовании 2008 г. эта форма связей занимала вторую позицию – 31,2 % ответов.

Пятое место среди практикуемых форм общественных связей в опросе 2016 г. заняли «выступления руководителей органов госуправления в трудовых коллективах» – 37,6 % ответов; в исследовании 2008 г. это четвертая позиция – 23,6 % ответов.

Шестое место в списке практикуемых форм связей с общественностью занимает «рассмотрение обращений граждан в средствах массовой информации» (33,4 % ответов в 2016 г. и 10,4 % в исследовании 2008 г.). Популярность этой формы общественных связей выросла за 2008–2016 гг., по оценкам респондентов, практически в три раза.

Седьмую позицию среди форм общественных связей в исследовании 2016 г. заняли «выезд информационных групп в трудовые коллективы по месту жительства» (30,8 % ответов респондентов; в 2008 г. – 16,7 %) г., т.е. практика применения этой формы общественных связей выросла на 14,1 %.

Наименее практикуемой формой связей местных органов власти с общественностью в исследовании 2016 г. названы «SMS-сообщения жителям города, района, села» – всего 9,5 % ответов респондентов. В исследовании 2008 г. эту форму практикуемых общественных связей респонденты не указали ввиду того, что на территории Гомельской области она стала применяться с 2013 г.

Заключение

Согласованные совместные действия ассоциаций гражданского общества и институтов местной власти должны основываться на доверии, толерантности, публичном и открытом обсуждении имеющихся и возникающих проблем, что создает условия формирования, накопления и реализации социального капитала. Связи с общественностью органов местного управления и самоуправления выступают как составная часть «редуцированной комплексности действия» власти (Н. Луман), как технология, обеспе-

чивающая информационно-коммуникационные взаимодействия органов местного управления и самоуправления и общественности. Управление информационно-коммуникативными отношениями предусматривает обратную связь – возможность и способность получать полную и достоверную информацию о состоянии и тенденциях развития общественного мнения, господствующих настроениях в ключевых группах общественности на местном уровне. Поэтому востребованными оказались непосредственные коммуникации с региональными и местными руководителями, обеспечивающие прямое взаимодействие и быструю обратную связь.

В деятельности органов местной власти по связям с общественностью по-прежнему актуальны такие традиционные и доступные каналы массовой коммуникации, как региональные и местные СМИ, работа выездных информационных групп в трудовых коллективах. Новшеством в механизме связей с общественностью органов местной власти стало применение цифровых технологий, Интернета. Эти изменения отражают динамику развития информационного пространства в современном белорусском обществе. Однако почти каждый второй респондент находит информацию о местных органах власти в своем ближайшем социальном окружении – коллеги по работе, родственники и знакомые (горизонтальные связи).

Социальный капитал, таким образом, формируется, накапливается и реализуется под влиянием как формальных институтов и правил, которые непосредственно или опосредованно оказывают воздействие на структуру социальных связей, так и неформальных – профессиональных, родственных, личных связей и отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шавель, С. А. Социальный капитал как источник инновационного развития / С. А. Шавель // Социология. – 2008. – № 1. – С. 16–35.
2. Бурдые, П. Формы капитала [Электронный ресурс] / П. Бурдые // Экон. социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74. – Режим доступа: <https://ecsoc.msses.ru>. – Дата доступа: 02.02.2019.
3. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Обществ. науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
4. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; пер. с англ. А. Захарова. – М. : Ad Marginem, 1996. – 288 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.02.2019

Tsishkevich M.Y. Social Capital and Public Relations of Local Government: Socio-Administrative Approach

The article is dedicated to current issues of creation, accumulation and utilization of social capital at the level of local government and self-government. The author describes resource potential of social capital from the viewpoint of socio-administrative approach. He also analyses the level of information awareness of inhabitants of Gomel region because information is one of the most important elements of social capital. The article clarifies specifics and role of Public Relations activities of local government in creation, accumulation and utilization of social capital based on comparative analysis of social survey data. The author examines traditional as well as innovative PR activities of local government revealing its availability and demand based on opinions of inhabitants of Gomel region.

УДК: 392.6

Д.В. Столяров

магістр социол. наук, мл. науч. сотрудник

Института философии Национальной академии наук Беларуси

e-mail: nizshe@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ ЖИЗНИ МУЖЧИН В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Проводится сравнительный анализ основных количественных показателей продолжительности и качества жизни мужского и женского населения Республики Беларусь. Также приводятся данные по распространенности профессиональных заболеваний и вредных привычек среди мужчин и женщин. Обосновывается тезис о взаимосвязи повышения уровня заболеваемости и смертности среди мужчин и влияния патриархально-маскулинных стереотипов. Описываются негативные особенности социализации в патриархальном обществе. Анализируется состояние современного гендерного общества Беларуси. Подвергается критике патриархальная гендерная концепция с точки зрения общечеловеческих ценностей и принципов гендерного равенства. Предлагаются пути разрешения сложившегося в белорусском обществе кризиса гендерной культуры.

Введение

В постсоветский период для Беларуси начался новый этап культурного формирования. Страна обрела фактическую независимость, а ее общество стало более открытым для восприятия новых идей и концепций гендерных отношений. Несмотря на это, в нашей стране не проводилась тотальная десоветизация, вследствие чего сохранились и некоторые прежние представления о гендерных ролях. В своем пространстве Беларусь, пожалуй, единственная страна, удерживающая относительно нейтральную позицию по отношению к североатлантическим альянсам и восточным цивилизациям [1, с. 18].

Беларусь сложно упрекнуть в гендерном неравенстве при распределении властных полномочий, даже несмотря на существующий дисбаланс в количестве мужчин и женщин на руководящих должностях. Отсутствие акцента на гендере при осуществлении должностных назначений – только в плюс белорусской модели развития.

Такой подход в гендерной сфере можно трактовать как подавление чувств восприятия другого как инакового в негативном плане. Это дает возможность избежать неприятия и отторжения целых групп граждан друг от друга [2, с. 10]. Однако, несмотря на стремление к формальному обеспечению гендерного равенства, в белорусском обществе по сей день прослеживаются черты консервативного патриархального уклада. Нельзя сказать, что на официальном уровне идеи гендерного равенства не реализуются. Можно констатировать, что при распределении функций и полномочий в государстве гендерный баланс учитывается. Это даже правильно, что на нем не заостряется внимание, что свидетельствует о гендерно нейтральной политике государства. Тем не менее проблемные моменты остаются. Следует сказать, что они не только чисто мировоззренческого характера. Морально-мировоззренческие аспекты тесно переплетаются с рядом законодательных положений. Остро стоит вопрос о том, как убедить общество отказаться от привычных схем поведения и начать реализовывать себя в новых направлениях. Основными препятствиями к этому остаются недоработки в сфере социально-экономической деятельности, а также трансляция маскулинных поведенческих практик в СМИ, что порой вступает в противоречие с адекватной и умеренной в гендерном пла-

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

не государственной политикой. Такое положение вещей приводит к тому, что на бытовом уровне по сей день доминируют традиционные гендерные стереотипы. Визуальные и даже в некоторой степени смысловые интерпретации их изменились, но суть осталась прежней. Мужчине навязывается образ напористого и активного, в женщине приветствуется сдержанность и умеренность. Мужчина, не вписывающийся в обозначенные рамки, в той или иной степени подвергается осуждению, хоть, конечно, это и не имеет законодательно оформленного характера, как в более консервативных странах.

Цель исследования – показать взаимосвязь патриархальных стереотипов и уровня жизни мужчин. В контексте указанной цели решаются следующие задачи:

- 1) провести сравнительный анализ продолжительности жизни и уровня смертности мужчин и женщин;
- 2) проанализировать распространение вредных привычек и заболеваний среди населения Беларуси;
- 3) описать характер и ценностные патриархальные установки в белорусском обществе;
- 4) обозначить негативные социальные тенденции в патриархальном обществе.

Основные количественные характеристики продолжительности жизни и уровня смертности мужчин и женщин Республики Беларусь

Существенные проблемы положения современного белорусского мужчины отражаются и в показателях продолжительности жизни. Наиболее информативны в этом отношении уровни средней продолжительности жизни и продолжительности жизни после выхода на пенсию (таблицы 1 и 2).

Таблица 1. – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет [3, с. 64]

	Год							
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Женщины	76,5	76,7	77,6	77,9	78,4	78,9	79	79,2
Мужчины	64,6	64,7	66,6	67,3	67,8	68,6	68,9	69,3
Разница	11,9	12	11	10,6	10,6	10,3	10,1	9,9

Таблица 2. – Продолжительность жизни после выхода на пенсию, лет [4, с. 16]

	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Женщины	21,5	21,7	22,6	22,9	23,4	23,9
Мужчины	4,6	4,7	6,6	7,3	7,8	8,3
Разница	16,9	17	16	15,6	15,6	15,6

Так, согласно официальным данным, продолжительность жизни мужчин на протяжении изучаемых 2010–2015 гг. была более чем на 10 лет меньше женской. Но, несмотря на такую разницу, женщины выходят на пенсию значительно раньше. Произведя расчеты, можно прийти к выводу, что во многом из-за подобного положения дел мужчины живут на пенсии на целых 15,6 лет меньше, если брать последние три года, представленные в таблице.

Если же рассматривать период с 2010 по 2012 г., то там ситуация еще более проблематичная, и разрыв в продолжительности жизни на пенсии варьируется от 16 до 17 лет. Поэтапное повышение пенсионного возраста с 2017 г. до 63 и 58 лет для мужчин и женщин соответственно также скажется в дальнейшем не лучшим образом на продолжительности и качестве жизни, в первую очередь мужчин [4, с. 16].

Максимальные различия в смертности обоих полов проявляются в виде двух пиков: у молодых людей и мужчин в возрасте около 60 лет. Юноши чаще всего погибают вследствие насильственной смерти и несчастных случаев, а мужчины указанного возраста от заболеваний сердечно-сосудистого и онкологического характера [5, с. 18]. Можно сделать вывод о том, что такие данные во многом обусловлены патриархальными гендерными стереотипами. Маскулинная культура требует от юноши активности и напористости, что в конечном итоге и заканчивается рискованным поведением, сопряженным с риском смерти от насильственных действий или от несчастного случая. От мужчины в такой культуре требуется максимальная трудовая отдача и максимальный финансовый успех, что предполагает неадекватные физические и психологические нагрузки, которые в последующем и приводят к заболеваниям и травмам.

Основные распространенные заболевания в большей степени присутствуют среди мужского населения. Гендерные соотношения в Беларуси на 2017 г. представлены по наиболее распространенным и тяжелым типам заболеваний, где ярко показана большая подверженность им именно мужского населения нашей страны (таблица 3).

Таблица 3. – Гендерная статистика уровня смертности на 100 тыс. человек [3, с. 21]

Болезни системы кровообращения		Злокачественные новообразования		Сахарный диабет		Хронические респираторные заболевания	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
718,1	679,9	245,8	149,3	2,6	2,4	22,5	5,3

Как видно, среди мужчин по причине указанных заболеваний наблюдается большая смертность. Тем не менее, как международные, так и национальные организации здравоохранения придерживаются совершенно непропорционального распределения внимания и средств для обеспечения уровня здоровья людей. Проблема производственного травматизма также в большей степени затрагивает мужчин. На 100 тыс. работников, пострадавших или погибших вследствие производственных травм, приходится 0,4 женщин и 4,3 мужчин [3, с. 24]. Кроме того, существенная часть работ как производственного, так и сельскохозяйственного характера переложена на мужчин. Такая ситуация не лучшим образом сказывается как на здоровье, так и на демографии, поскольку провоцирует гендерный дисбаланс и увеличивает нагрузку на мужское население. Вместе с тем, учитывая современный уровень автоматизации, можно сказать, что во многих сферах подобного рода гендерная характеристика при выполнении обязанностей уже не играет решающей роли [6, с. 499].

Наша страна по сей день серьезно сталкивается с проблемой суицидов и на протяжении длительного времени является одним из мировых лидеров по данному показателю. В Беларуси каждый год около 3 тыс. человек сводят счеты с жизнью, и это в два раза больше людей, чем погибает в ДТП. Как правило, два человека из трех, кто решился на суицид, – граждане, находящиеся в трудоспособном возрасте, т.е. те люди, которые создавали и могли бы создавать в будущем составляющие духовного и материального благополучия общества [7, с. 158]. Гендерное соотношение смертей трудоспособных граждан от самоубийств таково: 2011 г.: мужчины – 1 415, женщины – 218; 2016 г.: мужчины – 1 237, женщины – 211; 2017 г.: мужчины – 1 224, женщины – 162 [3, с. 54].

Численность суицидов на 100 тыс. человек в Беларуси существенно не меняется на протяжении длительного периода: 1985 г. – 23; 1995 г. – 31,5; 2000 г. – 33,3; 2007 г. – 27,5; в 2009 г. – 28,5. Как и в России, заметно, что в Беларуси наибольшее число самоубийств пришлось именно на один из самых неблагоприятных периодов в истории нашей страны – 1990-е гг., а с 2010 г. наблюдается понижение данного показателя, который в этом промежутке составлял 23 [7, с. 158]. Гендерный дисбаланс в показателе

о самоубийствах по-прежнему сохранялся очень значительный. В 2011 г. смертность по причине самоубийства составляла среди женщин 380, среди мужчин – 1 794; в расчете на 100 тыс. человек этот показатель составлял для женщин 7,5, для мужчин 40,7. В 2016 г. число самоубийств среди женщин было 386, среди мужчин – 1 656; в расчете на 100 тыс. человек эти показатели составляли 7,6 (женщины) и 37,4 (мужчины) [3, с. 52].

В Беларуси так же, как и в России, наблюдается существенная разница в количестве женских и мужских суицидов: женщины вследствие самоубийства погибают в 4 раза реже. У мужчин в Беларуси вероятность смерти из-за самоубийства выше в 16 раз, чем у женщин [7, с. 158]. В 2017 г. показатель смертности от самоубийств в Беларуси на 100 тыс. человек составил 36,7 для мужчин и только 6,3 для женщин; в числовом выражении это составляет 1 625 мужчин и 320 женщин [3, с. 21, 52].

Ввиду проблемы разрыва в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами даже Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) называет «нормальной» и «естественной» разницу между продолжительностью женской и мужской жизнью в пять лет [5, с. 17]. Звучит это достаточно странно, при том, что данная организация придерживается позиции равнозначности женского и мужского организма в плане устойчивости и долговечности, а значит, гендерные признаки с чисто физиологической точки зрения никак не обуславливают продолжительность жизни. В такой ситуации, допуская нормальными и естественными какие-либо различия между мужчинами и женщинами в данном показателе, ВОЗ, учитывая то, что мужчины во всем мире живут меньше, косвенно признает именно первостепенную дискриминацию мужчин, хотя в своих отчетах говорит по большей части лишь о женской, проводя откровенно некорректную и дискриминационную по отношению к мужчинам политику двойных стандартов. Это проявляется в акцентировании внимания на необходимости защиты женского здоровья и расширении возможностей женщин для получения качественных медицинских услуг и второстепенное внимание к мужским проблемам, несмотря на худшее здоровье мужчин и значительно более низкую продолжительность жизни. Это подтверждается и в нашей стране, где даже допускаемая ВОЗ разница в этом показателе в пять лет больше в 2,2 раза [5, с. 17]. Конечно, в развитых странах этот разрыв менее ощутим и находится в пределах установленной ВОЗ «нормы», но даже там такая проблема сохраняет актуальность. В целом можно резюмировать, что в Беларуси смертность вследствие внешних факторов у мужчин в четыре раза выше, чем у женщин. Это значит, что мужчины гораздо чаще умирают не из-за биологических, а социальных причин, которые могут быть связаны с несчастными случаями, убийствами, самоубийствами, отравлениями, травмами и т.д. [5, с. 18, 19]. Например, в 2011 г. соотношение смертности в трудоспособном возрасте по основным классам причин смерти среди мужчин и женщин было 26 634 к 5 806; в 2016 г. этот показатель составлял 17 516 к 3 923, в 2017 – 17 394 к 3 807 [3, с. 54].

В 2012 г. более 80 % умерших в трудоспособном возрасте граждан Беларуси были мужчины. На этот же год смертность мужчин трудоспособного возраста была выше, чем у женщин в 4,3 раза, а смертность от внешних причин в 5,6 раза [5, с. 18, 19].

Подобное положение вещей демонстрирует уязвимую социальную позицию мужского населения. Статистические данные указывают на более низкую по сравнению с женщинами продолжительность жизни мужчин практически по всем категориям граждан и практически по всем категориям причин смерти. Это может быть связано как с упущениями и недоработками в социально-образовательной и культурной сферах, так и с вопросами экономического характера. Проблемность последних заключается не только в справедливом распределении благ, но и в адекватном и рациональном распределении производственных сил и определении обязанностей.

Подтверждаются приведенные данные и показателями соотношения мужского и женского населения. Если в возрасте от 15 до 34 лет наблюдается некоторое преимущество в численности мужского населения над женским, которое варьируется от 947 женщин на 1 000 мужчин до 972 женщин на 1 000 мужчин, то начиная с возрастной категории 35–39 лет уже отмечается обратное соотношение, и на 1 000 мужчин приходится 1 008 женщин. В возрастной категории 40–44 лет это соотношение еще больше увеличивается и достигает 1 058 женщин на 1 000 мужчин; категория 45–49 лет уже характеризуется показателем соотношения 1 104 женщины на 1 000 мужчин. И далее тенденция сохраняется: 50–54 года – 1 147 женщин на 1 000, 55–59 лет – 1 212 женщин на 1 000 мужчин, 60–64 года – 1 368 женщин на 1 000 мужчин, наконец, в возрасте 70+ соотношение 2 469 женщин на 1 000 мужчин [8, с. 25–26].

Что касается общего соотношения мужчин и женщин в 2018 г., то статистические показатели таковы: количество женщин наиболее трудоспособного и фертильного возраста (от 15 до 39 лет) составляло соответственно 220 281 и 350 574; количество же мужчин в данном возрастном промежутке было 232 987 и 349 879. Только в более «зрелых» возрастных группах наблюдается небольшой перевес женского населения. В молодежных категориях по количеству стабильно доминировали и доминируют мужчины. Если же рассматривать нефертильные когорты и когорты с быстропадающей фертильностью, работоспособностью и социальной активностью (от 40 до 70 лет), то в 2018 г. женщин в них насчитывалось в зависимости от возраста от 335 305 до 653 288 человек. В этом же возрастном промежутке количество мужчин составляло от 318 786 до 267 163 человек [3, с. 34].

Как видно из приведенных данных, чем более нефертильна, неработоспособна и социально пассивна возрастная категория, тем более существенен там гендерный дисбаланс в пользу женского населения. Как уже отмечалось, это можно объяснить более высокой социальной и трудовой нагрузкой на мужчин, обусловленной патриархально-маскулинными стереотипами, все еще активно функционирующими в белорусском обществе. Действие этих стереотипов выражается и в трудоголизме, и в различных иных формах девиантного поведения, связанных с преступностью и вредными привычками, и в легкомысленном отношении к своему здоровью в целом со стороны мужчин. Женщины же, вопреки навязываемым радикальными феминистками позициям, находятся в гораздо лучшем физическом и моральном состоянии, что и отражено в данных о продолжительности жизни и количественных показателях полового соотношения населения.

Распространение вредных привычек и заболеваний среди мужского и женского населения Республики Беларусь

Более высокую долю мужского населения в плане наличия вредных привычек последовательно подтверждает статистика. В таблице 4 приведены данные по распространенности алкоголизма и табакокурения среди населения Беларуси за 2010–2013 гг.

Таблица 4. – Численность лиц, находящихся на диспансерном наблюдении по причине зависимости от алкоголя, % [9, с. 112]

Год	Всего	Мужчины	Женщины
2010	179 871	80,4	19,6
2011	178 608	79,8	20,2
2012	176 841	79,5	20,5
2013	174 076	79,3	20,7

Анализируя приведенные показатели, можно отметить стабильно высокую алкоголизацию населения с явным превалярованием мужчин. Конечно, некоторое снижение

показателя также наблюдается, но на данный момент оно мало влияет на общее положение дел [9, с. 112]. Такой вывод подтверждается и статистическими данными. Смертность от случайного отравления алкоголем в 2011 г. среди мужчин составила 1 511 человек, среди женщин – 280; в 2016 г. – 932 мужчин и 143 женщины; в 2017 г. – 934 мужчины и 177 женщин [3, с. 54].

Если же говорить про употребление алкоголя вообще, не связанное с алкоголизмом как заболеванием, то весьма интересное исследование на эту тему было проведено в 2011–2013 гг. среди учащейся молодежи. Гендерные различия в нем также показали значительный перевес юношей по употреблению алкоголя. Так, еженедельно употребляют алкоголь 10 % юношей и лишь 4,7 % девушек.

Мотивы употребления, которые были выяснены в ходе приведенного исследования, также любопытны: «расслабиться», «забыть неприятности», «поднять настроение», «обеспечить общение с лицами противоположного пола». Исследование также показало, что в сознании молодых людей употребление алкоголя отождествляется с самостоятельностью, красивой жизнью и престижным положением. Именно эти характеристики являются одними из ключевых факторов успешности человека в патриархально-маскулинном обществе.

Можно сказать, что во многом на употребление алкоголя подталкивает молодых людей именно неуверенность в своих силах, ощущение уязвимости и депрессии, вызванное подсознательным пониманием невозможности достижения традиционных идеалов маскулинности в их социально приемлимой форме [9, с. 127, 129].

С табакокурением ситуация примерно схожая. Согласно результатам приведенного исследования, среди изученной группы студентов курили 40,2 % юношей и 26,2 % девушек. Как видно, разница в гендерном соотношении составляет 14 %, что является достаточно существенным показателем [9, с. 131]. Если же говорить о населении Беларуси в целом, то и во всех остальных социальных группах «гендерный перекося» в употреблении табака также весьма ощутим. К примеру, на протяжении 2010–2017 гг. доля курящих мужчин в Беларуси варьировалась от 51,1 до 43,9 %, доля же курящих женщин также изменялась от 9,8 до 8,8 %. Учитывая, что основной мотив употребляющих табачные изделия чаще всего трактуется как «стресс», «успокоить нервы» и «расслабиться», то можно сказать, опираясь на указанный количественными данными гендерный дисбаланс, что белорусские мужчины живут в условиях значительно больших стрессов, нежели женщины [8, с. 59].

Количество зарегистрированных лиц, страдающих от наркомании и токсикомании, среди мужчин и женщин на протяжении 2011–2017 гг. варьировалось от 4 – 2,5 на 100 тыс. человек среди женщин до 29,2 – 11,3 на 100 тыс. человек среди мужчин. В связи с этим можно указать и на гендерную разницу в распространении ВИЧ-инфекции: на протяжении 2011–2017 гг. среди женщин этот показатель изменяется с 575 до 928 впервые выявленных ВИЧ-инфицированных, среди мужчин – с 621 до 1 540 [3, с. 69]. Поэтому нужно ставить вопрос о необходимости особого внимания именно к разработке программ защиты мужского здоровья и гармоничного развития мужской идентичности. Это позволит снизить риски девиантного поведения, которое приводит к ухудшению здоровья, распространению заболеваний и общему снижению качества и безопасности жизни населения.

Пожалуй, самым показательным примером негативного влияния патриархальных стереотипов и маскулинной культуры на общество является субъективная оценка мужчинами и женщинами своего здоровья (таблица 5).

Таблица 5. – Субъективная оценка здоровья мужчинами и женщинами, % [3, с. 80]

	Оценка состояния здоровья	Год				
		2012	2015	2016	2017	2018
Женщины	Хорошее	26,8	23,4	23,9	23,9	24
	Удовлетворительное	63,7	65,6	66	65,1	65,5
	Плохое	9,5	11	10,1	11	10,5
Мужчины	Хорошее	36,5	32,1	33,1	32,9	32,8
	Удовлетворительное	57,5	59,4	59,3	59,6	59,6
	Плохое	6	8,5	7,6	7,5	7,6

Из указанных данных можно сделать вывод о серьезных противоречиях и нестыковках в жизненной позиции и самооценке белорусских мужчин. С одной стороны, исходя из данных о заболеваемости и продолжительности жизни, видно, что качество жизни мужчин значительно хуже, что мужчины значительно чаще подвержены заболеваниям и смертности в трудоспособном возрасте. С другой стороны, согласно данным таблицы 5, видно абсолютно некритичное отношение мужчин к своему здоровью. Если к характеристике «удовлетворительное» еще чуть более тяготеют женщины (хотя разбежка с мужскими оценками не более 5,5–6,7 % в ходе указанного временного отрезка), то к характеристике «хорошее», вопреки статистической логике, тяготеют мужчины, и разбежка с женскими оценками составляет от 8,7 до 9,7 %. В это же время как «плохое» свое здоровье оценивает значительно меньше мужчин, чем женщин. Разбежка между мужскими и женскими оценками – 2,5–3,5 %. Стоит отметить, что и характеристика «удовлетворительное» у женщин в возрасте 60+ становится ниже, чем у мужчин (73,7 % у мужчин против 71,4 % у женщин).

Подобное отношение к жизни у граждан мужского пола сформировалось вследствие длительного воздействия патриархальных стереотипов, предписывающих мужчине не афишировать слабостей и проблем и демонстрировать силу, успешность и неуязвимость. Так, можно проследить, как патриархат разрушает сам себя, создавая иллюзорную власть мужчин, которой в действительности владеет лишь небольшая их часть, в то время как большинство лишь страдает физически и духовно от собственного неправильного отношения к себе и жизни в целом.

Статистика о распространении и выявлении профессиональных заболеваний также говорит о значительно большей подверженности им именно мужчин (таблица 6).

Таблица 6. – Количество профессиональных заболеваний [3, с. 71]

	Год				
	2011	2014	2015	2016	2017
Мужчины	89	68	72	67	66
Женщины	34	23	21	30	18

Таким образом, в перспективе с учетом существенного разрыва в продолжительности жизни и необходимости обеспечения гендерного равенства наиболее рациональной мерой было бы соответствующее реформирование ряда положений, регулирующих трудовые отношения и процесс выхода на пенсию. В качестве таковых можно предложить пересмотр политики трудовых льгот и особых условий в рамках Трудового кодекса, а также уравнивание пенсионного возраста, тем более что позитивный опыт подобных решений в мире уже имеется. Так, в Армении мужчины и женщины выходят на пенсию в возрасте 63 года, в Венгрии – в 62, в Канаде, на Кипре и в Испании – в 65 лет [10, с. 33].

Специфика негативного влияния традиционных патриархальных ролей в процессе социализации

На данном этапе крайне важно начать активное и решительное преодоление патриархальных стереотипов именно на уровне массового сознания. Ведь неспроста уровень девиантного поведения у мужчин выше, продолжительность жизни ниже. Причина всякой девиации – определенный психологический фактор. Нездоровая психологическая атмосфера приводит к той или иной форме деградации. Можно констатировать, что на протяжении нескольких лет в Беларуси наблюдалось существенное повышение количества самоубийств, а также увеличение процента алкоголизации населения. Примечательно, что в обоих этих случаях подавляющее большинство девиантов – мужчины. Многие мужчины оказываются заложниками неверных поведенческих установок патриархального характера, которые их-то в первую очередь и дискриминируют. Общество требует выдерживать определенный уровень и соответствовать определенным критериям успешности, которые не могут на самом деле носить характера абсолютной ценности.

В современном белорусском обществе, сохранившем в себе как ряд устаревших патриархальных мифов и стереотипов, так и вобравшем в себя новые и часто далеко не лучшие идеи феминизма, положение мальчиков и мужчин значительно осложнилось не только в правовом, но и в моральном плане. Во многих семьях, с одной стороны, воспитывают мальчиков по старым патриархальным правилам, с другой – ожидают от них в будущем соответствия новым принципам гендерных отношений. Главная проблема здесь – избирательное принятие многими воспитателями патриархальных и феминистских установок, что всегда идет не в пользу воспитанников. Более того, многие требования и установки, предъявляемые мальчикам, попросту противоречат друг другу и невозможны в одном человеке. В общем плане это выражается в требовании сочетать в себе чувственность мужчины новой эры (уважительное и нежное отношение к девочкам или девушкам, душевность, романтичность, заботливость, юмор) с твердостью мужчины патриархального уклада (брутальность, ответственность за все, лидерство во всем, инициативность, немногословие). В условиях двойных стандартов подобного рода не удивительно, что многие юноши либо ведут себя откровенно девиантно, либо просто теряются и впадают в состояние аномии и индифферентности. Последнее зачастую происходит просто потому, что мальчик в процессе взросления так и не встретил ни одной мужской роли, которая показалась бы ему привлекательной и одновременно достижимой [11, с. 2, 32].

Подтверждается это и результатами соответствующего исследования, проведенного в 2000 г. Несмотря на то, что исследование проводилось достаточно давно и больше ничего подобного в Беларуси не организовывалось, уже тогда выявились интересные факты. Заключались они в том, что, согласно опросам, традиционные гендерные роли в семье, носящие патриархальный характер, поддерживали в большей степени женщины, нежели мужчины. Тем не менее в рамках изучения другого вопроса в исследовании, посвященном мужскому взгляду на функции и роли мужчин в обществе «Гендерное равенство в университетах г. Минска» (2012), данные показали, что парни гораздо более патриархально-традиционны при взгляде на свой пол и свои гендерные роли, чем девушки. Например, с утверждением, что «мужчина должен быть сильным и скрывать свои эмоции», согласились 58 % от общего числа опрошенных (69 % парней и 47 % девушек). Интересно, что в этом вопросе девушки оказались даже несколько лояльнее к парням, чем они сами к себе.

Еще одним индикатором патриархальности нашего общества может служить то, что утверждение о том, что пора перестать относиться к девушкам как к слабым существам, поддержало менее половины опрошенных. Это можно опять же объяснить нега-

тивным влиянием патриархальных гендерных стереотипов, которые в первую очередь дискриминируют и разрушают мужчин, заставляя их выбирать неверную жизненную стратегию. Таким образом, обобщая данные приведенных исследований, можно сделать вывод о двойной психоэмоциональной нагрузке на мужчин в условиях традиционной стереотипизации. Это выражается в специфических требованиях женщин к ним и в таких же требованиях по отношению к самим себе. Основная проблема именно в неадекватности и несовременности данных требований в контексте политики социальной справедливости и гендерного равенства, что отражается и на мужчинах, и на женщинах [5, с. 37].

Заключение

В рамках современной белорусской культуры основные противоречия маскулинности и феминности еще не сняты. Именно уровень массового сознания, уровень среднестатистического гражданина требует сейчас особого внимания. На данный момент существующее маскулинное восприятие гендерной реальности столкнулось с новыми жизненными обстоятельствами, объективно требующими его трансформации. Сейчас это выливается в социально-культурные противоречия в сфере гендерных отношений, свойственные уже для современной Беларуси.

Существующее патриархально-маскулинное мировоззрение в нашей культуре часто вступает в противоречия с гендерными концепциями, приходящими извне. В связи с этим для белорусской нации всегда вставали и встают проблемы самоопределения и восприимчивости. Несовременность патриархата, прочно укоренившегося в нашем обществе, противостоит радикальным гендерным концепциям, активно навязываемым с Запада. И в том, и в другом случае для белорусского общества возникают опасности либо страдать из-за несоответствия современным реалиям, либо страдать в ходе перегибов и односторонности гендерной политики профеменистского характера. В связи с этим важно обратить внимание на возможность формирования гармоничной модели общества, основанной на сохранении лучшего традиционного опыта и перенятии оптимальных и логически обоснованных зарубежных разработок.

Выводы:

1. Уровень смертности мужчин в Беларуси значительно превышает уровень смертности женщин.
2. Среди белорусских мужчин распространение вредных привычек и заболеваний существенно превосходит данные показатели у женщин.
3. Основные ценности патриархального общества связаны с максимальным успехом во всех сферах жизни и мужским лидерством во всех социальных ситуациях, что создает стрессовые ситуации для мужчин и ставит под угрозу их здоровье и благополучие.
4. Социально приемлемые формы реализации патриархальных идеалов трудно достижимы для большинства мужчин, что приводит к повышению уровня девиантности мужского населения.
5. Распространенность в белорусском обществе патриархальных стереотипов существенно влияет на повышение смертности и заболеваемости среди мужчин.
6. Необходимо пересматривать характер традиционных мужских и женских гендерных ролей в воспитательных и образовательных институтах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазаревич, А. А. Национальная философия: белорусский контекст / А. А. Лазаревич // Национальная философия в глобальном мире : материалы Первого белорус.

филос. конгресса, Минск, 18–20 окт. 2017 г. / НАН Респ. Беларусь, Ин-т философии. – Минск, 2018. – 766 с.

2. Бабосов, Е. М. Ценностные ингредиенты славянского менталитета – глубинное продуцирующее основание Евразийского экономического союза / Е. М. Бабосов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы IX Междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 мая 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь ; Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель, 2015. – С. 9–12.

3. Женщины и мужчины Республики Беларусь : сб. ст. / редкол.: И. С. Кангро [и др.]. – Минск, 2018. – 167 с.

4. Женщины и мужчины Республики Беларусь : сб. ст. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 216 с.

5. Сидорская, И. В. Гендер и СМИ : учеб. пособие / И. В. Сидорская, А. Раду. – Минск : РИВШ, 2014. – 134 с.

6. Злотников, А. Г. Демографические процессы в деятельности потребительской кооперации Беларуси / А. Г. Злотников // Основные направления и формы развития потребительской кооперации в странах Европы и Азии: опыт, проблемы, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. Чаяновских чтений, Москва, 17–18 нояб. 2016 г. – М., 2016. – С. 498–502.

7. Онуприенко, С. П. Экологическая культура в сознании детей и взрослых Беларуси: грани становления / С. П. Онуприенко. – Минск : Экоперспектива, 2015. – 212 с.

8. Семья в Республике Беларусь : сб. ст. / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2017. – 114 с.

9. Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / НАН Респ. Беларусь, Ин-т философии ; под ред. О. А. Павловской. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 429 с.

10. Василевич, Г. А. Совершенствование статуса женщин в контексте защиты прав мужчин / Г. А. Василевич // Право и экономика : науч.-практ. сб. законодательства с комментариями. – Минск, 2017. – Вып. 7. – С. 31–36.

11. Поллак, У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / У. Поллак ; пер. с англ. Е. Жолнина. – М. : Ресурс, 2013. – 560 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.02.2019

Stolyarov D.V. Influence of Patriarchal Stereotypes on the Indicators of the Living Standard of Men in Belarusian Society

The article contains a comparative analysis of the main quantitative indicators of the duration and standard of living of the male and female population of the Republic of Belarus. The data on the prevalence of diseases and deviations among men and women are shown. The negative features of socialization in a patriarchal society are described. The state of the modern gender society in Belarus is analysed. The ways of resolving the crisis of gender culture in the Belarusian society are suggested.

УДК 316.33

М.Г. Соколовская

ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: llogos@list.ru

КИНИЗМ И УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ О ПРЕОДОЛЕНИИ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

Рассматриваются взгляды киников и социалистов-утопистов на различные аспекты преодоления гендерного неравенства в идеальном государстве. Решение этой проблемы, в первую очередь, они связывают с освобождением общества от социально-классовых противоречий, необходимостью повышения интеллектуального и культурного уровня женщин посредством создания общей с мужчинами системы образования. Киники и социалисты-утописты доказывают важность более широкого участия женщин в производственной (но не общественной) деятельности, предлагают семейные и сексуальные отношения мужчин и женщин строить исключительно на свободе выбора (в некоторых концепциях допускается примитивизация этих отношений в контексте «общности жен и детей»). В гендерной сфере допускается масштабный государственный контроль и регламентация.

Введение

Проблема гендерного неравенства насчитывает ровно столько лет, сколько и само человечество. В рамках различных научных и политических традиций эта проблематика интерпретировалась различным образом, периодически достигая своих крайних деструктивных форм, связанных с отказом от признания женщины в качестве сознательного и полноправного социального субъекта.

Одновременно, в том числе и на стадии патриархата, стали рождаться концепции, которые в той или иной степени подвергали гендерное неравенство критическому осмыслению и оспариванию. Даже в таких жестко патриархальных историко-культурных системах, как античность и христианство, существовали представления о позитивной инаковости женщин и о свойственных им безусловно высоких личностных качествах. Существовали концепции, доказывающие невозможность успешной социальной организации без конструктивного и созидательного «женского вмешательства». Такого рода утверждения и концептуальные обоснования в некоторой степени смягчали императивы патриархата применительно к отдельным социальным сегментам, но не отменяли их. Тем более они не ставили вопроса об общественной эмансипации женщин, ссылаясь чаще всего на естественные дефекты «женской природы».

Со всей остротой и последовательностью проблема преодоления гендерного неравенства впервые была поставлена в рамках утопического социализма, который предложил широкий спектр форматов (проектов), ориентированных на построение идеального общества, в которых (в одних полностью, в других преимущественно) будут преодолены гендерные различия и возникнет известная гармония в отношениях между полами. При всей очевидной заслуге социалистов-утопистов в разработке этой темы в научной литературе, однако, отсутствуют специальные работы, посвященные изучению их «гендерного творчества», что является целью данной статьи.

Киники о преодолении гендерного неравенства

При изучении гендерной проблематики, разрабатывавшейся социалистами-утопистами, целесообразно первоначально обратиться к их предтечам – *киникам*, поскольку, как справедливо отмечал советский философ И.М. Нахов, в кинизме мы находим систему, «обнаруживающую поразительное типологическое сходство с примитивным утопическим уравнительным коммунизмом» [1, с. 131]. Действительно, у кинизма

как политико-идеологической системы по подавляющему большинству параметров наблюдается кровнородственность с утопическим социализмом. Это и отрицание частной собственности («сребролюбие – метрополия всех зол»), и потребительский аскетизм, и социальное равенство в уравнительном варианте, и мечта о приближении «Золотого века» (утопический остров «Пёра» («котомка нищего»)), в котором между людьми будут преодолены эксплуатация, неравноправие и наступит «кинический рай», в котором исчезнут алчные собственники.

Представители утопического социализма позаимствовали у киников и широкий спектр их воззрений, касающихся отношений между мужчинами и женщинами. Остановимся на этом подробнее, осознавая, что киническое движение разворачивалось на протяжении многих столетий, а следовательно, в различных его школах неизбежно присутствует расхождение подходов по многим позициям, включая и гендерные.

В первую очередь, отметим то, что негативное отношение к институту частной собственности многие киники переносят и на семейные отношения, проповедуя общность жен, мужей и детей или вообще отрицая необходимость семьи и брака для жизни достойного и счастливого человека, как это делал, например, Диоген Лаэртский.

Такой подход имел несколько оснований. Первое: по своей природе семья включает в себя «мое», частное, предполагает обладание имуществом, что порождает собственнические инстинкты, которые неизбежно оказывают губительное влияние на личность. Отсюда у киников ориентация на борьбу против существующей в древнегреческом обществе традиционной (и священной) семьи, основанной на официальном браке и находящейся под покровительством верховных божеств – Зевса, Геры, Артемиды.

Второе: семейная жизнь требует большого поглощения, напряжения и объективации всех жизненных и сущностных сил человека, накладывая на него определенные обязательства по воспитанию, содержанию семьи, формируя сильные привязанности к домочадцам. С точки зрения киников, все это неизбежно будет отвлекать его от выполнения божественной миссии по переустройству мира, освобождению человечества и социальному миссионерству. Для киника семьей выступало все человечество.

Третье: в отношениях между мужчиной и женщиной, тем более между мужем и женой, весьма значим фактор страсти, чувственности, эротического влечения. Следовательно, человек может оказаться в плену эмоций и аффектов, что чревато для него печальными последствиями: разрушением личности по причине отхода от императивов нравственности, рассудка и разума. В некоторых случаях в чувственном вожделении может быть заключены такие мощь и всеохватность, которые способны навязывать мужчине чужую волю, поставив его в рабское положение («любовь-рабство»). По этой причине Антисфен называл любовь «злом природы» и «делом бездельников».

Четвертое: слишком близкие отношения с женщиной, как полагали многие киники, препятствовали бы формированию между людьми (особенно между мужчинами) подлинного братства, единства, близости и дружбы.

Некоторая (небольшая) часть киников, ратуя за эмансипацию общества, т.е. избавление его от всех форм угнетения и дискриминации, выступала сторонниками эмансипации женщин, их равенства с мужчинами в различных сферах, что для античности, воспринимавшей женщину как вторичное и социально ограниченное существо, в лучшем случае как «старшую служанку» (Ф. Энгельс), являлось революционным и радикальным. Подобная позиция основывалась на признании достоинства личности женщины и того, что большинство добродетелей присущи мужчинам и женщинам в равной степени. Наряду с этим для киников принципиальное значение имело то, что человек воплощает в себе свободу духа, которая не имеет половых различий.

В силу же того обстоятельства, что социальные возможности и функции женщины суть «от природы» ограничены, то императив равенства распространялся преиму-

щественно на моральное равенство полов, утверждение принципа взаимной духовной близости и любви. Безусловным являлось и признание права женщины на выбор мужчины на основе ее индивидуальной склонности и симпатии. Поэтому некоторая (меньшая) часть киников настаивала на необходимости признания прав любви и взаимного чувства мужчины и женщины, тем более в ситуации, когда перед их глазами выступал равноправный и счастливый брак по любви Кратета-кинника и Гиппархии, снискавшей себе славу женщины-философа.

Однако в целом большинство киников исходили из признания природных различий между полами, примитивизма и порочности сущности женщины и видели в них исключительно источник соблазнов, чрезвычайно опасный для мужчин, что обесмысливало само общение между ними. Так, Диоген Синопский называл красивых гетер медовым напитком, куда подмешан яд. В свою очередь, Антисфен отмечал: «Кого брать в жены? – Возьмешь красавицу – со всеми шляется, возьмешь ледащую – жизнь пропадающая» [Цит. по: 1, с. 107]. Подобные представления естественным образом ограничивали гармонию в брачных отношениях между мужчиной и женщиной, которые в подавляющем большинстве случаев своей целью имели только воспроизводство рода. Древняя Греция, как правило, не знала браков по любви.

В целом же отношения между мужчиной и женщиной окрашивались преимущественно в эротические тона, поскольку «от природы не убежать». Плотская неразборчивость, в свою очередь, оборачивалась «базарной Афродитой». Так, Зенон и Хрисипп предлагали воспринимать отношения мужчин и женщин в том контексте, что «каждый встречный может попользоваться любой встречной». Антисфен и Диоген, несмотря на весь свой моральный ригоризм, любили проводить время с куртизанками. Диоген требовал общения мужчин с любой женщиной, которая только согласится на это [1, с. 130]. Как справедливо отмечал А. Лосев, подобное поведение могло основываться, с одной стороны, на презрении к женщине, а с другой – оно было обусловлено тем, что «античный кинизм – это есть именно эстетика безобразного... все, что есть в человеке животного, с какой-нибудь точки зрения низкого, низменного, некрасивого, неприличного, все это – дозволено, законно, прилично, красиво» [2, с. 57, 60].

В соответствии с этим императивом всякий налет искусственности и желания мужчины улучшить свою внешность подвергается киниками остракизму. Происходит повсеместное осуждение ими стремления представителей сильного пола, вопреки своей природе, «наводить красоту», украшать свои тела и внешний вид, следовать моде, поскольку, по их убеждению, стремление всячески прихорашиваться является свойством исключительно женщин, но ни в коем случае не мужчин, для которых предпочтительнее быть голым, нежели «ходить в шелках и пурпуре».

Социалисты-утописты XV–XVII вв. об общественной эмансипации женщин

В наибольшей степени проблема женской эмансипации была поставлена и проработана в трудах *социалистов-утопистов*. Так, в идеальном государстве «Утопии» английского мыслителя и политического деятеля Т. Мора сохраняется патриархальность семейных отношений, где «во главе хозяйства стоит старейший. Жены служат мужьям, дети – родителям, и вообще младшие по возрасту – старшим» [3, с. 192–193]. Эта же патриархальность сохраняется и в системе управления, в которой правителями всех уровней являются исключительно мужчины. Но в остальных общественных сферах можно уже зафиксировать высокий уровень гендерного равенства. Это касается и системы образования, где все мужчины и женщины вместе учатся в часы, «свободные от трудов», усердно развивая свои знания и умения, занимаясь даже военными упражнениями. Это относится и к трудовой деятельности, в особенности сельскому хозяйству, которым призваны заниматься все без исключения. Женщина перестает уже быть

«узницею дома». Если между женщинами и мужчинами и существует разделение труда, то вызвано оно исключительно физиологическими факторами, поскольку очевидно, что, к примеру, для первых сподручнее прядение шерсти, а для вторых – ремесло каменщиков и плотников и, в целом, мужчинам поручаются самые трудные виды работ. Единым для всех выступает и формат потребления, поскольку «все у них общее» и «счастливы управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность» [3, с. 164]. Гендерно универсальными для жителей «Утопии» являются и ценностные стандарты социального поведения.

Что же касается супружества, то оно предполагает равенство по степени ответственности за семейный союз и отвергает любое проявление полигамии («утопийцы довольствуются одной женой»), прелюбодеяния, следование чувственной страсти и распутству. Даже если мужчина и женщина до супружества будут соединены тайной страстью, то их тяжело наказывают, невзирая на половые различия. В целом же, как отмечает А. Лосев, «у Мора выпирает на первый план... примат государства над семьей», и «оно самым существенным образом вмешивается в брачные дела» [4, с. 564–565].

Доминанта гендерного эгалитаризма наблюдается и в трудах итальянского социалиста-утописта Т. Кампанеллы, за исключением, как и в концепции Т. Мора, системы организации власти в обществе. Все руководители «Города Солнца» (Метафизик, Мудрость, Мощь, Любовь и др.) являются исключительно представителями сильного пола. Некоторые исследователи, указывая на то, что в нем (утопическом государстве), существует общность жен, делают вывод об их (женщин) социальной вторичности, забывая о том, что подобный феномен естественным образом предполагает и общность мужчин. Следовательно, в этом социальном сегменте между полами существуют вполне паритетные отношения. Возможно, правда, с точки зрения современного человека женщины находятся в более уязвимом положении по причине большей привязанности к рожденным ею детям, учитывая тот факт, что их рождение исходит из интересов государства, а вскормленный грудью ребенок передается для правильного воспитания «на попечение начальников».

В остальных же общественных сферах «Города Солнца» можно наблюдать равенство, преимущественно в его «казарменном варианте», предполагающее жесткую регламентацию жизни мужчин и женщин, которая представлена и в одежде («мужчины и женщины носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен»), и местах проживания («дома, спальни и кровати у них общие»), и даже в такой сфере, как получение допуска к «половым сношениям» («ни одна женщина не может вступить в сношение с мужчиной до 19 лет, а мужчина не допускается к женщине – до 21 года»), определения способности жителей города к «совокуплению», их частоты («каждая третья ночь»). Более того, именно Начальник Любви уполномочен, созерцая мужчин и женщин, обнаженных на занятиях в палестре, принять решение, кто из них в наибольшей степени подходит друг другу.

Некоторые различия существуют только в трудовой сфере, обусловленные физиологией пола: «Работают все, однако наиболее тяжелые работы закрепляются за мужчинами: пахота, сев, сбор плодов... К женскому труду относятся те работы, которые исполняются сидя или стоя: тканье, пряденье, шитье, изготовление лекарств... К живописи женщины допускаются, если обнаруживают к ней способности. Музыка же занимаются исключительно женщины. Они же готовят и накрывают на стол» [5, с. 89].

Английский социалист-утопист Дж. Уинстэнли, обращаясь к гендерной проблематике, также настаивает на ее эгалитарном прочтении, в значительной степени избавленном от патриархальности и сексизма. В его представлении, в идеальном обществе, основанном на «законе свободы» и «законе справедливости», первоэлементом социаль-

ных отношений является семья, созданная (что принципиально) на основании свободного выбора и без всякого внешнего принуждения как мужчины, так и женщины. При этом институт семьи настолько важен для социального организма, что в нем допускается существование частного в виде дома как своеобразной нерушимой крепости супружеской пары и их детей. Согласно Дж. Уинстэнли, в Республике утверждается однозначная и безусловная моногамия, в рамках которой муж и жена взаимно принадлежат друг другу, равно как и их дети. Лидерство за мужчиной в семейных отношениях сохраняется, однако, прежде чем стать реальным главой семьи, он должен достичь определенного возраста и убедить сообщество в своей способности к разумному поведению. Речь идет о создании своеобразной защиты семьи (и женщины) «от дурака». Важно и то, что в обществе недопустима «кража женской личной свободы» и посягательства на ее честь и достоинство. Поведение мужчины по отношению к женщине жестко регламентируется. Если же в той или иной форме обнаружится акт агрессии с его стороны, который «в безумии своем допустит грубость или насилие по отношению с женщинами, ссылаясь на общность, то соответствующие законы покарают его, ибо законы республики суть законы умеренности, трудолюбия и чистоты нравов» [6, с. 116].

Существенным образом утверждению известной гармонии в отношениях между мужчинами и женщинами должно послужить всеобщее, равное, обязательное образование, включающее и обучение на основе свободного выбора профессии. Мальчики и девочки должны обучаться совместно, но последние в силу природной предрасположенности наряду с грамотой и музыкой с удовольствием будут осваивать портняжное искусство, а также прядение и вязание. При этом Республика нацелена на то, чтобы всячески поощрять молодых тружеников в поиске новых приемов труда, в изобретениях и научных открытиях.

На свободе брачного выбора как важного компонента преодоления гендерного неравенства настаивает и французский мыслитель Жан Мелье, убежденный, что можно радикально уменьшить число неудачных браков, если предоставить «одинаковую свободу мужчинам и женщинам беспрепятственно сходиться, следуя своему влечению, равно как свободу расходиться и расставаться друг с другом, когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза» [7, с. 132].

Гендерные аспекты социальных концепций социалистов-утопистов XIX в.

Социалистическая тенденция, провозгласившая необходимость установления гендерного равенства, в полной мере проявилась и в трудах европейских социалистов-утопистов XIX в. Так, французский мыслитель Ш. Фурье высказал и обосновал позицию, что стремление сделать всех женщин домохозяйками свидетельствует о порочности такого социального механизма и что степень эмансипации женщин является естественным мерилем общей эмансипации социума. Изучая современное ему социальное устройство, он не только констатировал бедственное положение народа, но и указал на то, что в еще более угнетенном состоянии пребывают женщины, которые «больше, чем мужчины, подвергаются опасности не иметь занятия и зарабатывать так мало, что у них нет никаких источников существования, кроме как в проституции» [8, с. 247]. Фурье настаивал на том, что несчастливость женщин является ключевым аргументом в доказательстве «дикости» существующего общественного устройства.

В разработанной им фаланге как социальном образовании свободных индивидов преодолевается угнетенное положение женщины, а также социальные противоречия между ними и мужчинами, поскольку оба пола будут трудиться в рамках справедливого способа распределения, воздающего каждому участнику трудового процесса согласно «его трем производственным данным – *капиталу, труду и таланту*», что законо-

мерным образом приводит к рождению у людей страсти к «весьма приятным и весьма прибыльным работам». В этих обстоятельствах женщины получают возможность в полной мере проявить свои таланты, выходящие за пределы домашнего очага. Фурье отмечает, что ни в коем случае «нельзя исключать «женщин из области медицины и образования, сведения их деятельности к шитью и горшку». Природа, в том числе, раздает обоим полам равными долями способность к наукам и искусствам. Более того, должны быть сняты все ограничения и для их карьерного продвижения. Поэтому «всякая женщина, желающая прославиться и имеющая некоторые денежные средства, может притязать на пальму основательницы всемирного единства и устроиться главой опытной кампании» [9, с. 270]. Однако и в этой столь благоприятной социальной ситуации, способствующей самореализации личности, невозможно, согласно Фурье, в трудовой сфере преодолеть некоторые природные (физические) ограничения между полами. Исходя из этого, в «опытной фаланге», например, столярное производство и большие земледельческие работы будут закреплены за мужчинами, а парфюмерное – за девушками, женщинами. Некоторые же разновидности труда в равной степени соответствуют способностям мужчин и женщин, например, «кондитерское дело».

Разделение труда между мужчинами и женщинами сохраняется и в концепции английского социалиста-утописта Р. Оуэна, полагающего, что женщины должны быть представлены на производствах, но только в тех его частях, которые им доступны, причем они не должны там работать более четырех или пяти часов в сутки. Остальное время посвящается уходу и воспитанию детей, кухонным работам и выращиванию овощей на огородах для снабжения собственной кухни. Кроме этого, Оуэн делал акцент на том, что для достижения гендерного равенства необходимо, сделать так, чтобы мужчины и женщины правильно воспитывались и обучались с целью приобретения свойств разумного существа» и понимания собственной природы. По его убеждению, достойное, хорошее общество может быть создано только мужчинами и женщинами, воспитанными таким образом, что являются разумными в своих чувствах, мыслях и действиях.

В свою очередь, французский социалист-утопист А. Сен-Симон придавал минимальное значение гендерным отношениям, полагая, что лучшее общественное устройство, ведомое «индустриалами», усовершенствует весь спектр общественных связей и взаимодействий. В своих трудах под абстрактным человеком он понимал только мужчину и во всех своих сочинениях лишь единожды употребил слово «женщина». Однако в «Новом христианстве», провозглашенном сен-симонистами, громко и однозначно прозвучал тезис о *восстановлении плоти*, предполагающий свободу чувственных половых отношений между мужчинами и женщинами, что облегчит, в свою очередь, исчезновение экономической базы единобрачия – частной собственности. При этом свободу полов и половой любви должно обеспечить государство, осторожно применяя чисто моральные формы руководства.

Российские революционные демократы о преодолении гендерного неравенства

В наиболее острой форме проблемы гендерного неравенства были поставлены и разработаны российскими революционными демократами В. Белинским, А. Герценом и Н. Добролюбовым. В первую очередь, эти мыслители констатируют бедственное положение женщины во всех сегментах российского общества, высказывают по этому поводу рвущую душу горечь, указывая, что на ее социальном положении лежит «печать разврата». В представлении В. Белинского, женщина должна восприниматься не иначе как «жертва, раба новейшего общества... Сколько прекрасных женственных созданий, рукою дражайших родителей бросаемых на растление скотам, вследствие расчета или бессознательности!» [10, с. 348].

С наибольшей же силой социальное положение женщины «поражено» на производстве, в трудовой деятельности, где она, «съедаемая капиталом», подвергается нещадной эксплуатации и находится в более уязвимой ситуации, нежели мужчина. Женщина же, за редким исключением, исключена и из общественных практик, что также нивелирует ее социальный статус и возможности. Эксплуатация и бесправие женщины в полной мере распространяются и на семейную жизнь, где она выступает в своей перманентной вторичности, в вечной опеке со стороны мужчины, в жизни «на содержании», в унижительном несовершеннолетии, требующем контроля со стороны представителя сильного пола. Как восклицает Н. Добролюбов, «неужели женщина всегда должна быть страдальцей и рабой, имеющей свою долю власти только тогда, когда рассудок мужчины помрачается страстью? Пора определить хотя бы равенство одних семейных-то отношений мужчины и женщины» [11, с. 479–480]. Отсюда его декларация о необходимости обязательного достижения равенства женщины в семейных отношениях.

В трудах этих авторов присутствует наличие скорее веры, чем рациональной убежденности в том, что наступят иные, безусловно, лучшие в гендерном отношении времена, когда женщина перестанет быть рабой и жертвой общества и мужчины. С особой силой и очевидностью это проявится любовных (и сексуальных) отношениях мужчин и женщин, поскольку она уже получит возможность не продавать свое тело и душу, а «свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, в одной любви» [10, с. 350].

Решение «женского вопроса» во всех его проявлениях российские революционные демократы видели через освобождение от сковывающих ее социальных уз, что достижимо только посредством общественной эмансипации, т.е. радикального преобразования общественных отношений на новых социалистических принципах. При этом революционное дело и практика – это прерогатива не только мужчин, но и сами женщины должны стать активными участниками революционных действий.

Обоснование гендерного равенства помимо убеждения в необходимости достижения социального равенства между различными классами и социальными группами основывалось также на колоссальной вере в личностный потенциал женщин, в силу и красоту их добродетелей. Так, Н. Добролюбов в своей работе «Луч света в темном царстве», характеризуя Катерину, видит в ней сосредоточение лучших женских качеств и проявление безусловной духовной силы. Он отмечает, что ее образ «сосредоточенно-решителен, неуклонно верен чутью естественной правды, исполнен веры в новые идеалы и самоотверженен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь на тех началах, которые ему противны... В этой цельности и гармонии характера заключается его сила... Ее поступки находятся в гармонии с ее натурой... она и не может от них отказаться, хотя бы это имело самые губительные последствия» [12, с. 268]. В пьесе А. Островского «Гроза» образ Катерины выглядит гораздо более рельефным, чем образы героев-мужчин. По мнению Н. Добролюбова, в Катерине воплотилась «великая народная идея» – идея освобождения общества от различных видов несправедливости.

Заключение

1. Проблематика преодоления гендерного неравенства социалистами-утопистами непосредственно связывалась с освобождением всего общества от социальной несправедливости, что естественным образом должно привести и к общественной эмансипации женщин.

2. Важным являлся акцент на равный доступ мужчин и женщин к образованию и культуре, что позволило бы изначально уравнивать их жизненные шансы и возможности.

3. Несмотря на то, что идеальное общество, представленное в трудах социалистов-утопистов, основывалось на предельно эгалитаристских принципах, большинство

из них настаивали на сохранении патриархальной семьи, правда, в несколько «смягченном» варианте.

4. Ряд представителей этого направления рассматривали отношения между мужчиной и женщиной в вульгаризированном формате, особенно в контексте выполнения ими сексуальных ролей (общность жен, свобода любовных связей и др.).

5. Предлагалось с целью преодоления «семейного ига» и достижения большей независимости расширить участие женщин в трудовом процессе. При этом сам выбор трудовой деятельности должен быть основан на их естественной природной склонности. В полной мере это относится и к общественно-политической деятельности.

6. Предусматривалось осуществление масштабного контроля государства за отношениями мужчин и женщин, в том числе и в интимной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нахов, И. М. Философия киников / И. М. Нахов. – М. : Наука, 1982. – 223 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1969. – 728 с.
3. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М. : Наука, 1978. – 415 с.
4. Лосев, А. Ф. Эстетика возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1982. – 623 с.
5. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 288 с.
6. Уинстэнли, Дж. Закон свободы / Дж. Уинстэнли // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 110–123.
7. Мелье, Ж. Завещание / Ж. Мелье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 129–136.
8. Фурье, Ш. Заблуждение разума, доказанное смехотворными сторонами неопределенных наук / Ш. Фурье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 246–252.
9. Фурье, Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир / Ш. Фурье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 261–294.
10. Белинский, В. Г. Из писем В. П. Боткину / В. Г. Белинский // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 347–351.
11. Добролюбов, Н. А. Рецензия на роман М. И. Воскресенского «Наташа Подгорич» / Н. А. Добролюбов // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 479–480.
12. Добролюбов, Н. А. Луч света в темном царстве / Н. А. Добролюбов // О классиках русской литературы. – Минск, 1976. – С. 180–210.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.11.2018

Sokolovskaja M.G. Cynicism and Utopic Socialism on Gender Inequality Overcome

In the article cynics and socialists-utopians consider various aspects how to overcome gender inequality in an ideal state. The solution of this problem, first of all, is related to the society liberation from social and class contradictions. It is necessary to increase an intellectual and cultural level of women through the creation of common with men system of education. It is argued the importance of greater women participation in productive (but not public) activities. It is proposed to build family and sexual relations between men and women purely on a freedom of choice. In some concepts, primitivisation of these relations is possible in terms of wives and children community. In the gender area, large-scale state control and regulation are allowed.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 24.06.2019. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,53. Ул.-выд. арк. 15,46.

Тыраж 100 экз. Заказ № 241.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.